

СКАЗКИ

Ирландские

Валлийские

Annotation

В две книги сказок переведённых и составленных Н.В.Шерешевской входят: 1 книга — Ирландские и Валлийские сказки, 2 книга — Шотландские и Английские сказки.

Настоящий сборник знакомит читателей с сокровищами фольклора Британских островов.

- [Британские легенды и сказки](#)
 -
 -
 - [ИРЛАНДСКИЕ САГИ И СКАЗКИ](#)
 - [Из книги Шамаса Мак Минуса и из собрания Джозефа Джекобса](#)
 - [Строитель Гоб](#)
 - [Умная жена](#)
 - [Ученый Фиоргал](#)
 - [Воскресение Рафтери](#)
 - [Три монаха-отшельника](#)
 - [Лиса и гуси](#)
 - [Ученик вора](#)
 - [Жена Гоба](#)
 - [Поэт Маклонин и пахарь из Дал Каса](#)
 - [Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира](#)
 - [Пинам, Панам, Мара-Фанам](#)
 - [Семь пшеничных зерен](#)
 - [Повелитель ворон](#)
 - [«Рори спасет Ирландию!»](#)
 - [Ученые Мангрета](#)
 - [Король Птиц](#)
 - [Правая рука святого Ултена](#)
 - [Как удалось перехитрить самого Рафтери](#)
 - [Семейная распря](#)
 - [Мудрость Кормака](#)

- Из двухтомника «Британские сказки» Эмейбл Уильямс-Эллис и оксфордского издания Айлин О'Фойлин
 - Бой Кухулина с Фердиадом
 - Про короля, про святого и про гусыню
 - Поле ромашек
 - Мудрая Унах
 - Черный Вор
 - Надменная принцесса
 - Зачарованный Геройд Ярла
- Из собрания Уильяма Батлера Йейтса
 - Белая форель
 - Нокграфтонская легенда
 - Души в клетках
 - Господин и слуга
 - Дурное место
 - Мунахар и Манахар
 - Ленивая красавица и ее тетушки
 - Графиня Кэтлин О'Шей
 - Волынщик и пак
 - Озеро исцеления
 - Завороженный пудинг

○

○ ВАЛЛИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

- Из двухтомника «Британские сказки» Эмейбл Уильямс-Эллис, оксфордского издания Гвин Джонса и собрания Джозефа Джекобса
 - ИЗ ЛЕГЕНД О КОРОЛЕ АРТУРЕ
 - I. Поиски Олвен
 - II. Как Тристан нашел Изольду
 - Дева Озера
 - Солнце Лланфабона
 - Добрая душа
 - Лопата земли

• notes

- 1
- 2
- 3

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Британские легенды и сказки СКАЗКИ ИРЛАНДСКИЕ И ВАЛЛИЙСКИЕ

Из собрания кельтского фольклора Джозефа Джекобса и других изданий

Перевод и составление Наталии Шерешевской

Иллюстрации Лии Орловой, Алены Аникст, Надежды Бронзовой

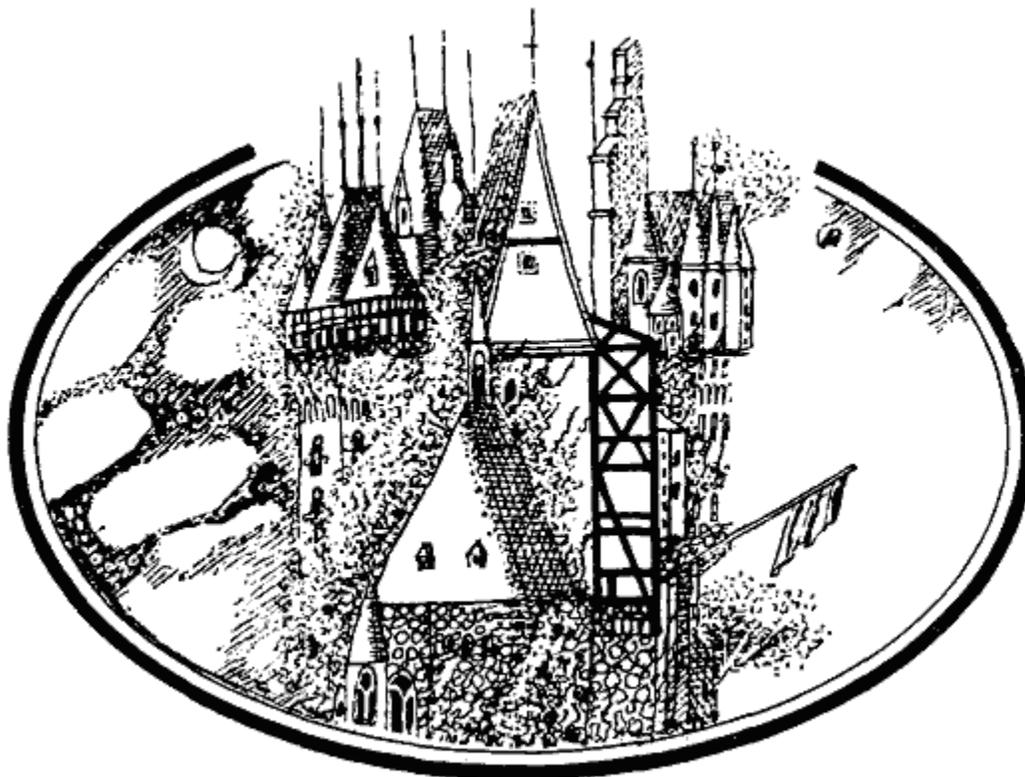
Ирландские
сати
и сказки

ИРЛАНДСКИЕ САГИ И СКАЗКИ

*Из книги Шамаса Мак Минуса и из собрания
Джозефа Джекобса*

Строитель Гоб

Вот вам старинная история про Гоба-строителя. Когда великий Гоб-ан-Шор, самый искусный строитель, каких знала древняя Ирландия, да к тому же умнейший во всей Ирландии человек, за исключением, правда, его жены — кстати, не забыть бы, что я должен кое-что рассказать вам о ней, — так вот, когда Гоб отправился в те далекие времена во Францию строить тамошнему королю дворец, он прихватил с собой и своего юного сына.

Был жаркий летний день, и оба очень устали, особенно мальчик: он был слабее и не привык путешествовать.

В полдень они достигли Круах Горма, и Гоб сказал мальчику:
— Сын мой, перенеси своего старого отца через горы!

Удивленный малыш возмутился:

— В своем ли вы уме, отец! Не могу же я выполнить невозможное, сами знаете!

— Что ж, тогда вернемся домой, — сказал Гоб. И они повернули домой.

На другое утро Гоб сказал сыну:

— Сегодня мы двинемся опять, да поможет нам Бог!

И они пошли.

Было жарко, и, как и накануне, когда они достигли подошвы Круах Горма, оба страшно устали. И Гоб сказал сыну:

— О, сын мой, перенеси меня через горы! Мальчик ответил:

— Отец, но вы и впрямь потеряли весь ваш разум. Мне самому-то, бедному, не подняться на эту гору, а еще вас переносить!

— Ну, тогда мы снова вернемся домой, — сказал Гоб.

И они опять повернули домой. В эту ночь, когда Гоб уже лег, мать спросила сына:

— Вот уже два утра подряд вы с отцом отправляетесь во Францию, но каждый вечер возвращаетесь назад. Что это значит?

— Мама, — отвечал сын, — мне кажется, наш отец совсем сошел с ума. Каждый раз, когда мы достигаем Круах Горма и я просто валюсь с ног от усталости, этот человек, ты только представь себе, просит меня, слабого и маленького, перенести его через горы!

— О мой мальчик, — говорит ему мать, — прежде чем ты сможешь выйти в большой мир, тебе надо еще многому научиться.

Завтра утром твой отец опять тронется с тобою в путь и произойдет опять все то же самое, лишь только вы достигнете Круах Горма. И когда он попросит тебя перенести его через горы, ты начни ему рассказывать «Лесную кукушку», или «Королеву Одинокого острова», или «Принцессу с Холма-на-краю-света» — словом, любую из прекрасных ирландских сказок, какие я по вечерам рассказывала тебе. Рассказывай и продолжай идти, увидишь, что будет!

Сын пообещал матери исполнить все, как она посоветовала. И когда на другой день они подошли к Круах Горму и Гоб опять попросил: «О, мой сын, перенеси меня через горы!» — мальчик, словно не расслышав его просьбы, спросил:

— Отец, вы когда-нибудь слышали сказку про трех сыновей ирландского короля, которые решили украсть дочь арабского шейха?

— Слышал, — ответил старик, — но мог бы слушать еще много раз.

И мальчик стал рассказывать ее с начала и до конца, эту милую-милую сказку, с тем же упоением, с каким рассказывала когда-то его мать. И когда он произнес последние чудесные слова этой длинной-предлинной истории, старый отец поднял глаза и посмотрел сначала вперед, потом назад, потом вверх и вниз: Круах Горм был уже позади!

— О, мой мальчик! — воскликнул Гоб. — Ты сын своей матери! Сегодня ты так легко перенес нас обоих через горы.

Что ж, по правде говоря, и меня самого наши чарующие старинные сказки не раз переносили через горы, иногда такие неприступные!

И вас, мои читатели, кому добрую половину своей жизни приходится ломать стену житейских трудностей, я приглашу, когда к вам придет очередная бессонница, на трехнедельные каникулы в зачарованные холмы и долины тех самых магических гор, которые сделали меня новым человеком, — в страну наших сказок, страну королей и королев, поэтов и пророков, ученых и колдунов, умных жен и глупых мужей, а может быть, даже и фей, и привидений, и говорящих птиц и зверей (которые говорят куда умнее, чем иные люди). Чтобы скоротать время, я, быть может, нет-нет да исполню для вас улаждающие душу стихи и непременно расскажу вам с полсотни восхитительных сказок.

Наверное, вы и не знаете, что среди всевозможных духов встречаются такие, которых зовут у нас ухажерами. В облике простого смертного, притом весьма недурного собой, ухажер поджидает на пустынном вересковом болоте хорошенькую девушку и начинает за ней ухаживать. И если она, неразумная, позволит ему себя поцеловать, ее ждет вечное проклятие и смерть, а душа ее улетит за возлюбленным в его волшебную страну.

Мойра Манахан, сейчас уже увядшая, сгорбленная и седая, но когда-то носившая прекрасное имя Цветущая Ветка Долины Эйни, Мойра в дни своей цветущей молодости повстречала вот такого ухажера, но по Божьей милости избежала рокового поцелуя. И все же когда он ухаживал за ней («Ах, ни один ирландский парень не шептал мне на ушко таких сладких и обольстительных слов!» — вздыхала она

потом), он снял с пальца кольцо и дал ей взглянуть через него на зачарованный мир.

И она увидела танцующих и резвящихся эльфов и шестьдесят прекрасных юношей, играющих в пятнашки посреди дивной зеленой долины.

«Ах! — воскликнула в восторге Мойра, рассказывая мне свою историю. — Ах! После того что я там увидела, ни одно зрелище у нас на земле уже не радовало меня!»

Без всякого злого намерения или пагубных последствий я дам и вам поглядеть через это волшебное кольцо, и, когда вы хоть краешком глаза увидите волшебную страну народной фантазии, она вас покорит куда больше, чем все улады вашей светской жизни. А если я ошибаюсь, я прокляну того гуся, чьим пером написал здесь это обещание, и поджарю его на костре, чтобы отомстить за вас.

Так слушайте!

Умная жена

На протяжении всей истории Ирландии — длинной, бурной и удивительной — не было, мне думается, женщины, равной по уму жене Гоб-ан-Шора, кроме, пожалуй, одной, имя которой Сав, жены самого О'Доннела. Да, это была необыкновенная женщина.

Про жену Гоба я вам расскажу позже, только б не забыть.

Сам О'Доннел, принц Донеболский, по-своему тоже был очень умен. Как-то раз на пасхальной неделе он принимал у себя при дворе именитого испанского гостя, и не хватило вдруг яблок. Он тотчас послал слугу в ближайшее аббатство, однако скупая братия ответила, что, увы, от старых запасов ничего не осталось и пока не поспеет новый урожай, яблок у них не будет.

Тогда О'Доннел приказал отправить монахам в подарок связку свечей. И посланец, который отнес их, вернулся обратно с корзиной чудеснейших яблок.

О'Доннел тут же сочинил на гэльском языке остроумное двустишие и отослал его с выражением своей благодарности в аббатство: мол, он потрясен открытием, что свечи помогают яблокам созреть раньше времени.

Да, только начали-то мы с вами говорить о его жене Сав, еще более умной, чем он. История о том, как он нашел ее, дочь бедняка из бедняков, и пленился ее мудростью, уже сама по себе превосходна, и, может быть, я поведаю вам ее, когда будет веселей у меня на душе. А сейчас я хочу рассказать вам, как Сав перехитрила своего любимого мужа.

Когда он впервые был пленен ее ясным умом и думал удивить эту босоногую девушку известием, что собирается на ней жениться и сделать ее хозяйкой своего сердца и своего дома, то удивляться пришлось ему самому, так как она наотрез ему отказала. Как только он успокоился, то спросил ее о причине такого безрассудства. И Сав ответила:

— Слепленный любовью, вы сейчас не замечаете ни моего положения, ни моей бедности. Но придет день, когда, если я осмелюсь разгневать великого О'Доннела, он забудет, что я ничем не хуже его, если не лучше, и ввергнет меня снова в ту нищету, из какой поднял.

Клятвы О'Доннела, что этого никогда не случится, не поколебали ее. Он просил ее, и умолял, и преследовал день за днем, с понедельника до воскресенья, и опять день за днем, пока наконец Сав

— подобно Сэлли Данлейви, когда та согласилась выйти замуж за большого и неуклюжего Мэнни Мак Граха, чтобы отделаться от него, — согласилась стать его женой.

Но она потребовала от О'Доннела клятвы, что, если придет день — а он наверное придет, — когда О'Доннел пожалеет о совершенной им глупости, станет ее попрекать и прикажет убираться назад, ей разрешено будет забрать из его замка все, что она сама выберет и сумеет унести у себя на спине за три раза.

Счастливым О'Доннел громко смеялся, соглашаясь на это ее чудное условие.

Они поженились и были счастливы. У них рос уже сын, в котором оба души не чаяли. И в течение целых трех лет О'Доннел сдерживал свой буйный нрав и не обижал ту, которую нежно любил, хотя его частенько подмывало на это, когда ей удавалось, и весьма умело, расстроить вероломные планы этого самодержца.

Но однажды она зашла слишком уж далеко, и это позволило королевским придворным посмеяться над былым величием короля.

У короля шел прием. Его жена сидела с ним рядом и с беспокойством наблюдала, какой страх он внушает всем, даже когда удовлетворяет просьбы одного просителя за другим. Вдруг какой-то босоногий монах дерзко шагнул прямо к королю. Быть может, ему и следовало вести себя поскромнее, но он был явно обижен.

— Ты кто такой? Что у тебя за просьба? — О'Доннел замахнулся плеткой, чтобы поставить раба на место.

Но человек этот не оробел, напротив — еще более дерзко и вызывающе он ответил:

— Посланник Бога я, О'Доннел! Господь прислал меня, чтобы потребовать от тебя исправить все зло, какое ты совершил.

Королева сдержала удар, который О'Доннел готов был обрушить на голову этого безумца. Она рукой остановила своего мужа и очень спокойно ответила разгорячившемуся монаху:

— Мы слышали много хорошего о твоём господине. Передай ему, чтобы он ничего не боялся и приходил сюда сам. Пусть смиренно сложит к нашим ногам свою обиду, и тогда он узнает, как добр и милостив великий О'Доннел.

В тот день при дворе вспыхнули беспорядки. Взбешенный О'Доннел тут же явился в покои жены и сказал:

— Ах ты шлюха! Но так мне, дураку, и надо! Что хорошего мог я ожидать, женившись на нищенке, дочери нищего! Долой из моего замка и с глаз моих! Навсегда!

— Прекрасно, — ответила спокойно Сав. — Но я заберу с собой самые большие ценности, какие только захочу.

— Забирай что угодно! — крикнул он. — Все равно я еще дешево от тебя отделался!

И все же он с болью смотрел, как она собирает все редчайшие и самые ценные украшения, какие делали его замок предметом всеобщей зависти. Но в гордыне своей он не промолвил ни слова. В полном молчании наблюдал он и весь его двор, как она перенесла свою ношу через разводной мост и, сложив ее на той стороне, вернулась назад.

— Что последует за этим? — храбро спросил он, стоя рядом с дивившимся на все это сыном и держа его за руку.

Повернувшись к нему спиной, Сав сказала:

— Посади ко мне на плечи нашего сына!

На мгновение О'Доннел остолбенел. Но он тут же вспомнил о прославленной неустрашимости всех О'Доннелов и не моргнув глазом оторвал частицу своего сердца — сына своего, посадив его на плечи этой жестокой.

Она перенесла сына через мост и опустила на мешок с бриллиантами, золотом и прочими драгоценностями, а сама вернулась опять.

— Ну, а теперь?

О'Доннел был тверд как скала, и как гранит был тверд его вопрос: «Ну, а теперь?»

— А теперь, — ответила эта необыкновенная женщина, — самое ценное. Теперь ты садись ко мне на спину, моя самая тяжелая ноша!

В старину говорили:

Очень мудро поступил наш Колм, когда еще в шестом веке, основав в Ионе свою знаменитую школу и поселение монахов и ученых, он запретил брать с собой корову. «Куда привели вы корову, — говорил этот мудрый человек, — туда

за ней последует и женщина. А куда пришла женщина, туда последуют и неприятности».

Ученый Фиоргал

Когда я читаю теперь о замечательных ученых, которые удивляют все человечество, я спасаюсь от чувства благоговения, обращаясь к воспоминаниям о заветном местечке у камина в доме Туатала О'Сливина в те далекие времена, когда я был молодым и самодовольным школьным учителем в Глен Куах и полагал, что я — кладезь премудрости, с которым по учености не сравниться никому от самой границы Карн-на-Уин до морского побережья У Банлах и от ущелья Барнес Мор до утесов Слав Лиг, — да, так я вспоминаю заветное местечко возле пылающего очага в доме Туатала и его рассказ об ученом Фиоргале, поведенный, пожалуй, не без умысла, в чем я тогда не сумел разобраться.

Много воды утекло со времен ученого Фиоргала: кто жаловался тогда на зубную боль, вот уже целая тысяча лет как и думать о ней позабыл. В те дни ученых Ирландии знали и чтили во всем белом

свете. Постигнув всю земную премудрость, знаменитые ирландские ученые так заносились в своей славе, что отправлялись в путешествие на восток и на запад и вызывали на спор, самый затейливый, какой только можно было придумать, любого из прославленных мудрецов.

Когда объявлялось такое вот необыкновенное состязание в учености между двумя великими самодовольными учеными мужами, доктор бросал своего пациента, хотя тот еще не успел отдать Богу душу, жених бросал невесту, а часовой — свой пост, хотя и видел вторгающуюся армию, король — свой трон, а нищий — суму, — словом, каждый готов был расшибиться в лепешку, только бы увидеть, кто кого положит на обе лопатки. Все просто с ума посходили из-за этих споров, и страна начала приходить в полный упадок, а ни старый, ни малый и не замечали этого, пока находилось еще достаточно дураков, с кем бы можно было поспорить о том, кто из всех ученых Ирландии наимудрейший.

Когда же это неистовство достигло высшей точки — ученые были увенчаны славой, а страна оказалась на краю гибели, — на родину из странствий вернулся ученейший из ученых, имя которого, кроме всех его званий, было Фиоргал Ученый. Сей муж, овладев всеми знаниями, какие только можно было получить у себя в Ирландии, затем утер нос всем колледжам в Европе и в Азии, вызывая там на спор и на состязание величайших философов и каждый раз выходя победителем, да к тому же обогащая свои великолепные познания в каждой новой стране, какую он посещал. Имя его и слава прогремели на весь свет, и вот Фиоргал снова в Ирландии, в своем родном Керри.

Весть о его возвращении повергла в страх всех Ирландских мудрецов.

Прибыв в Керри, Фиоргал не ел, не пил, пока не отправил в Тару к верховному королю Ирландии вызов сильнейшим из сильных его ученых, которых король имел обычай содержать при своем дворе в немалом числе. Это был вызов на последнее состязание на мировое первенство, причем в споре этом словами объясняться запрещалось — только знаками. Фиоргал назначил день и месяц своего прибытия в Тару. В тот день и должно было решиться — вечная слава этому городу или вечный позор.

А надо вам сказать, что король ирландский был человеком весьма здравомыслящим и прекрасно знал, что его приближенные готовы в

любую минуту поднять против него народ и с позором лишить его короны. Поэтому, просыпаясь утром, он первым делом хватался за голову: на месте ли его корона...

Вызов Фиоргала Ученого озадачил короля, как никого в его королевстве, — правда, виду он не показал. Придворные же его очень обрадовались — все, кроме ученых, конечно. Королевские мудрецы прославились на весь свет, ибо до того дня они не знали поражений и всегда и во всем выходили победителями. Однако теперь они поняли, что перед Фиоргалом Ученым им не устоять, — ведь он разбил наголову и опозорил всю Европу, а уж их-то разобьет и опозорит и подавно.

Чем ближе подходил день великого спора, назначенный ученым Фиоргалом, тем хуже чувствовали себя мудрецы короля; скорбь и уныние царили среди них. И наконец они толпою явились к королю и взмолились любым путем спасти их и королевский двор от бесчестия в глазах всего света.

И что ж, королевское сердце было тронуту, да и каменное сердце смягчилось бы при виде их скорбного состояния. Не откладывая в долгий ящик, король тут же стал ломать себе голову, что же предпринять.

И вот послушайте! Время от времени до короля доходили разговоры о некоем черноусом человечке, на редкость умном, по имени Темный Патрик. Жил он среди донеголских холмов, и, хотя нога его не ступала ни в один колледж, а книги не приходилось ему даже в руках держать, всем вокруг было известно о его ясном и трезвом уме. Немало удивительных загадок разгадал он, когда его просили об этом, но остался столь же скромным, сколь и бедным. Он мирно жил в маленькой хижине, возделывал свой клочок земли и не желал ничего лучшего, чем уважение своих соседей, таких же бедняков, как и он сам.

Король отправил в Донегол гонца за Темным Патриком, чтобы тот явился во дворец в Тару. И когда Патрик прибыл, король рассказал ему все и спросил, чем он может помочь.

А Темный Патрик покачал головой да и говорит:

— Не знаю. Ученость, — говорит, — это штука мудреная. Но я постараюсь сделать что сумею, только не поручусь, что это поможет.

— Ладно, — молвил король, покорившись судьбе. Темный Патрик постарался разузнать, кто при дворе самый бестолковый и белое от черного не отличит. И все в один голос сказали: Джонни Одноглазый, сын торговца яблоками. Глупее его не только при дворе, но и во всей Ирландии не найти, хоть обыскать ее из конца в конец.

— Ну, — сказал тогда Патрик, — стало быть, Джонни Одноглазому и побить Фиоргала Ученого.

Придворные умники так и взбунтовались: неужели, вопрошали они короля, его величество позволит, чтобы какой-то деревенский шут, этот Темный Патрик из Донегола, навлек вечный позор на его величество, на них самих и на всю страну?!

Но Темный Патрик сказал:

— Мой повелитель, быть может, кто-либо из твоих ученых сам хочет встретиться с Фиоргалом и нанести ему поражение? Коли так, доброе имя твое вне опасности и я тебе вовсе не нужен, а потому пожелаю тебе всего наилучшего и двинусь обратно на север.

И он обвел взглядом толпу мудрецов, желая увидеть, кто из них хочет выступить против Фиоргала. Но ученые мужи лишь переглядывались между собою, однако ни один не осмелился посмотреть королю в глаза и сказать: «Я встречу с ним!»

— Раз так, — молвил король, — раз ни один из вас не осмеливается выступить против Фиоргала, по какому праву вы мешаете этому доброму человеку Делать то, что он хочет?

Что верно, то верно.

Наконец прибыл сам великий Фиоргал, а с ним и его грозная свита из сильнейших ученых Манстера.

Фиоргал едва поклонился королю — столь велик и надменен он был. Он прошествовал в большой зал, приготовленный специально для состязания — для него и его спутников, являвших самый цвет учености, — и уселся на трон по одну сторону помоста на глазах у изумленной толпы зевак, ученых и знати, заполнивших зал до отказа. Затем он вызвал противника, чтобы начать состязание.

На королевских ученых лица не было, в то время как остальные зрители, а их были тысячи, еле сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху при виде Джонни Одноглазого в профессорской мантии, когда его вводили в зал, помогали подняться на помост и усесться на троне напротив знаменитого Фиоргала.

Фиоргал с кривой усмешкой на губах разглядывал героя, который осмелился выступить против него. Презрительный взгляд, которым наградил его в ответ Джонни Одноглазый, привел в восторг весь зал и вселил радость в королевское сердце.

Когда король увидел, что все готово, он позвонил в колокольчик. Это означало: противники могут начинать состязание — самое славное из всех, какие знала Ирландия!

Начал Фиоргал Ученый. Он поднял один палец перед своим противником, и в тот же миг Джонни показал ему два пальца, на что Фиоргал поднял три пальца. Тогда королевский герой погрозил ему кулаком. Фиоргал достал темно-красную вишню и съел ее, Джонни Одноглазый в ответ съел зеленый крыжовник.

Зрители в неистовом возбуждении тут же решили: что бы все это ни значило, а дело оборачивается против Джонни, так как он даже потемнел лицом от гнева.

Фиоргал быстро вынул из кармана яблоко и поднял его. Тогда Джонни поднял полбуханки хлеба, которую вытащил у себя из-за пазухи. Он был просто в бешенстве — это видели все, — в то время как Фиоргал оставался спокоен, словно форель в озере.

Фиоргал поднес яблоко ко рту и откусил от него. В тот же миг Джонни поднялся с хлебом в руке и запустил им Фиоргалу прямо в голову, так что даже сшиб его с ног!

Тут королевские ученые повскакали со своих мест с намерением прогнать Джонни Одноглазого и четвертовать его, но не успели они и рта раскрыть, как Фиоргал Ученый, вскочивший с места раньше их, пересек помост, схватил руку Джонни в свои и пожал ее. А затем повернулся к онемевшим зрителям и произнес:

— Господа! По доброй воле и громогласно я признаю, что впервые за долгие годы своей славной жизни Фиоргал Ученый побежден!

Всех как громом поразило.

— Я изъездил весь свет, — продолжал Фиоргал, — побывал во многих знаменитых колледжах, вступал в спор с величайшими учеными мира, но мне суждено было приехать в Тару к ученым верховного короля, чтобы встретить наимудрейшего и удивительнейшего ученого, который благодаря своей все-постигающей мудрости во всем превзошел меня и побил в этом споре. Но я не

разбит, — сказал он, — я горд, что судьба принесла мне поражение от неповторимого гения!

Тут поднялся король и молвил:

— Будьте любезны, объясните собравшимся здесь господам, что произошло между вашей ученой светлостью и моим ученым героем.

— Сейчас объясню, — сказал Фиоргал. — Я начал с того, что поднял один палец, и это означало: Бог один. На что сей ученейший муж справедливо заметил, подняв два пальца, что, кроме Бога-отца, мы поминаем еще двоих: сына и святого духа. Тогда, думая, что я ловко поймал его, я поднял три пальца, что должно было означать: «А не получается ли у тебя три Бога?» Но ваш великий ученый и тут нашелся: он тотчас сжал кулак, отвечая, что Бог един в трех лицах.

Я съел спелую вишню, говоря, что жизнь сладка, но великий мудрец ответил, проглотив зеленый крыжовник, что жизнь вовсе не сладка, но тем и лучше, что она с кислинкой. Я достал яблоко, говоря, что, как учит нас Библия, первым даром природы человеку были фрукты. Но ученый муж поправил меня, показав хлеб и заявляя этим, что человеку приходилось добывать их в поте лица своего.

Тогда, призвав на помощь весь мой разум, знания и вдохновение, я надкусил яблоко, чтобы сказать: «Вот ты и попался. Объясни-ка, коли сумеешь». Но тут — подумать только! — этот благородный и неповторимый гений бросает в меня свой хлеб и, не дав опомниться, сшибает меня с ног. И этим, как вы сами понимаете, напоминает, что именно яблоко было причиной падения Человека. Я побежден! Вечный позор мне и бесчестье. Одного лишь прошу я — отпустите меня с миром и предайте вечному забвению.

Так ответил королю Фиоргал Ученый.

И вот со стыдом и позором Фиоргал Ученый и его свита поджав хвосты покинули королевский замок. А вокруг Джонни Одноглазого, который прослушал речь Фиоргала разинув рот, собрались все великие доктора и ученые короля. Они подняли его к себе на плечи и трижды три раза совершили с ним полный круг по двору королевского замка. Затем они опустили его наземь и заставили короля собственноручно увесить Джонни всеми значками, медалями и учеными орденами, какие только имелись в королевстве, так что у бедняги даже согнулась спина от тяжелой ноши.

— А теперь, — молвил король, подымаясь с трона, — я напомним вам, что имеется еще один человек, которого мы забываем, но которого нам грех не помнить и не чтить. Я говорю о Темном Патрике из Донегола. Пусть он отзовется и выйдет вперед!

Из дальнего угла комнаты, из-под хоров поднялся черноусый человечек и поклонился королю.

— Темный Патрик, — обратился король к черноволосому человечку из Донегола, — мне хотелось бы оставить тебя при моем дворе. Я дам тебе любое жалованье, какое ты назовешь, и вся работа твоя будет находиться всегда у меня под рукой, чтобы в любое время я мог получить от тебя совет. Так назови же свое жалованье, и, каково бы оно ни было, оно — твое!

— Ваша милость, — отвечал Темный Патрик, — примите от чистого сердца нижайшую благодарность за вашу снисходительность и доброту ко мне, недостойному. Но простите меня, если, прежде чем ответить на ваше предложение, я осмелюсь воспользоваться правом каждого ирландца задать один вопрос.

— Говори, — молвил король.

И Темный Патрик повернулся к совершенно опешившему Джонни Одноглазому, который весь сгорбился под тяжестью своих медалей, и, указывая на него, произнес:

— Мой вопрос будет вот к этому ученому мужу, восседающему на помосте. Всем собравшимся, — обратился он к Джонни, — Фиоргал Ученый милостиво сообщил здесь свое толкование немого спора, который проходил между вами и в котором вы, с помощью вашего гения, побили первого в мире ученого. Не могли бы и вы оказать честь всем присутствующим и рассказать, что вы сами думаете об этом?

— Отчего ж не рассказать, расскажу! — ответил Джонни, то есть, простите, ученый муж. — Нет ничего проще. Этот самый парень, которого вы выставили против меня, да бесстыднее бездельника я в жизни своей не встречал, к счастью. Так вот, сперва ему потребовалось задеть мою личность: задрал кверху палец, чтоб подразнить, что я одноглазый. Ну, я взбесился и показываю ему два пальца — мол, мой один глаз стоит твоих двух. Но он дальше-больше надсмехается и показывает три пальца, чтоб и вам захотелось потешиться: вот, мол, перед вами три глаза на двоих. Я показал ему кулак, чтоб он знал, что ждет его, если не уймется. Но тут он съел вишню и выплюнул

косточку, говоря, что ему наплевать на меня. А я съел зеленый крыжовник — мол, и мне наплевать на тебя со всеми твоими потрохами. Когда же этот негодяй вынул яблоко, чтобы напомнить мне, что я всего-навсего сын мелкого яблочного торговца, я вытащил двухпенсовый хлеб, который нес домой к обеду как раз о ту пору, как меня схватили и приволокли вот сюда.

Да, так я вытащил хлеб — ничего тяжелей под рукой не нашлось, — чтоб он знал, что, если не одумается, я ему сейчас голову разможжу. Но охальник сам накликал себе конец: поднял яблоко ко рту и откусил от него — мол, когда ты был юнцом, ты частенько воровал яблоки у своей бедной хромой старой матери и убегал с ними, чтобы съесть потихоньку. Это было последней каплей! Я запустил буханкой этому нечестивому прямо между глаз и пришиб его. Вот вам и великая победа, — закончил Джонни.

— Величайшая победа! — повторил Темный Патрик. — И я, — обратился он к Джонни, — поздравляю вас, ваше ученое степенство, и всех ученых мужей, присутствующих здесь, со столь удивительной победой!

— И в самом деле, огромная победа, — молвил король, взяв понюшку табака. — И я приказываю вам, ученые господа, — продолжал он, — отвести вашего ученого главу в самые пышные покои нашего славного замка и впредь оказывать ему всевозможный почет и уважение. Ну, а что же будет с тобой, Темный Патрик? — спросил король.

— Как раз об этом я и собирался сейчас сказать, — ответил Темный Патрик. — К сожалению, я вынужден отказаться от вашего милостивого предложения, ваше величество. Такому темному и бедному горцу, как я, не подобает оставаться при вашем дворе, где пребывают столь великие ученые мужи, каких я имел честь наблюдать. Ученость, как я уже смел заметить, — мудреная штука! Я от всего сердца и смиренно благодарю вас, ваше величество, — он низко поклонился королю, — и желаю вам здравствовать!

А мне сейчас самая пора отправиться в путь-дорогу к маленькой хижине среди донеголских болот.

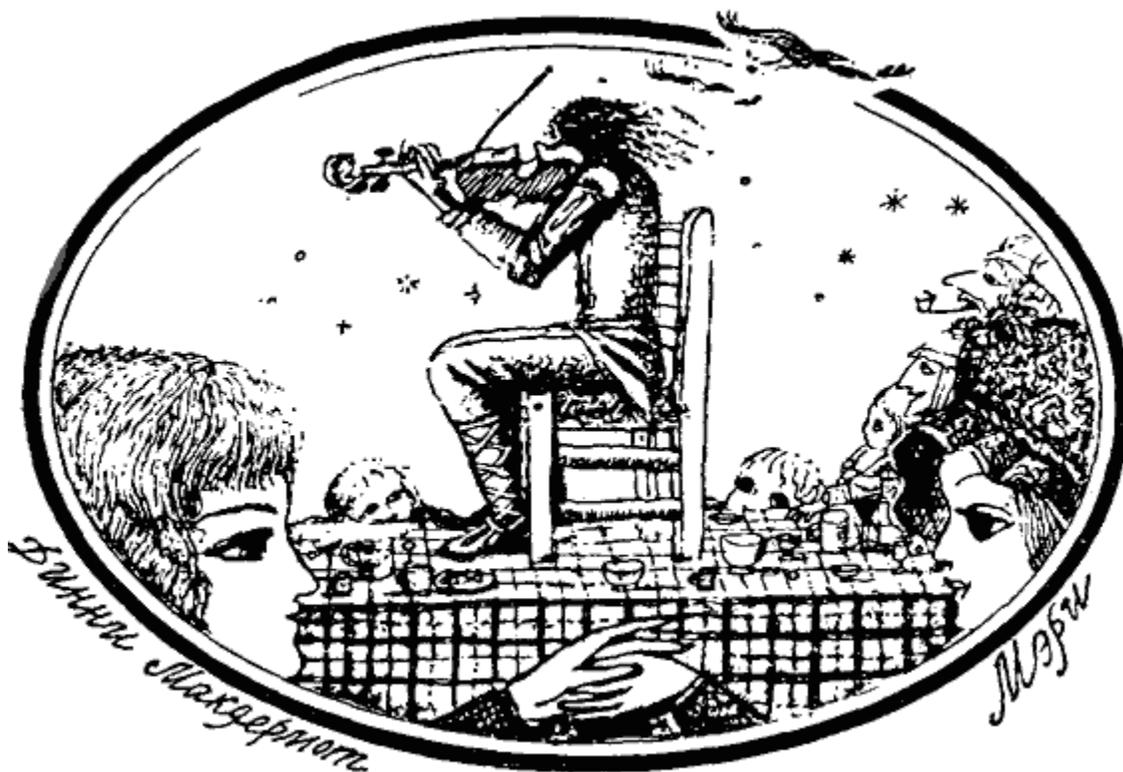
Его величество и так и эдак пытался удержать Темного Патрика, но безуспешно. Патрик привязал к палке, с которой всегда путешествовал, свой узелок, и любой, кто бы вздумал поглядеть ему

вслед, увидел бы, как этот человечек одиноко, но бодро шагает по дороге на север.

В старину говорили:

Дом без ребенка, собаки или кошки — дом без любви и радости.

Воскресение Рафтери

Выполняю мое давнишнее обещание — вот вам первый пример искусства шанахи.^[1] История моя будет про знаменитого Рафтери, одного из достославных бродячих артистов Коннахта, по праву считавшегося самым удивительным шанахи во всем Кривине, в чем мне самому удалось убедиться.

Только, чур, перескажу я вам эту историю, как моей душе угодно. Так вот...

Рафтери был не только скрипачом — он был человеком. Первейшим человеком и лучшим скрипачом, какой когда-либо ступал

по земле в кожаных башмаках.

Свет не знал сердца более щедрого, чем у него. О! В его скрипке слышались и завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши^[2] под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. В ней звучали одиночество болот и красота небес, свист черного дрозда и песня жаворонка, легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Его напев, подобно ветру среди камышей, то падал, то убегал, увлекая за собой слушателей, которые всегда окружали его. И самая черная душа светлела, гордость уступала кротости, а суровость таяла как снег в мае.

Со всех концов Ирландии стекались люди, чтобы послушать его. Каждая пядь земли между четырьмя морями ведала о его славе. Люди забывали голод и жажду, жару и холод, оказавшись во власти его музыки. Звуки его скрипки отдавались в каждом уголке человеческого сердца. И хотя он легко мог бы сделаться самым богатым в своем краю, лучшей его одеждой так и оставалась потрепанная куртка.

Деньги он презирал. Любовь! Только любовь — единственное, что он знал и чему поклонялся. Для него она была всем на свете.

Только любовь — услада его сердца — могла вывести его из могилы и привести на свадьбу Динни Макдермота и Мэри.

И только любовь, одна лишь любовь, была их богатством — отважного Динни и красотки Мэри в ту ночь, когда они поженились. В четыре пустые стены вернулись они из церкви: холодная вода да ночной мрак за окном — вот и все.

Но что им было за дело до этого, раз поженились они по любви? Мэри отказала самому скряге Макгленахи из Хилхеда со всеми его коровами, пастбищами и рыбалками. А Динни смело отвернулся от Нэнси Мур из Мервах с ее ста фунтами, семью телятами и двумя сундуками с приданым из чистого льна, которые он получил бы, — помани только пальцем. Но он взял в жены Мэри.

И вот они оказались одни-одинешеньки в своей жалкой лачужке в свадебную ночь, вместо того чтоб пировать, как это обычно полагается. Одни-одинешеньки — да, да! Ведь все рассудительные люди просто возмутились, что оба упустили случай разбогатеть и поправить свои дела — случай, посланный самим небом, — эти телята

и денежки Нэнси Мур и рыбалки, пастбища да еще двадцать коров того скряги в придачу.

А? Упустить такие прекрасные предложения, как будто это так, пустяки! И пожениться сломя голову, как дурачки какие-нибудь, не имея за душой ни полушки.

Но всем этим умникам было не понять — куда им! — что Динни и Мэри просто бежали от искушения поддаться всеобщему благоразумию и обвенчаться с золотом, — вот они и поженились по любви. Ну и, конечно, все почтенные люди отвернулись от них и оставили влюбленную парочку одну, в полном одиночестве, но зато полную любви друг к другу в эту первую ночь после их свадьбы.

Но вот поднялась щеколда, и к ним в дом вошел сгорбленный старичок со скрипкой под уже почерневшей зеленой курткой.

Он пожелал доброго вечера и присел на стул, который Динни придвинул для него поближе к огню.

— Ну и длинный путь я проделал, — сказал скрипач. — И голоден же я! Если б, добрые люди, вы дали мне чего-нибудь к ужину, я бы спасибо сказал вам.

— Ха! Ха! Ха! — рассмеялись оба дружно. — Ужинать? Так знайте, хотя мы только сегодня сыграли свадьбу, на ужин у нас ничего, кроме любви. Право же! Будь у нас хоть что-нибудь, чем можно было бы набить желудок, мы с радостью и от чистого сердца отдали бы большую долю вам или какому-либо другому гостю.

— Как! — воскликнул гость. — Вы поженились только по любви? И у вас нечего даже бросить в горшок?

— Конечно! — ответили оба. — Ха! Ха! Ха! И теперь мы за все расплачиваемся.

— И это не такая уж дорогая цена, — говорит Мэри.

— Совсем недорогая! — говорит Динни.

— Да благословит вас Господь! — промолвил скрипач, который все это время наблюдал за ними исподлобья. — Коли так, вы не останетесь внакладе. — И спрашивает: — Доводилось вам слышать историю про Рафтери?

— Рафтери? Еще бы! Или ты смеешься над нами? Только глухие или мертвые не слышали про великого Рафтери.

Тут старый скрипач кладет скрипку и смычок к себе на колени и говорит:

— А ну, пошлите-ка весточку соседям, чтобы приходили да приносили свадебные подарки. И не какие-нибудь, а самые лучшие, мол, на свадьбе будет играть сам Рафтери.

— Рафтери? — воскликнули оба, когда речь вернулась к ним.

— Ну да, Рафтери — это я, — говорит скрипач, снова беря свою скрипку.

Так и подпрыгнуло сердце у обоих от радости, и все мирские заботы рассеялись, как туман с гор.

Новость, подобно лесному пожару, облетела всю округу: сам Рафтери, великий Рафтери, о котором наслышано далее дитя в колыбели, но кого редким счастливецам удалось видеть, будет играть на свадьбе у Динни Макдермота! Все словно голову потеряли, побросали работу и, позабыв про жадность, похватали лучшие подарки для новобрачных и поспешили к их дому.

Барни Броган принес копченую свиную грудинку, а Джимми Макдой баранью ногу. Эамон Ог пришел, согнувшись в три погибели под тяжестью целого мешка картошки, а миссис Макколин, как гора, — полные руки постельного белья. С полотном, которое принесла Молли Макардл, могла соперничать лишь фланель Сорхи Руа. Но им не уступали и бочонок масла Пэдди, прозванного Привидением, да и овсяные лепешки Ройсин Хилферти, которые могли пригодиться и впрок. Даже Баках Боог притащил свой подарочек: сахар и чай. К всеобщему изумлению, появился и знаменитый скряга Матта Мак-а-Нирн, еле волоча корзину с крякающими утками и гогочущими гусями.

О, большущий сарай потребовался бы, чтобы схоронить все богатство, какое привалило в эту ночь Динни и Мэри, — целые груды добра и всякой всячины, эти их свадебные подарки. И Рафтери простым кивком головы благодарил за них каждого мужчину и каждую женщину.

А они думали про себя: будь они хоть трижды богаты, все равно оставаться им в неоплатном долгу перед Рафтери. Они боялись даже громко чавкать на этом свадебном пире, — а пир получился и впрямь на славу, лучший пир во всей округе, так уж все тогда и решили, — чтоб не пропустить хоть словечко или шутку, которые Рафтери то и дело отпускал со своего почетного места за столом. Его шуточки

кололи, и жалили, и уязвляли, и все же они заставляли смеяться даже тех, кому он прямо-таки наступал на любимую мозоль.

Ну и гордилась наша парочка, Динни и Мэри, своим свадебным ужином, самым лучшим, самым богатым, самым веселым-развеселым, какие только видели зеленые горы Ирландии! Да им и было чем гордиться. Больше того, каждый ребенок тех гостей, которые побывали у них в ту ночь, рассказывал детям своих детей, кто украшал почетное место за столом на свадьбе у Динни Макдермота в ту ночь.

А когда пиршество закончилось и все прибрали, Рафтери поставил свой стул прямо на стол, в углу, сел, вскинул на плечо скрипку и провел по ней смычком. Все, кто были там, затаили дыхание: им послышалось в скрипке завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. Красота небес и одинокость болот звучали в ней, и свист черного дрозда, и песня жаворонка, и легкая поступь тысяч и тысяч фэй, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Подобно ветру среди камышей, его напев то падал, то убегал, увлекая за собой затаивших дыхание слушателей.

И самая черная душа светлела, гордость уступала кротости, а суровость таяла, как снег в мае. И не было никого среди них, кто, хоть раз услышав его музыку и подпав под ее сладостные чары, не пожелал бы навсегда остаться в их власти.

Но вот настала минута платить скрипачу за услуги, и тут Рафтери взял свою шапку и прошелся с нею по кругу, — ни один скрипач не делал этого прежде.

И что же, кто, покоренный его игрой, поклялся себе дать шестипенсовик, подавал шиллинг, а кто решился дать шиллинг, расщедрился на целую крону. И когда Рафтери обошел всех в доме, шапка оказалась полным-полнехонька, даже с верхом.

А после все до одного — конечно, то еще действовали волшебные чары музыки, — трясли Динни руку, целовали Мэри в губки, просили Господа Бога благословить их брак и убирались восвояси. А за ними и Рафтери сунул свою скрипку под старую, уже почерневшую зеленую куртку, пожал руку оторопевшему Динни, расцеловал Мэри и, поручив Богу беречь их счастье, двинулся в путь. Оба лишь рты разинули, вытаращили глаза и не могли вымолвить ни словечка.

И только шапка старика, доверху набитая серебром, которая так и осталась на столе, вернула Мэри дар речи.

— Он забыл свою шапку с деньгами! — закричала она.

— погоди, я сейчас его окликну! — сказал Динни, бросаясь к дверям.

Но не успел он там очутиться, как дверь раскрылась, и в дом вошел Пэт-коробейник со словами:

— Бог в помощь!

— Бросай свой мешок, Пэт, — кричит ему Динни, — скорей верни этого старика со скрипкой, которого ты только что встретил!

— Какого черта еще? — спрашивает Пэт.

— Да Рафтери! Рафтери! Ты сейчас встретил самого великого Рафтери! Он играл на нашей свадьбе и забыл свою шапку с деньгами. Беги за ним!

— Рафтери, — повторяет Пэт. — Ты что, спятил? Да его, Рафтери, могилу я помогал закапывать еще три недели назад, в графстве Голуэйском. Бедный скиталец!

— Да, Рафтери... — повторяет он про себя, печально качая головой, пока Динни и Мэри как громом пораженные застыли посреди комнаты. — Рафтери, нищий богач, который мог бы умереть богачом, а ушел на тот свет с тремя полупенсовиками в кармане, без целой рубахи на плечах. Рафтери! Тьфу, пропасть!

Что и говорить, Рафтери был не только скрипачом — он был человеком, лучшим из лучших! Человеком и скрипачом. Никто, равный ему, не ступал еще по земле в кожаных башмаках, не было еще на свете сердца более щедрого, чем у него.

О! В его скрипке слышались завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. В ней звучали одиночество болот, и красота небес, и песня жаворонка, и легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Подобно ветру среди камышей, его напев то падал, то убегал, увлекая за собой слушателей.

И самая черная душа светлела, гордость сникала, а самое жесткое сердце становилось мягким как воск.

Со всех концов Ирландии стекались люди, чтобы услышать его скрипку, — слава его облетела каждую пядь земли между четырьмя

морями. Люди забывали голод и жажду, жару и холод, пока звучала его чарующая музыка. В каждом уголке человеческого сердца отдавались звуки его скрипки. И хотя он легко мог бы сделаться самым богатым в своем краю, лучшей его одеждой так и оставалась потрепанная куртка.

Деньги он презирал. Только любовь. Любовь — единственное, что он знал и чему поклонялся. Для него она была всем на свете. Музыка, Красота и Любовь — вот его богатство, которое он оставил, уходя в могилу. Да, с тремя полупенсовиками в кармане, в драной рубашке на плечах, он умер богачом, наш Рафтери...

В старину говорили:

Восхвалять Бога достойно, но мудрый не станет клясть и дьявола.

Три монаха-отшельника

В те далекие времена, когда в Ирландии было много отшельников, три святых монаха, отвратившись от суеты мирской и пустой болтовни, решили покинуть свет, чтобы обрести покой, божественную тишину и отрешенность на уединенном острове Иниш Койл.

Они выстроили себе из камня лачугу и там, в тишине, предавались посту, созерцанию и размышлениям.

За весь год этой святой жизни они не произнесли ни единого слова.

Когда же первый год прекрасного служения Всевышнему завершился, один из них молвил:

— Разве наша жизнь не исполнена добра?

В конце второго года второй монах ответил:

— Исполнена.

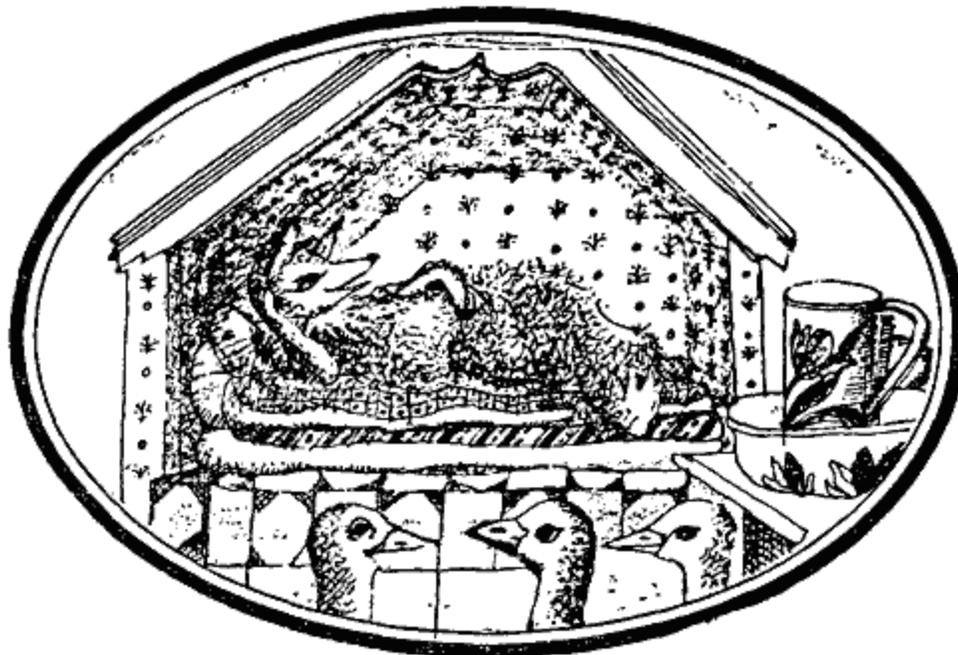
А когда третий год был на исходе, третий святой отец поднялся, опоясался, взял свой псалтырь и молвил:

— Я уйду, чтобы обрести тишину. На Иниш Койл для меня слишком много речей.

В старину говорили:

Все раздражает ее, но кошка просто разбивает ей сердце.

Лиса и гуси

Всякий знает, что одно лишь появление лисы нагоняет страх на гусей, но отчего это так, известно очень немногим.

На прогалине, в лесу, подрались раз две гусыни. Обе из одной стаи, обе схватились за один сладкий листок. Прибежали два гусака узнать, что случилось, ну и сами тут же пустились в драку, — каждый за ту гусочку, которая ему больше приглянулась.

А потом подросла и вся стая, разделилась на два лагеря, и такой тут бой разгорелся, такой галдеж поднялся, что все звери в лесу всполошились.

Пришла с расследованием и лиса и сказала, что не подобает братьям и сестрам, родным и двоюродным,

тетям и дядям вступать в столь постыдный спор. Пусть-де лучше пойдут к умному судье, расскажут ему все как есть и попросят разрешить их дело миром.

На это гуси ответили, что они не знают ни одного судьи. Тогда лиса скромно заметила, что люди считают ее большим знатоком законности.

— Так-то оно так, да мы слышали, что все законники очень жадные, — сказали гуси. — Наверное, вы потребуете с нас слишком большой гонорар.

Разве не стыдно ей будет брать деньги со своих лучших друзей, отвечала им лиса. Она с удовольствием рассудит их просто так, из любви к гусям.

И было решено, что лиса разберет это дело. Она потребовала, чтобы две зачинщицы спора пошли с нею домой и рассказали ей всю историю. И они пошли с нею, и она заперла за ними дверь, чтобы никто не мог помешать их беседе.

Немного погодя лиса вышла и сказала, что необходимо присутствие двух гусаков, и они пошли за ней.

Еще через некоторое время лиса вышла за двумя свидетелями. Все захотели быть свидетелями. Но лиса выбрала двух самых больших и жирных, так как свидетели должны быть представительными, сказала она.

Немного погодя она вышла еще за двумя, чтобы они выступили защитниками. И опять, так как ей хотелось собрать у себя представительных лиц, она выбрала самых гладких и жирных. На этот

раз один скромный гусенок заметил, что сама лиса с каждым появлением выглядит все толще, круглее и больше.

Ну да, объяснила лиса, она просто-таки распухает от показаний, которые она получает в процессе ведения дела.

После этого прошло немало времени, но ни лиса, ни кто-либо из их собратьев не появлялся, и гуси, сколько их там осталось от стаи, решили войти в дом и узнать, что происходит. Они нашли лису спящей на великолепнейшей пуховой перине, но ни одного гуся рядом. Они разбудили лису и спросили, где их собратья. Лиса с изумлением огляделась вокруг и воскликнула:

— Ну кто бы подумал, что встречается такой обман, такое вероломство в этом испорченном мире!

— Что вы хотите этим сказать? — спросили гуси.

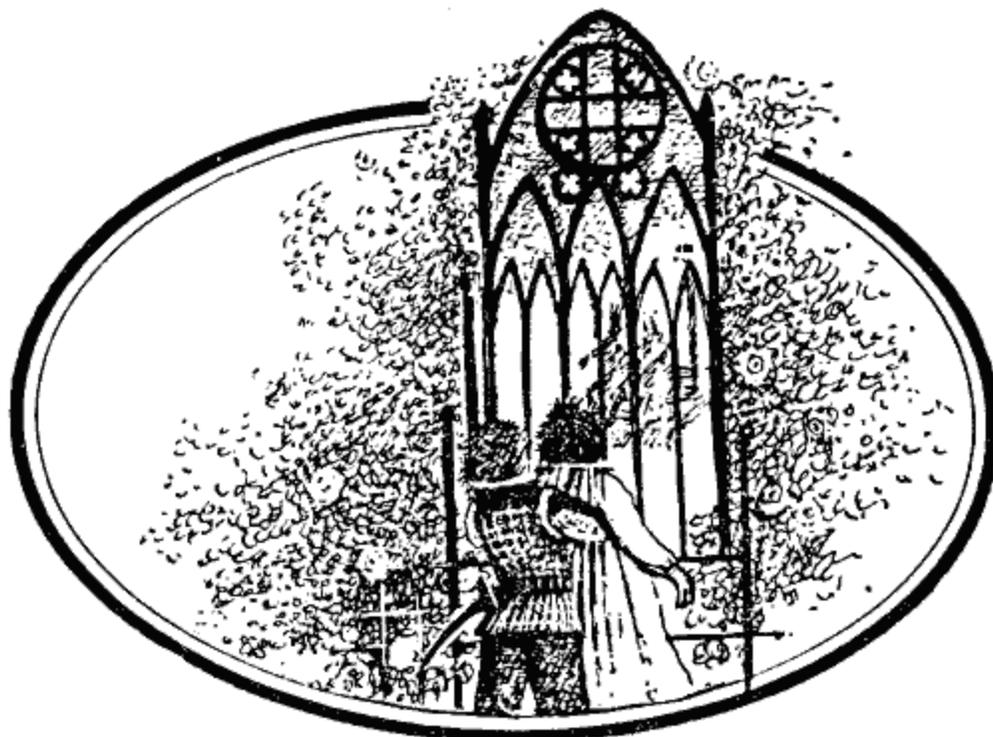
— Когда я уже совершенно обессилела от их доводов и ложных показаний и была вынуждена, махнув на все рукой, прилечь на часок и соснуть, я спросила, могу ли я положиться на них и просить их посторожить, пока я сплю. И они в один голос поклялись мне, что могу. В простоте душевной и наивности я без колебаний, без сомнений поверила их слову. А куда же они теперь делись? О, неверные! О, подлые обманщики! Оставьте со мной двоих, — продолжала она, — самых больших, жирных, самых уважаемых, чтобы я не чувствовала себя так одиноко, а остальным я приказываю отправиться за этими низкими предателями, схватить их и привести ко мне. И пока вы не найдете их и не приведете сюда для достойного наказания, не смейте показываться мне на глаза!

И с этого дня, как встретятся гуси, так и пойдет у них: га-га-га, га-га-га. Весь свет слышит, как они гогочут, кричат друг другу: «А-гу-си-где? А-гу-си-где?» Все еще надеются услышать новости о словонарушителях.

В старину говорили:

Там были только проповедник да пастор, но кошелек мой как в воду канул.

Ученик вора

Джек

Старинные сказания пренебрегают мелкой моралью. К примеру, в «Ученике вора» сказитель с гордостью расписывает плута и обманщика, однако и мастера своего дела, и юные слушатели души в нем не чают. Вот эта поучительная история.

Король, сильно раздосадованный, что сын его кучера Джек тащил из замка все, что ни попало, приказал отцу обучить молодого мошенника какому-нибудь ремеслу — любому, какое тот выберет. Но чтобы заслужить у короля прощение себе и своему отцу, юный плут должен был к концу семилетнего обучения так овладеть своим ремеслом, чтобы выполнить любые три задания короля.

Раз уж Джеку предоставили полный выбор, он последовал своим наклонностям и остановился на воровстве. Вместе с отцом они отправились в путь и путешествовали, пока не встретили в далекой стороне вора из воров. И тот согласился за верную семилетнюю службу сделать из Джека такого же мастера своего дела, как и он сам.

К концу седьмого года Джек вернулся домой, и отец отвел его к королю для испытания.

— Какое ремесло он выбрал? — спросил король у отца.

— Воровство. Теперь уж он мастер воровать!

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал король. — Завтра я посылаю в Дублин моего верного пастуха, чтобы он купил для меня две дюжины овец. Учти, когда он отправляется в путь, он не расстается с заряженным мушкетом! Ты должен завтра же украсть у него этих овец, но так, чтобы не нанести вреда ни себе, ни ему. Пусть он даже и не узнает об этом. И привести овец ко мне.

В ту же ночь Джек стащил у королевского сапожника лучшую пару башмаков и взял их с собой на дублинскую дорогу. Там он взобрался на холм, чтобы ему повиднее было. Как только он завидел пастуха, возвращавшегося со стадом овец, он бросил посреди дороги один красавец башмак, но перед тем до безобразия измазал его грязью, а сам отошел немного по направлению к замку и положил на дорогу второй башмак, как раз на самую середину. Потом спрятался поблизости.

И уж будьте уверены, когда честный пастух Дошел до первого башмака, он взглянул на него, перевернул испачканный башмак ногой и в душе обругал того дурака, который потерял или бросил на дороге только один красавец башмак: ну кому он нужен, если нет пары? И пошел дальше со своим стадом, пока не дошел до второго башмака, чистенького и нарядного. Когда он увидел его, он отвел свое стадо на лужок, положил на землю мушкет, чтобы легче было бежать, и давай Бог ноги — за первым башмаком.

А тем временем Джек подхватил его мушкет и погнал стадо напрямик к замку.

Король очень удивился.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Но пожалуй, это было слишком просто. Вот завтра я посылаю моих двух самых надежных пахарей на паре отборнейших коней вспахать поле за холмом, которое я собираюсь засеять пшеницей. Я дам им мушкеты, а кроме того, пошлю с ними двух вооруженных стражников. Все четверо будут предупреждены, что заплатят головой, если проглядят тебя и не пристрелят, когда ты станешь воровать у них коней. И все же ты должен привести сюда ко мне этих коней завтра к вечеру, еще засветло. А ежели не приведешь или не будешь мертвым лежать на поле, я велю доставить тебя сюда и сам своими руками пристрелю!

Джек проспал эту ночь крепко и сладко, на рассвете побывал у холма, накрыл зайчиху в ее гнездышке, словил ее и принес домой. А те

четверо вышли в поле и весь день пахали, не спуская глаз со всего, что делалось вокруг. Когда же солнце коснулось земли, они принялись распрягать коней, чтобы отвести их домой, и тут же все четверо вволю посмеялись и над трусом Джеком, и над простаком королем.

— Смотрите! Смотрите! — вдруг крикнул один из них.

Через канавы ковыляла хромая зайчиха. Все четверо побросали всё и припустились за ней. Но зайчиха оказалась не такой уж хромой и задала хорошенького стрекача. Каждому казалось, что он вот-вот схватит ее. Когда же наконец они ее поймали и вернулись с победой на поле — вот те раз! — коней как не бывало. И мушкетов тоже!

Король и удивился, и пришел в ярость, когда увидел вечером, как Джек входит во двор его замка, неся на плече четыре мушкета и ведя за собой коней.

— Ты лихой негодяй, — молвил он. — Ничего не скажешь! И все же не такой уж ты лихач, чтобы я не смог тебя обойти. Завтра ночью, — продолжал он, — тебе предстоит последнее испытание. И уж оно-то будет последним в твоей жизни! Когда мы с королевой отойдем завтра вечером на покой, у входных дверей нашего замка будут стоять шесть вооруженных слуг, другие шесть у внутреннего входа и еще шесть расположатся у дверей нашей спальни. У всех будут заряженные мушкеты, которые они не посмеют выпустить из рук от самой вечерней зари до первого петуха. Всем им будет велено стрелять в любого, кто только подойдет. Мало того, и я и моя жена тоже положим возле себя по заряженному мушкету. И вот тебе последняя пустячная задача, чтобы ты смог доказать свое искусство: сумей-ка за ночь, до рассвета, выкрасть из-под нас с кровати простыню!

Вскоре после полуночи короля разбудил какой-то шум за окном. Немного погодя он различил голову человека, пытающегося влезть в комнату.

Король прицелился и выстрелил. Негодяй свалился и больше не показывался. Тогда король вскочил — и к окну. Он увидел свою жертву на земле у подножия приставной лестницы и сказал королеве, что сам потихоньку уберет труп, чтобы избежать шума, который, чего доброго, поднимут следователь и суд. Потом вылез из окна и спустился по лестнице, чтобы похоронить убитого.

Через несколько минут королева видит, как он снова влезает в окно.

— Мне нужна простыня, чтобы завернуть в нее этого негодяя и унести труп, — говорит он шепотом, вытаскивает из-под королевы простыню и исчезает с нею в окне.

Полчаса спустя король возвращается через окно.

— Закопал его?

— Закопал, слава Богу. Теперь он больше уж не сможет беспокоить нас, этот плут.

— А почему ты не принес назад нашу прекрасную простыню?

— Какую простыню? О чем ты говоришь?

— Да простыню, за которой ты вернулся через окно, чтобы унести труп.

— Что? Что? — вскричал король. — Помогите! Помогите! Горим! Грабят! Убивают!

Тотчас спальня наполнилась вооруженными людьми. Но было уж поздно. Мошенник Джек, мастер своего дела, успел украсть с постели из-под короля и королевы простыню. А чтобы разбудить короля и заставить его выстрелить, Джек поднял к окну мертвеца с королевского кладбища. Добродетель вознаграждается.

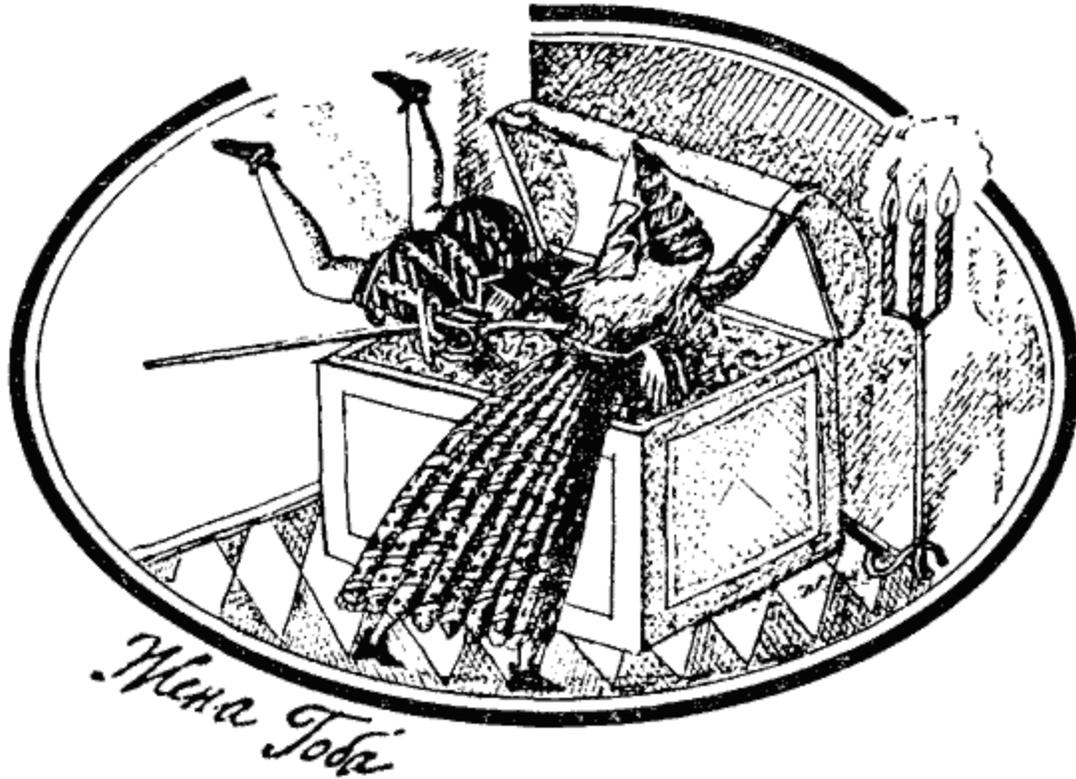
И Джек был пожизненно назначен хранителем королевского замка.

А своим слушателям сказитель расписывает его как бессмертного героя.

В старину говорили:

Хорошая песнь может быть и немногословна.

Жена Гоба

Было бы просто стыдно, рассказав вам, как я это сделал недавно, о великом Гобе, не вернуться к нему опять, чтобы доказать вам: каким бы мудрым он ни был, все равно он оказался не умнее своей жены. За истинную мудрость и чтут ее память.

Отец Гоба, еще до того как тот прославился своей мудростью, решил с его матушкой, что юноше пришло время жениться. И он отправился вместе с самим Гобом вокруг Ирландии, чтобы найти девушку, которая не уступала бы по уму представителям семьи, в какую должна была потом войти.

Каждой избраннице старик задавал три вопроса, чтобы проверить и оценить ее ум.

Как отличить верхний конец ободранного ивового прутика от нижнего, если сам прутик всего двенадцати дюймов в длину и с обоих концов одинаковой толщины?

Кто сумеет отвести на ярмарку в Бэллинслое целое стадо овец и вернуть обратно и стадо, и его стоимость?

Если я велю вам катить меня на колеснице из Коннахта ко двору верховного короля в Таре, насколько вы приблизитесь к краю пропасти

в Круханских горах, но так, чтобы никто из нас не испытывал беспокойства?

Все девушки гордо заявили, что первые два вопроса неразрешимы, и не дали заманить себя в эту ловушку. Что же касается третьего, то каждая старалась превзойти остальных в искусстве управлять колесницей и называла, в скольких дюймах от пропасти она сумеет проехать: кое-кто из них всего в полдюйма или даже в четвертой доле, а одна — она уже считала себя победительницей — заявила, что станет насвистывать джигу, когда будет проезжать от пропасти на расстоянии всего в полволоска!

И только одна-единственная девушка, мудрая и остроумная, ответила на все три вопроса. Она-то и стала женой Гоба.

Она распознала концы прутика, бросив его в реку: нижний, более тяжелый, конец лег по течению, а верхний, более легкий, смотрел в обратную сторону.

Она отвела на ярмарку в Бэллксное стадо овец, продала их руно — ведь это главная их ценность — и вернула хозяину и овец и их стоимость.

Ну, а колесницей она управляла умнее всех: объезжала каждую пропасть как можно дальше, сколько позволяла ей ширина дороги.

— Ты будешь достойной женой моему сыну, — молвил старик.

И в самом деле, она оказалась достойной, что сумела доказать не один раз. Вот как она перехитрила самого короля испанского.

Это случилось в то время, когда сей правитель, самый тщеславный из всех правителей на земле, решил воздвигнуть дворец, который бы затмил все другие дворцы на свете. А для этого в Испанию пригласили единственного человека, который сумел бы осуществить его замыслы, — великого Гоб-ан-Шора.

Не доверяя королям и их затеям, жена Гоба не хотела его отпускать. Но Гоб, польщенный и гордый такой честью, не дал себя задержать. Тогда она сказала ему:

— Раз ты все-таки уезжаешь, я тебя очень прошу, запомни: когда ты прибываешь ко двору великого человека, заводи сразу же близкую дружбу с женщинами, живущими там. Не пренебрегай даже судомойкой! И ты будешь частенько получать полезные сведения. Если ты знаешь, о чем думает судомойка, ты узнаешь и то, о чем думает ее господин. Ночью король рассказывает свои секреты королеве. Утром

королева рассказывает их своей прислужнице. Та, не теряя времени, передает их поварихе. И вот еще не настала новая ночь, а уже все великие секреты становятся тайной любой женщины в пределах одной мили от замка.

Гоб запомнил наставление жены, и еще до того, как работа его дошла до середины, он уже знал от придворных служанок, что в ту самую минуту, когда он полностью закончит новый дворец, его ждет смерть.

Король хотел быть уверен, что Гоб никогда не построит другому королю дворец, который превзошел бы его собственный. Но Гоб помалкивал, пока новое здание — самое величественное, какое ему приходилось когда-либо воздвигать, — не было завершено до последнего камешка.

— Готово? — спросил король.

— Готово, — ответил Гоб.

— Ну как, удалось? — спрашивает король.

— Величайшая удача в моей жизни! — отвечает Гоб. — Только вот малость...

— Что такое? — спрашивает король.

— Подойдите сюда и взгляните, — говорит Гоб, приглашая короля подойти вплотную к стене, у которой стоял сам. — Вы замечаете, что, начиная с середины и дальше вверх, эта стена имеет наклон? Ваш каменщик оказался небрежен.

— Клянусь небом, вы правы! — воскликнул король, и немудрено: попробуйте встать вплотную к любому высокому строению и посмотреть вверх, вам тоже покажется, что оно наклонилось. — И ведь этого не исправить, не разрушив всего здания!

— Исправить я могу, — говорит Гоб. — К счастью, незадолго до приезда сюда я изобрел инструмент как раз для такого вот случая. Завтра же утром я отправлюсь за ним к себе в Ирландию!

— Только не вы сами! — говорит осторожный король. — Ваша жизнь слишком драгоценна для всего мира и человечества, и я не могу вам позволить рисковать ею в бушующем море в такую погоду. Я пошлю моего слугу!

— Но инструмент этот очень ценный, и моя жена не доверит его ни одному слуге, — возразил Гоб.

— Тогда я пошлю главного начальника моей личной охраны, — говорит король.

— Все равно она отдаст его только мне, — говорит Гоб.

— Я вас не выпущу, клянусь небом! — воскликнул король.

— Только мне! — И вдруг Гоба осенило: — Мне или сыну самого короля.

— Тогда поедет мой собственный сын и наследник! — молвил король. — Назовите мне этот инструмент, который сын мой — радость моего сердца — должен попросить у вашей жены.

Подумав всего секунду, Гоб ответил:

— Инструмент, который он должен попросить у моей жены, называется Кор-ан-агойд-хэм.

Это название — Кор-ан-агойд-хэм — Гоб только что сам придумал. Если перевести его с гэльского, оно означало «крюк-и-веревка» и годилось не только для названия инструмента, которым можно было выполнить эту работу, но и намекало на темные замыслы короля. Гоб надеялся, что его умная жена поймет, когда услышит его просьбу, что в ней кроется загадка, и разгадает ее.

Когда к жене Гоба вошел не ее муж, а сын испанского короля, у нее сразу зародилось подозрение. А как только она услышала, что муж ее ждет крюк и веревку, у нее и вовсе не осталось сомнений, что он попал в западню.

И она решила отплатить вероломному королю тем же.

— Ну что же, принц, — сказала она, поднимая крышку большого сундука, стоявшего в кухне, — наклонитесь — и на дне этого сундука вы найдете то, за чем прислал вас мой муж.

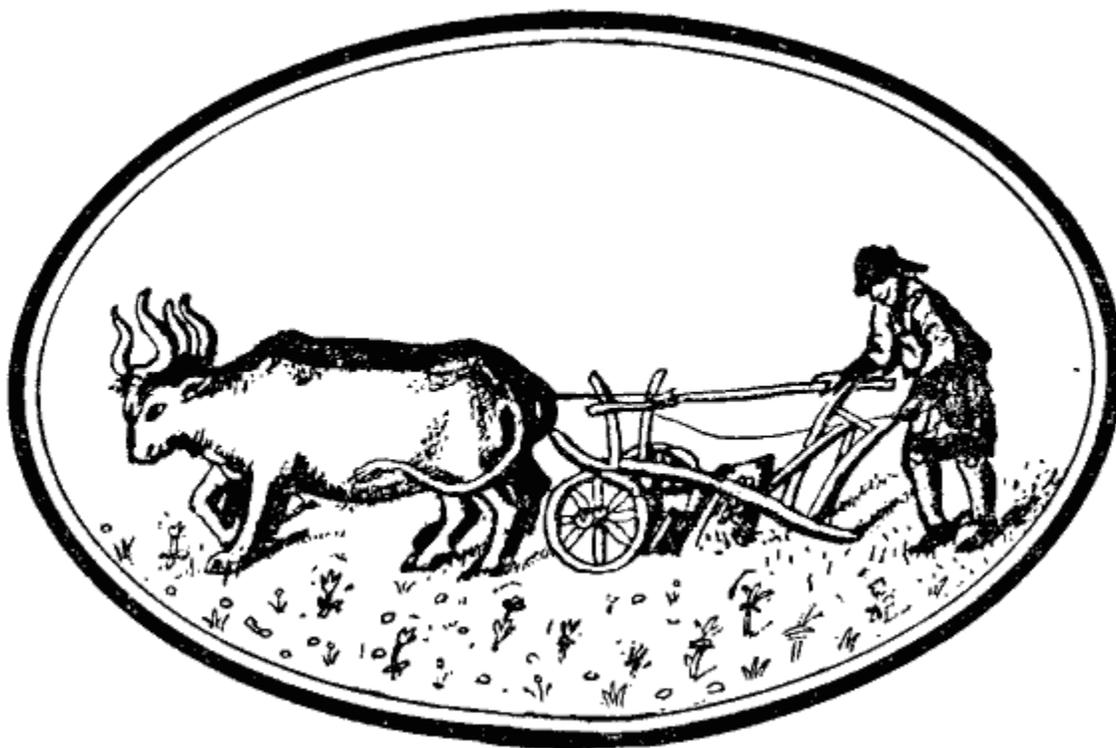
И когда он перегнулся через край сундука, она взяла его за ноги и толкнула вниз, потом захлопнула крышку и заперла сундук. А в Испанию отправила весточку, что они получат назад в трепетные объятия своего возлюбленного наследного принца в тот самый час, когда вернется домой ее муж.

И конечно: и ее муж и их принц благополучно оказались на своих местах в самом скором времени.

В старину говорили:

Когда ищешь себе жену, глаза можешь оставить дома, но уши прихвати с собой.

Поэт Маклонин и пахарь из Дал Каса

Так случилось, что, когда поэт Маклонин, живший в девятом веке, путешествовал по Голвею, он повстречался с пахарем из Дал Каса, что в Клэре. Тот возвращался в свои родные места, получивши в награду за двенадцатимесячный труд в Голвее корову да плащ. Когда этот бедняк из Дал Каса узнал, что перед ним сам знаменитый Маклонин, он попросил его сложить поэму.

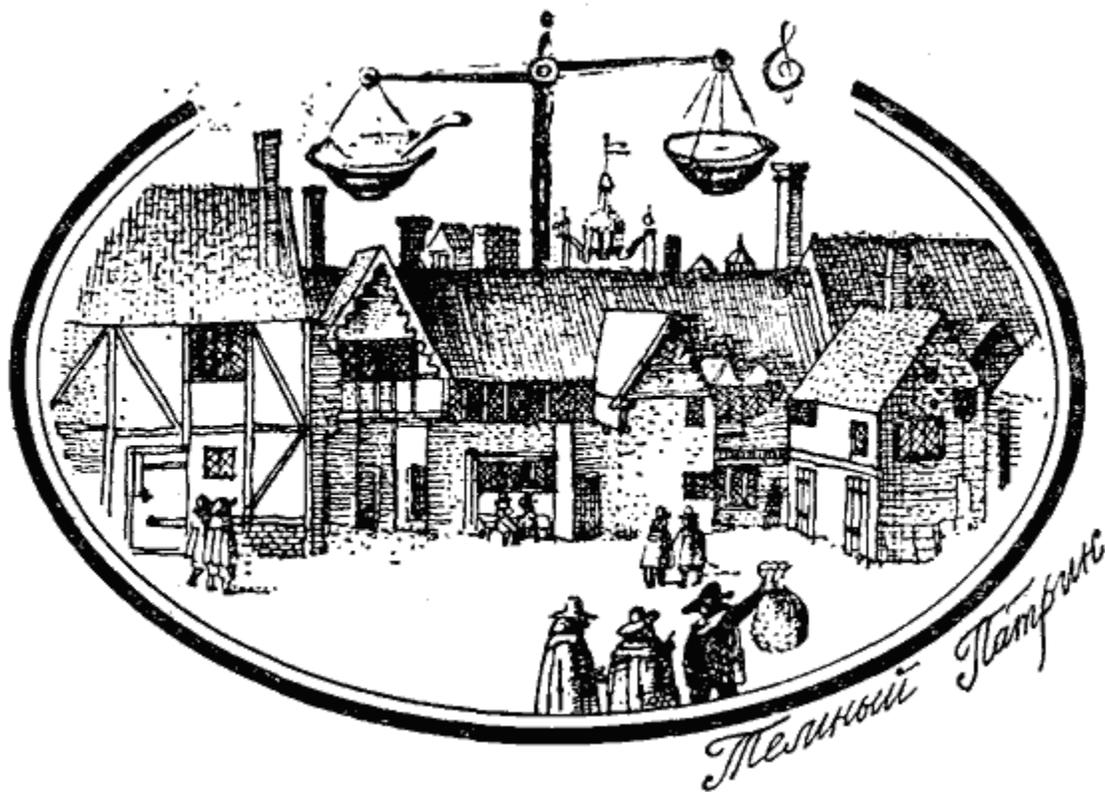
И Маклонин подивил своего слушателя поэмой в честь далкасовцев, за что тут же получил от довольного крестьянина все его двенадцатимесячное вознаграждение.

Но крестьянину воздали сторицей его столь же гордые и патриотичные далкасовцы — за верность землякам и щедрость к поэту. Когда они узнали о его поступке, они встретили его с почестями и одарили десятью коровами за каждую четверть его собственной коровы.

В старину говорили:

Кто хотел раздробления Ирландии, думал только о себе.

Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира

В кончике мизинца простого бедняка с Донеболских гор, жившего в давно прошедшие времена, было больше мудрости, нежели сейчас у большинства наших самых известных юристов или философов.

Звали этого бедняка Темный Патрик. Не солидные фолианты в дорогих переплетах спасли для потомков его историю и образцы его мудрости. Нет, их сохранили сердца людей.

Лучше всех и с удивительной достоверностью рассказывал истории о Темном Патрике, как я знаю, Фиоргал ОТаллехор.

Тот самый Фиоргал ОТаллехор, который всю свою жизнь провел под шум ревущего, рычащего, бурлящего, бегущего, ниспадающего, несущегося, бешеного водопада Хвост Серой Кобылы, что стремглав падает с высоты в тысячу футов в долину Эйни из трех горных озер

Лугэй Мора. Вы могли бы услышать от него и замечательную историю о суде Темного Патрика.

Однажды — а случилось это давным-давно, еще во времена Темного Патрика — вся Ирландия словно раскололась надвое по случаю самого обыкновенного спора, возникшего в Дублине. Начался он между двумя закадычайшими друзьями, каких только знал этот славный город — между почтенным лорд-мэром и почтеннейшим хозяином трактира «Голова».

Бывало, силком не вытащишь лорд-мэра из трактира «Голова» от его друга Неда, хоть водой их разливай, ни ночью, ни днем, ни утром. А уж самым заветным временем дня, которого лорд-мэр ни за что бы не пропустил, было время обеда: запахи кухни знаменитого повара «Головы», как он любил говорить почтеннейшему хозяину трактира, были ему милее волшебных ароматов райской кухни.

Но как это часто бывает, закадычные друзья повздорили, и, чтобы досадить, хозяин трактира потребовал судом от своего новоиспеченного врага плату за запахи от обедов в течение трех лет!

Это было невиданное доселе судебное дело, пожалуй, самое щекотливое, какое когда-либо имели удовольствие разбирать верховные судьи Дублина. По этому случаю они разделились на два лагеря. Затем на две буйные партии раскололся и весь Дублин. И вскоре эти безумные волнения охватили всю Ирландию: одна половина населения стояла за хозяина трактира и требовала, чтобы почтенный лорд-мэр выплатил все по чести, другая же половина объявила почтеннейшего хозяина «Головы» просто разбойником с большой дороги, да еще самым опасным среди них.

Более того, они угрожали почтенному лорд-мэру, что вздернут его, если он выложит хоть один медный грош этому отъявленному жулику.

В плачевное состояние впала бедная Ирландия — население так увлеклось решением, кто прав, кто виноват в этом великом споре, что все позабыли и про свое поле, и про скотину, про дом и про жену; все шло к гибели и разорению.

И тогда мудрый бедняк с Донеболских гор, Темный Патрик, до глубины души опечаленный грозящей его стране бедой, бросил свою лопату, начистил башмаки и отправился в Дублин.

Когда Темный Патрик прибыл туда и дублинцы узнали, что какой-то бедный простачок горец собирается рассудить дело, которое

оказалось не под силу умнейшим головам страны, это вызвало столько веселья и насмешек, что в них чуть было не потонула вся вражда и не прикончилось это дурацкое дело.

Недолго пришлось дублинским насмешникам убеждать судей прекратить потасовку и мордобой и предоставить кресло судьи бедному простаку с гор: то-то будет праздничек, долгожданный для дублинцев, говорили они, самый шумный и необыкновенный за последние сто лет.

И в самом деле, это оказался редкий денек для дублинских весельчаков, когда на судейское кресло сел маленький чернобородый горец и принялся выслушивать враждующие стороны, свидетелей и защитников, с вытянутыми лицами выкладывающих ему суть дела.

Темный Патрик терпеливо выслушал всех до конца, а потом спросил хозяина трактира, который предъявил иск в триста фунтов стерлингов за запах от тысячи обедов, сколько бы стоили эти обеды человеку, который не только бы их нюхал, но и ел.

— Полная цена их один фунт за один обед, а за все — тысяча фунтов, — ответил хозяин «Головы». — Хотя на самом деле, — продолжал он, — запах настоящего обеда стоит и всей половины его, но, так как всю мою честную и благородную жизнь я славился щедростью, добротой и любезностью, я требую с этого негодяя даже меньше одной трети, то есть всего триста фунтов — ничтожный счет. Ну да ладно! Доброта для меня превыше всего.

Затем Темный Патрик обратился к почтенному лорд-мэру и попросил его послать домой своего слугу за мешком с тысячей соверенов.^[3]

— Но я их все равно не возьму! — сказал благородный хозяин трактира. — Никто на свете не заставит меня взять больше, чем триста фунтов, хоть на один золотой!

— Тш — шш — шш! — успокоил его Темный Патрик.

Недоумевающей толпе оставалось лишь удивляться и ждать, покуда слуга почтенного лорд-мэра обернется с поручением. Затем Темный Патрик предложил главному судье подойти и самолично пересчитать на глазах у всех соверены, потом опустить их обратно в мешок и вручить лорд-мэру. И в то время как все в зале суда сидели затаив дыхание и гадали, что же будет дальше, он велел лорд-мэру приблизиться к хозяину трактира и протянуть ему мешок с деньгами.

— Вы видите этот мешок? — спросил Темный Патрик у хозяина «Головы».

— Вижу, конечно, — ответил хозяин трактира.

— И вы знаете, что в нем?

— Знаю, конечно, — ответил хозяин трактира.

— Подойдите ближе, — сказал Темный Патрик почтенному лорд-мэру, — и потрясите мешок над ухом этого господина.

Лорд-мэр выполнил это.

— Что вы слышите, почтеннейший хозяин? — спросил Темный Патрик.

— Звон тысячи золотых, — отвечал хозяин трактира.

И тогда, обращаясь к суду, Темный Патрик объявил свой приговор:

— Согласно заявлению этого господина, один обед в трактире «Голова» стоит один фунт стерлингов. Следовательно, звон тысячи золотых сполна покрывает запах тысячи обедов. И будьте добры, — обратился он уж теперь к хозяину трактира, — выдать сему почтенному господину лорд-мэру расписку с печатью и подписью, что вами получено все сполна.

Как только удивленные зрители справились с чувством стыда, а затем и с приступом безудержного веселья, они подхватили бедного горца на руки и, хотя тот сопротивлялся, с триумфом пронесли его по всем улицам Дублина, а потом на коленях умоляли его остаться у них и стать самым-самым верховным судьей.

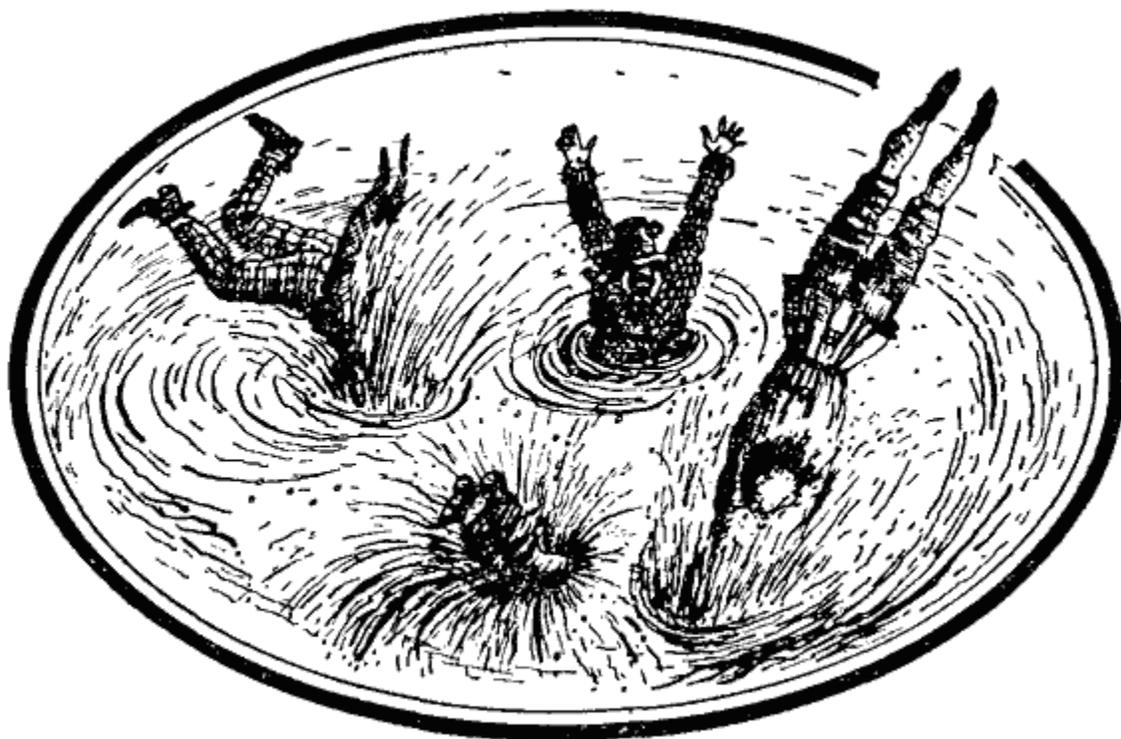
Но Темный Патрик вежливо поблагодарил их и решительно отказался, сказав, что столь ответственную должность может занимать лишь ученый человек, а что ему, бедному и темному горцу, до этого далеко, еще как далеко. А главное, как сказал он, его ждет не дождется крохотное картофельное поле на склоне Карнауинских гор в Донеголе, которое надо прополоть.

И он выскользнул из толпы, которая окружила его, и пошел прямо к маленькой хижине в глухом закоулке, где и провел ночь. Заплатив шесть пенсов за постой и завтрак, он завязал свои вещички в красный платок, перекинул его на терновой палке через плечо и зашагал по дороге на север.

В старину говорили:

Такой уж он человек, докажет, что сам папа римский — протестант.

Пинам, Панам, Мара-Фанам

В глупых историях Нуала Мак Класки иногда можно отыскать здравый смысл, если покопаться в них поглубже. Но так как копать мы не желали (мы и так докопались до большего, чем нам бы хотелось), а со здравым смыслом мы просто не знали, что делать, рассказ Нуала о Пинаме, Панаме, Мара-Фанаме и Каллиах-Аранаме для нас, безрассудных босяков, был одновременно «и наукой и развлечением», как говорит лиса, забравшись в курятник.

Пинам, Панам, Мара-Фанам и Каллиах-Аранам владели одним пшеничным полем. Когда пшеница поспела:

— Она моя! — сказал Пинам.

— Ан нет, моя! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать эту тяжбу к лорду, владельцу поместья. И тот велел им разделить поле по бороздам и взять всем поровну, чтобы вышел справедливый дележ.

Они вернулись домой и сделали как было Сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все борозды поровну, осталась одна лишняя.

— Она моя! — сказал Пинам.

— Ан нет, моя! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они снова отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить борозду на копны

Они снова вернулись домой и сделали как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все копны поровну, осталась одна лишняя.

— Она моя! — сказал Пинам.

— ан нет, моя! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они снова отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить копну на снопы.

Они вернулись домой и сделали как было сказано.

Но вот те раз! Когда они разделили все снопы поровну, остался один лишний.

— Это мой! — сказал Пинам.

— Ан нет, мой! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, он мой! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, он мой! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить сноп по колоскам. Они вернулись домой и сделали как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все колоски поровну, остался один лишний.

— Это мой! — сказал Пинам.

— Ан нет, мой! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, он мой! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, он мой! — сказал Каллах-Аранам.

И они отправились решать свою свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить колосок по зернышкам.

Они вернулись домой и сделали как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все зернышки поровну, осталось одно лишнее!

— Это мое! — сказал Пинам.

— ан нет, мое! — сказал Панам.

— К черту вас обоих, оно мое! — сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, оно мое! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду, а зернышко прихватили с собой. Лорд взял зернышко и сказал:

— Следуйте за мной!

И он отвел всех четверых к реке, к тому месту, где были страшные водовороты, и бросил зернышко в воду.

Все четверо нырнули за ним и пропали.

Таков был конец Пинама, Панама, Мара-Фанама и Каллиах-Аранама.

В старину говорили:

Дом сгорел, зато ворота целы.

Семь пшеничных зерен

В рассказах, которые мы слушали по вечерам, собравшись у горящего торфа, для нас, детей, всегда находилось и что-то новое и поучительное.

Некогда, а было это давненько, жил в одной долине лорд-тиран. Он заставлял работать на себя просто за гроши — люди спину на него гнули, сердце надрывали, а он знай себе толстел да богател.

И в один прекрасный день пришел к нему молодой горец, простоватый такой, с цепом на плече, и попросил работы. Лорд этот подумал, что вот еще удобный случай обвести вокруг пальца простака, и сказал:

— Работников у меня и так хватает, ну да ладно, если много не запросишь, что ж, поработай!

Парень ответил:

— Если я наймусь к вам на семь лет молотить и за это попрошу столько пшеничных зерен, сколько словлю в рот из-под цепа, да еще земли, чтобы посадить эти зерна, да те, что родятся от них за все время нашего уговора, много это будет, по-вашему, или нет?

Лорд очень хорошо знал привычку добрых пахарей ловить ртом зерна, которые вылетают из-под цепа, и жевать их, пока идет молотьба,

и ухватился за счастливый случай нанять — да еще задаром! — на целых семь лет простака, видно, с крепкими руками, да не с крепким умом.

— По рукам, — сказал лендлорд.

Что ж, за первый год молотьбы парень словил ровно семь пшеничных зерен. На другой год — только шесть. На следующий год — пять. Потом четыре. Потом три. Потом два. А в последний год — всего одно зернышко.

Но ведь каждое пшеничное зерно дало ему Триста зерен, а потом и триста раз по триста, так что очень скоро все десять тысяч акров земли лендлорда оказались под пшеницей работника. И лендлорд угодил в дом призрения, а парню он задолжал "земли больше, чем вся Ирландия, Англия, Шотландия, Испания и Франция, вместе взятые!

В старину говорили:

Сватается к девушке, а женится на деньгах.

Повелитель ворон

Мне опять вспомнился Фиоргал О'Галлехор из местечка, прозванного Хвост Серой Кобылы, с его хроникой времен Темного

Патрика, и я решил привести вам еще один пример мудрости этого маленького человечка. Расскажу о том случае, когда он спас коннахтского короля от сумасшествия и не допустил, чтобы все его королевство превратилось в один огромный сумасшедший дом.

Король Коннахта был добрый король, но у него было три беспутных сына, которые и накликali на него беду. А вышло все из-за того, что они сыграли презлую шутку с очень опасным человеком: самим повелителем ворон — Кромахи.

Кромахи был древним колдуном. Он жил в маленькой хижине в самой чаще леса, впрочем, не так уж далеко от королевского замка. На верхушках деревьев, что нависли над его хижинкой, гнездились вороны. На самом деле это были не вороны, а бесы, это уж всякому известно, и служили они своему дьяволу — повелителю Кромахи. Если кто осмеливался разгневать их повелителя и тем заслуживал его проклятие, одна из ворон покидала свое гнездо и всюду следовала за проклятым до его рокового часа.

И вот подобно многим, у кого всего вдоволь, а занятий никаких, три королевских сына — Диклан, Дармид и Дати — решили в один прекрасный день сыграть над стариком Кромахи просто так, скуки ради, одну из своих шуточек: засадили ему в дымоход каменную плиту. Ну и колдун чуть не задохнулся от дыма.

Взбешенный Кромахи гнался за ними до самого замка и там в присутствии отца, у которого чуть сердце не разорвалось от горя, проклял их и предрек, что первый сын станет вором и так всю свою жизнь и проживет воровством; второй делается убийцей и всю свою жизнь будет заниматься убийствами; а младший превратится в нищего и проживет всю свою жизнь подаянием. А потом он проклял и отца, который потакал сыновьям и сделал из них таких вот мошенников, и предрек, что он будет жить, чтобы видеть, как злая судьба постигнет одного за другим всех его сыновей; будет жить и жить, чтобы видеть, каким миленьким делом занимаются всю свою жизнь его чада, пока не пробьет ах последний час.

Бедный отец, убитый горем, сразу слег. И в тот же миг в его спальню влетели четыре ворона Кромахи и расселись на четырех столбах его кровати.

И не успели рассестись, как тут же принялись зловеще каркать:
— Карр! Карр! Карр!

Несчастный зарылся с головой под одеяла, но вороний крик разносился по всему замку, проникал в каждую комнату, приводя в отчаяние всех смертных, кто находился под крышей замка.

И с каждым днем становилось все хуже.

Днем или ночью, в понедельник ли, в воскресенье, утром, в полдень или в полночь четыре черных дьявола ни на секунду не закрывали свои глотки, не прекращали свое мерзкое карканье.

Чего только ни делала армия докторов, епископов, философов и великих ученых, призванных по этому случаю в замок, но дьяволы все равно не сдавались. И не только у одного короля расшаталось здоровье и помутился разум, страдали все грешные, кто жил в замке или возле него; отчаяние охватило все королевство, всем казалось — близок конец света.

Положение стало уже безнадежным, когда эти дурные вести выбрались за пределы Коннахтского королевства и проникли в Донеболские горы. Они дошли и до ушей Темного Патрика на его картофельном поле. Грустно сделалось у него на душе, и вот он захлопнул дверь своей хижины и зашагал в Коннахт.

Когда этот бедняк представился в замке и попросил отвести его в королевскую спальню, слуги хотели было напустить на него собак. Но королева услышала шум и спросила, что случилось. А так как сердце ее разрывалось от горя и отчаяния и она готова была испробовать любое даже самое нелепое средство, она сказала:

— Раз уж никто из наших величайших докторов и ученых не сумел нам помочь, этот темный бедняк хуже все равно нам не сделает. Введите его, и будь что будет!

И Темный Патрик очутился в спальне короля, окруженного толпой философов, архиепископов и им подобных. И все они тут же стали смекать, что умнее: оскорбиться и покинуть королевский замок или остаться в своих креслах, держась за бока от смеха. Однако из уважения к королеве они решили остаться безучастными, что и исполнили.

Темный Патрик вошел и поклонился им всем, как настоящий придворный, а потом попросил изложить все дело, что и было исполнено. Он поглядел на четырех ворон, рассеявшихся на четырех столбах кровати, и велел позвать трех принцев.

Он спросил первого, старшего, принца, как его звать.

— Меня зовут Диклан.

— А какое проклятие наложил на тебя нечистый?

— Он сказал, что я стану вором и всю мою жизнь буду воровать.

Темный Патрик повернулся к королеве, стоявшей рядом с ним и дрожавшей от страха, и сказал ей:

— Тотчас отошлите Диклана в лучшую школу законов в Ирландии. Пусть станет судьей, и ни один законник к нему не придерется!

И в тот же миг ворона, что сидела в изголовье на Яевом столбе кровати, испустила пронзительный Крик, от которого у всех мороз пробежал по коже, расправила крылья и вылетела в открытое окно.

Темный Патрик обратился ко второму принцу:

— А как тебя зовут?

— Мое имя Дармид.

— Какое ты заслужил проклятие?

— Я стану убийцей и всю мою жизнь буду совершать убийства.

Темный Патрик повернулся к трепещущей королеве и приказал:

— Немедленно отошлите Дармида в лучшую медицинскую школу. Пусть учится и станет врачом, и ни одну смерть ему не поставят в вину!

И тут ворона, что сидела в ногах кровати на правом столбе, издала пронзительный крик, от которого у многих замерло сердце, раскинула крылья и вылетела в окно.

Темный Патрик обратился к младшему принцу:

— Как твое имя?

— Дати.

— На какое проклятие обрек тебя Кромахи?

— Я буду нищим и всю мою жизнь буду жить подаянием.

Темный Патрик повернулся к задыхающейся от волнения королеве.

— Не теряя драгоценного времени, — сказал он, — отошлите этого юношу в лучшую семинарию. Пусть станет священником, и Бог не осудит его за даровой хлеб! Мерзкий ворон, сидевший на левом столбе в ногах кровати, издал пронзительный крик, расправил крылья и убрался в окно.

Радость, постепенно заполнявшая королевское сердце, заставила его подняться в постели и закричать от счастья. И в тот же миг

четвертый и самый зловещий ворон испустил душераздирающий крик, который наверняка уж разнесся на все четыре стороны Коннахтского королевства, и тоже вылетел в окно.

Темный Патрик скромно отказался от всех почестей, которые король и королева на радостях предлагали ему. Он отказался и от поста Главного Советчика, который все епископы, ученые и философы следом за королем и королевой просили его принять. Он сказал им, что он простой и темный горец и не привык жить при дворе, в замке, среди великих ученых мужей, что может быть счастлив только в своей жалкой хижине в Донеголе, возделывая свое крошечное поле — всего два акра на склоне горы.

И, перебросив через плечо узелок, он тронулся в путь. Тысяча завистливых глаз следила за ним, пока его одинокая фигурка виднелась на дороге, ведущей на север.

В старину говорили:

Не радуйся легким дарам.

«Рори спасет Ирландию!»

Кто тот герой, что добыл свободу, которой заждались все три части Ирландии? Я расскажу вам.

Мой дядюшка Донал частенько говорил мне, как его дедушка не раз рассказывал ему, что, когда Лимерик окончательно сдался Вильгельму Оранскому и уже бесцельно было дольше сопротивляться: на одном холме Ирландии развевался французский флаг, а на другом — Вильгельма Оранского, чтобы ирландские воины могли выбрать, на чью сторону им перейти, и вот, когда ирландцы всей армией во главе с храбрым Патриком Сарсфилдом сдались французам, один простой парень по имени Рори, вызывавший у всех восторг своим бесстрашием в сражениях, взял да не пошел с ними.

Капитан Сарсфилд, вставший под флаг короля Людовика, увидел, что Рори остался сам по себе, и окликнул его:

— Рори, разве ты не сдаешься вместе с нами Франции?

— Нет! — твердо ответил Рори.

— Уж не уходишь ли ты к Вильгельму?

— Нет, нет! — ответил Рори.

— Тогда, во имя Бога, скажи, кого же ты выбрал?

— Я выбрал Ирландию.

— Ты сошел с ума! Ирландия потеряна. В ней не осталось ни души. Кого же ты собираешься защищать?

— Мы остались в Ирландии! — так ответил Рори или примерно так. — И я буду за нее сражаться.

— Но за тобой никто не идет, а у Англии ведь сотни тысяч воинов.

— Ничего, за мной будет армия побольше, — ответил Рори, — больше, чем волос у тебя на голове.

— Что ты хочешь сказать?

— Господь пошлет мне на помощь своих ангелов, и он даст им наточенные мечи, и сотни тысяч англичан рассеются перед нами как дым.

— Когда же это будет? — спросил с усмешкой Капитан.

— Когда Бог пошлет. Может быть, через год, а может быть, через пятьсот лет, — рано или поздно Рори все равно победит!

И, вскинув мушкет на плечо, Рори повернулся и зашагал к холмам.

В старину говорили:

Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.

Ученые Мангрета

Вот еще один пример изобретательности шанахи. Я уже поведал вам несколько историй о мудрости Темного Патрика, правда, как-то поспешно. Зато уж одну историю об изумительной сообразительности этого человека я приведу во всех подробностях. Расскажу ее в точности, как услышал от Туатала О'Сливина: его мысли и слова искажать я не стану.

В давно прошедшие времена, тысячу лет тому назад, Ирландия могла по праву гордиться своими прославившимися на весь мир школами, а в особенности школой в Мангрете, которая считалась самой лучшей, самой серьезной.

Но английский король решил обойти Ирландию и собрал в Оксфорде весь цвет мировой учености, и Мангрету пришлось уступить — Оксфорд взял верх.

Случилось, однако, так, что, когда король Манстера посетил Англию и Оксфорд, он во время большого обеда, который давали в его честь, похвастал, что ученые Мангретского университета превосходят всех ученых мира глубиной и возвышенностью познаний. Опровергая это, глава Оксфордского университета так бил кулаком по столу, что перебил все чашки и блюда. Манстерский король тоже разгорячился

и, забывшись, бросил оксфордцам вызов: предложил прислать в Мангрет пять самых известных ученых Оксфорда для встречи с пятью мангретцами, чтобы в ученом споре раз и навсегда решить этот вопрос.

Бросив вызов, он тут же подсадовал на себя. Но еще больше подсадовали на него ученые Мангрета, когда узнали об этом. А глава Оксфордского университета обрадовался, что можно будет окончательно посрамить Мангрет, и вещал об этом состязании всем — и ученым и простым смертным. И все просто сгорали от нетерпения поскорее увидеть, как умрет слава знаменитой Мангретской школы.

Мангретцы повесили голову: они-то знали, что Оксфорд сильнее. Один винил другого, и все вместе винули манстерского короля. Профессоров пришлось привязать к постелям, чтобы они не бродили по городу и не пугали всех своим унылым видом.

Постепенно волнение из Манстерского королевства перекинулось на всю Ирландию. И чем ближе подходил страшный день, тем плачевнее становилось положение всей страны, пока наконец горе и печаль, угнетавшие сердце каждого, не стали прискорбной очевидностью. Но скорбь самого манстерского короля была ужаснее всех.

И вот в Мангрете появился небольшого роста крепкий человек — черноволосый и черноусый, по прозвищу Темный Патрик, родом из Донегола, которого соседи все знали и чтили за светлый ум, и напрямик направился к университету. Никто не обращал внимания на этого темноволосого человечка, лишь указывали ему, как пройти, если он спрашивал. Да и он тоже ничего не говорил ни о себе, ни о том, зачем он пришел.

То был канун великого состязания.

Темный Патрик добрался до школы, как раз когда безысходное отчаяние охватило решительно всех: и в самой школе, и за ее стенами слышны были лишь вопли и стенания. Он пробрался через толпу, которая мешала ему пройти, и попросил отвести его к главе университета.

Когда Темного Патрика ввели к нему, тот спросил:

— Кто ты, добрый человек? Откуда пришел? И что я могу для тебя сделать? Только поспеши с ответом, — отрезал он тут же, — ибо для тебя у меня нет достаточно времени.

И Темный Патрик ответил:

— Неважно, кто я и откуда, хотя мне не стыдно признаться, что я из Донегола. И не думаю, — продолжал он, — что вы можете мне в чем-либо помочь. Однако все равно я благодарю вас. А пришел я, услышав о беде, в которую попали вы, и ваши коллеги, и все здешние люди. Пришел посмотреть, а может, мне, простому смертному, удастся вас выручить.

Великий профессор поглядел на Темного Патрика и на его маленький красный узелок, привязанный к палке, которую он положил на землю возле себя, да как захохочет — то был первый смех, который вырвался у него за последние тринадцать недель. И когда люди слышали, что глава школы громко смеется, они тут же ввалились все в большой зал, где велась беседа с Патриком, чтобы узнать, что случилось. А когда поняли, зачем явился к ним этот человечек, они тоже покатались со смеху, так что стены задрожали.

Их смех достиг ушей манстерского короля, и тот прибежал, чтобы выяснить, какое свершилось чудо. Патрик отвесил королю положенный поклон, но остался невозмутим, словно форель в омуте, потупился в землю и не вымолвил ни словечка.

Великие профессора представили его королю и объяснили цель его прихода: спасти доброе имя и славу Мангретского университета — честь Ирландии. И тут же снова разразились смехом, чуть животы себе не надорвали. Однако король не рассмеялся, нет. Он послушал-послушал, как они смеются, а потом и спросил, какая причина у них для веселья.

— Конечно, вы не можете этого допустить, — молвил он, — и все же есть люди, которые и в глаза не видели вашей школы, но тоже кое-что смыслят, а иногда так тонко во всем разбираются, что могут удивить даже вас своими поступками.

Затем повернулся к Патрику и обратился к нему вопросом так вежливо и с таким уважением, что уязвленные профессора рты разинули.

— Какой план предлагаете вы, — спросил король, — чтобы спасти доброе имя и славу нашей школы в Мангрете — честь Ирландии?

— Сперва мне хотелось бы узнать, когда вы ожидаете этих пятерых английских профессоров?

— Завтра к двенадцати!

— Хм... А могу я выбрать трех ученых университета, которые понадобятся мне ровно за два часа до этого срока?

— Да, конечно! Хоть тридцать три, если желаете!

Патрик остался доволен и сказал:

— Ну что ж, утро вечера мудреней.

И он был единственным человеком во всей Ирландии, кто спал в эту ночь.

А утром по приказу короля все профессора выстроились в ряд. Тогда пригласили Патрика и предложили ему сделать выбор.

Сначала он попросил выступить на шаг вперед знатока *Латыни*, лучшего из лучших. Затем лучшего знатока *Греческого языка*. И наконец первейшего знатока *Языка Сверхученой Премудрости*.

Просьба его была выполнена.

Тогда он велел принести самую драную одежду, в какую можно было бы нарядить разве только огородное пугало, а также три здоровых молота для дробления камней.

Очень скоро все, что он попросил, лежало перед ним на земле, и Патрик сказал, протягивая отвратительную одежду трем великим профессорам:

— Вот, получайте! Можете уединиться и, не теряя времени, сбросьте с себя все лишнее и облачитесь в эту одежду.

Три великих профессора позеленели от злости, и не то чтоб подчиниться, а готовы были послать Патрика к дьяволу или еще похуже, да только заметили на себе строгий взгляд короля.

— Отправляйтесь же, господа! — сказал король громко и грозно. — Выполняйте просьбу этого джентльмена!

И они ушли переодеваться, а когда вернулись, вот это была картина! Но никто не осмелился даже улыбнуться, в страхе перед королем. Да, зрителям было над чем посмеяться.

Патрик подхватил три молота для дробления камней и сказал трем почтенным старцам:

— Пошли за мной!

И вот в сопровождении трех великих ученых, разодетых, как мы только что описали, Патрик вышел на дорогу, ведущую в Дублин, по которой с минуты на минуту должны были проехать оксфордские профессора.

В миле от университета они остановились у перекрестка. Здесь на грудке камней всегда сидел какой-нибудь старик и дробил камни для починки дороги. Патрик велел старику сойти вниз, всунул молот в руки великому знатоку *Языка Сверхученой Премудрости* и приказал ему подняться на камни и дробить их, как это делают истинные каменотесы из Ньюри. К тому же он дал ему несколько секретных указаний, от которых у того просветлело лицо.

И пошел дальше с двумя остальными. А у следующего перекрестка, который был в трех милях от университета, он вручил молот ученому *Греческого языка* и тоже велел ему взобраться на грудку камней и дробить их. И ему на ухо он дал какие-то указания.

С третьим ученым, великим знатоком *Латыни* он шел, пока не дошел до третьего перекрестка в шести милях от университета. И ему тоже всунул в руки молот, усадил на грудку камней и также велел дробить их, шепнув какие-то указания.

И вот слушайте! Не успел сей ученый муж усесться на грудку камней, как мимо катит карета с пятью оксфордскими старцами, величайшими и знаменитейшими учеными во всем свете. Достигнув перекрестка и не зная, какой дорогой следовать, они останавливают карету, чтобы все выяснить. И, заметив оборванного старика, дробящего камни, решают между собой:

— Вот этот старик каменотес и укажет нам дорогу, если только мы сумеем подобрать достаточно простые слова, чтобы он понял нас.

Они здороваются со стариком каменотесом и спрашивают, выбирая самые простые слова, не будет ли он так любезен показать им верную дорогу в Мангретский университет. Старик каменотес, в свою очередь, приветствует их и дает точнейшие указания, как вернее всего добраться до университета в Мангрете, — и все это на чистейшей *Латыни*!

У пятерых мудрецов так и перехватило дыхание. Они откинулись назад в карету, и впервые с момента вызова на состязание их смелость поколебалась.

Но они были храбрыми мудрецами, не испугались бы самого дьявола. И как только кучер тронул вперед, они вынули свои записные книжки, куда заносили путевые заметки, и записали:

«В шести милях от Мангретского университета обыкновенные дорожные каменотесы объясняются на чистейшей Латыни».

Что верно, то верно.

Когда они подъехали к следующему перекрестку, они опять стали гадать, какая же из четырех дорог им нужна. Выглянули из кареты и увидели еще одного старого каменотеса, усердно дробящего камни. Один из ученых мужей окликнул его, поздоровался и спросил, не укажет ли он верную дорогу в Мангретский университет. Старый каменотес оторвался от своей работы, приветствовал их и точно объяснил, как добраться до университета в Мангрете, — и все это на чистейшем *Греческом языке!*

Пятеро мудрецов даже сразу осунулись как-то. Они не позволили кучеру ехать дальше и стали советоваться, как умнее поступить: ехать вперед или бежать без оглядки в дублинскую гавань и оттуда домой. Двое проголосовали, чтобы ехать вперед, двое, — чтобы возвращаться, решение осталось за последним. Но он оказался храбрецом — так просто его не запугаешь — и проголосовал в конце концов за то, чтобы ехать вперед.

И вот они двинулись дальше и по дороге внесли такую запись в свои книжки:

«В трех милях от великого университета Мангретского обыкновенные дорожные каменотесы объясняются на чистейшем *Греческом языке*».

К этому времени у бедняг англичан душа ушла уже в пятки, и они могли лишь мучительно жалеть, что вместо них это дело не поручили пятерым их злейшим врагам в Оксфорде!

Так слушайте дальше! В миле от Мангрета им попадаетея третий перекресток. Карета останавливается, один из них высовывается из окошка и опять видит на груде камней старика каменотеса, который что есть мочи бьет по камням. Они все его приветствуют и спрашивают, не может ли он указать им дорогу, ведущую в Мангретский университет. Старик каменотес поднимает голову от работы, отвешивает им вежливый поклон, произносит сначала свое

приветствие, а затем указания, как вернее добраться до университета в Мангрете, — и все это на *Языке Сверхученой Премудрости!*

Пять прославленных профессоров все, как один, высовываются из окошка кареты и кричат кучеру:

— Немедленно заворачивай лошадей и что есть духу гони в Дублин! — откидываются назад и падают без сознания в объятия друг другу.

Когда они, придя в себя, поняли, что находятся в безопасности на корабле по пути в Англию, они вытащили свои записные книжки и записали:

«В одной миле от бесподобного и величайшего университета в Мангрете даже дорожные каменотесы не желают объясняться иначе, как на *Языке Сверхученой Премудрости*. Таким образом, мы, совершив своевременное бегство, спасли от вечного позора чистое имя и славу нашей гордости — университета Оксфордского».

В старину говорили:

Три вещи не должны притупляться: меч, лопата и человеческая мысль.

Король Птиц

Мы ведь знаем, что крапивник подлая птица — хуже, много хуже даже летучей мыши, — что он просто отъявленный обманщик, а потому и нечего удивляться, что мы охотимся за ним и ловим его.

Несмотря на то что величиной он всего с ваш палец, крапивник считается королем птиц — титул, который он получил с помощью низкой хитрости.

В дни великого Кольма Килла, святого и пророка, птицы со всего света слетелись, чтобы выбрать себе короля. Но так как каждый метил на этот высокий пост, птицы не смогли прийти к согласию, и очень скоро между ними разгорелась настоящая война — кровавая битва, которая в течение трех лет бушевала во всех лесах света.

Наконец старая мудрая ворона предложила всем предоставить выбор святому Кольму Киллу.

Все согласились, и вот со всех концов земли слетелась тьма-тьмущая птиц, так что от них даже почернело небо над Донеголом, где жил этот святой.

Святой вышел к ним из своей маленькой хижины и спросил, чего они хотят. Птицы ему все рассказали и обещали подчиниться его решению.

Тогда Кольм приказал им спуститься и рассестся на земле. И они опустились и покрыли все холмы, и долины, и ручьи, и даже озера, —

ведь их была тьма-тьмущая. И, обращаясь к ним, святой молвил:

— Самая лучшая и самая сильная птица та из вас, которая сможет взлететь выше всех. Она и должна считаться королем птиц!

Все согласились, что такое решение будет мудрым и справедливым. А затем святой сказал, что подаст им знак, когда взлететь, и та птица, которая поднимется выше всех, по возвращении станет величаться Королем Птиц.

Как только святой подал знак, все птицы взвились вверх, и люди, которые наблюдали их, увидели, как сначала одна из птиц устала и упала вниз; затем другая, бедняжка, устала и упала вниз; потом третья устала и упала вниз, и так все, одна за другой, уставали и падали вниз, пока наконец не осталась одна-единственная птица, которая все еще парила в вышине.

Это был орел.

Но орлу, из тщеславия, показалось мало подняться лишь чуть-чуть выше остальных птиц, чтобы опуститься на землю королем.

В своем тщеславии он продолжал взмывать все выше и выше, пока наконец не мог уж подняться еще хоть на дюйм и не в силах был еще хоть раз взмахнуть крыльями.

И когда он замер в воздухе, гордый своим полетом и уверенный, что на землю он опустится Королем Птиц, с его спины вдруг взлетел маленький крапивник — он все время сидел там, — поднялся вверх еще на один фут, а затем опустился на землю Королем Птиц!

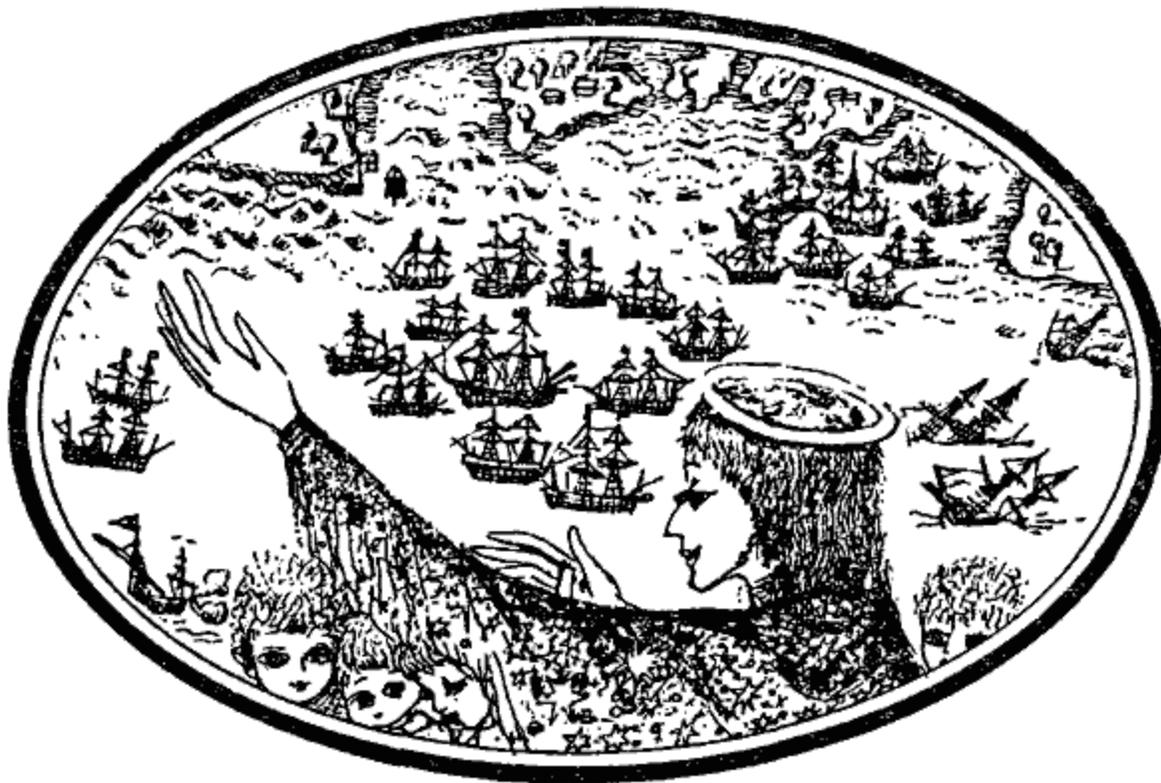
Святому пришлось сдержать свое слово и пожаловать королевский титул этому жалкому негодяю. Но он был так разгневан на него за эту низкую хитрость, что наложил на него проклятие никогда впредь не взлетать над землей выше, чем он поднялся в тот день над орлиным крылом.

И с того самого дня по сию пору мы можем сами видеть, как крапивник перелетает с куста на куст, с одной изгороди на другую, никогда не взлетая над землей выше нашего колена, — это прибавляет его к земле тяжесть святого проклятия.

В старину говорили:

Часто за наш язык мы расплачиваемся разбитым носом.

Правая рука святого Ултена

Когда-то Бог одарил святого Ултена сверхъестественной силой. И только один человек в целой Ирландии знал, в чем сила святого Ултена. То был сам Ултен. Великое бедствие обрушилось на Ирландию в сороковых годах шестого столетия — Черная Смерть. Пришлось закрыть все ирландские школы и разослать учеников по домам, где многие из них уже не застали родителей в живых. И святой Ултен открыл тогда дом для осиротевших детей и заменил многим и многим из них мать и отца.

У знаменитого Онгуша Неудачника записана легенда из тех времен как раз об этом человеке.

Случилось так, что к берегам Ирландии прибыла вражеская флотилия. И Дармид, верховный король Ирландии, послал гонца с этой тревожной вестью к Ултену, моля его заступиться перед Богом и отвести новую беду, грозящую злосчастному королевству.

Эта весть была передана Ултену как раз в тот момент, когда он кормил детей. Но он поднял против вражеской флотилии свободную

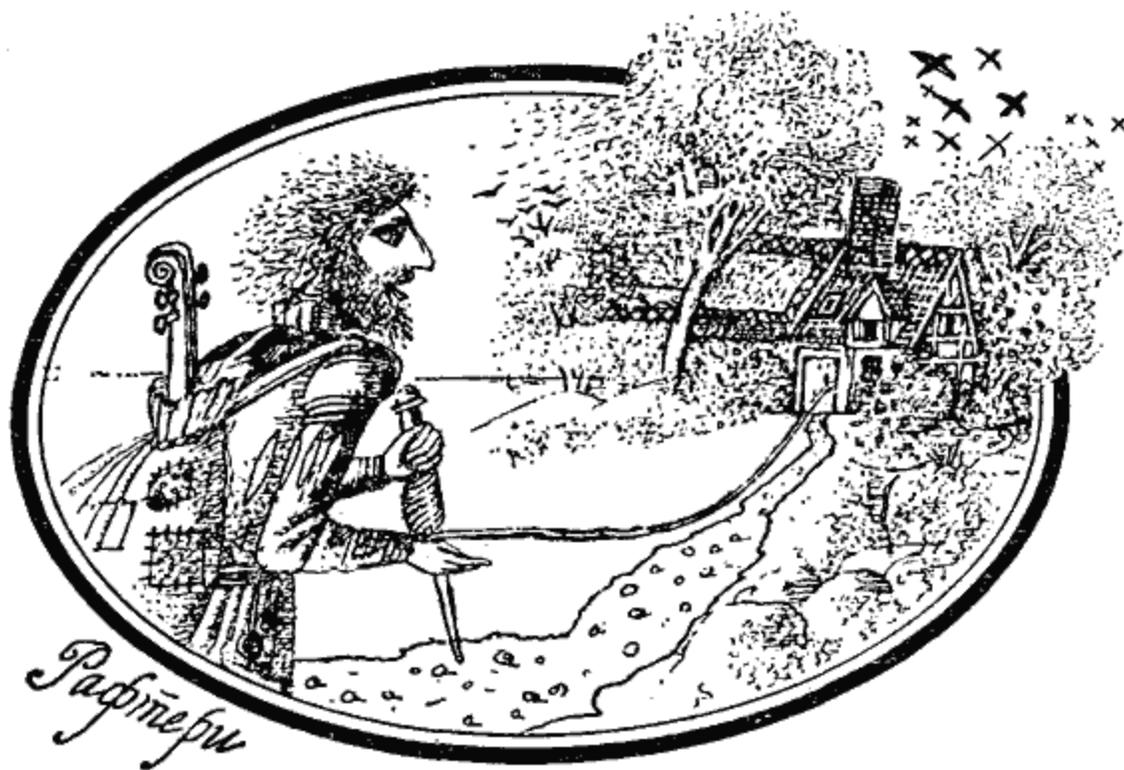
левую руку — вызвал бурю и потопил все корабли. А когда к нему явились с благодарностью, он ответил с укором:

— Стыдитесь! Нельзя разве было подождать, пока освободится и правая моя рука? Уж если бы я поднял правую руку, ни одного чужеземного захватчика не знала бы впредь Эйре!^[4]

В старину говорили:

Соломон был мудр, Самсон — силен, Мафусаил прекрасно знал жизнь, но даже все вместе они не разули бы босоногого.

Как удалось перехитрить самого Рафтери

Я уже говорил вам про закон гостеприимства в старину. В давным-давно прошедшие времена — а это и в самом деле было давненько, — когда знаменитый шутник Рафтери держал в благоговейном страхе весь Коннахт, потребовался незаурядный женский ум, чтобы обойти нерушимый закон гостеприимства. Этой женщине удалось без единого упрека и безнаказанно выставить из

своего дома столь необыкновенного музыканта, сочетавшего к тому же в себе ум и независимость истинного поэта.

Как и многие его предшественники-поэты, Рафтери частенько злоупотреблял своими привилегиями, чересчур даже, а в особенности когда заигрывал со своей второй возлюбленной — бутылкой.

Однажды он остановился на ночлег в хижине у бедной вдовы. И так-то она спины не разгибала и сердце свое надрывала в заботах о целой куче голодных ребятишек, а тут еще музыкант этот живет себе целых тринадцать недель! И тащи ему все, и угождай, и прислуживай. Наконец стало ясно, что сей великий человек не намерен убираться из дома, пока его не вынесут оттуда на катафалке.

Соседки, которые считали себя поумнее вдовы, советовали ей нарушить старинный обычай и вышвырнуть старичка вон. Но она только головой покачала в ответ на такое позорное предложение и продолжала терпеливо сносить все невзгоды.

Так тянулось до сенокоса, когда косари на лугах ждут подмоги от своих хозяек. Среди тысячи домашних дел женщина должна еще хитриться заготовить им свясла — копны вязать. И для этого в углу кухни им оставляют охапку соломы — вить из нее веревки.

Вдова позвала на помощь Рафтери — до сих пор его не просили даже палец о палец ударить — и велела ему взять веретешко и крутить. Она подает ему из охапки понемногу соломы, а он вьет веревку.

Но ведь вам известно, что когда вьешь веревку, то шаг за шагом пятишься назад от соломы, которая так и бежит сквозь пальцы. Веревка становится все длиннее, а вы отступаете все дальше и дальше.

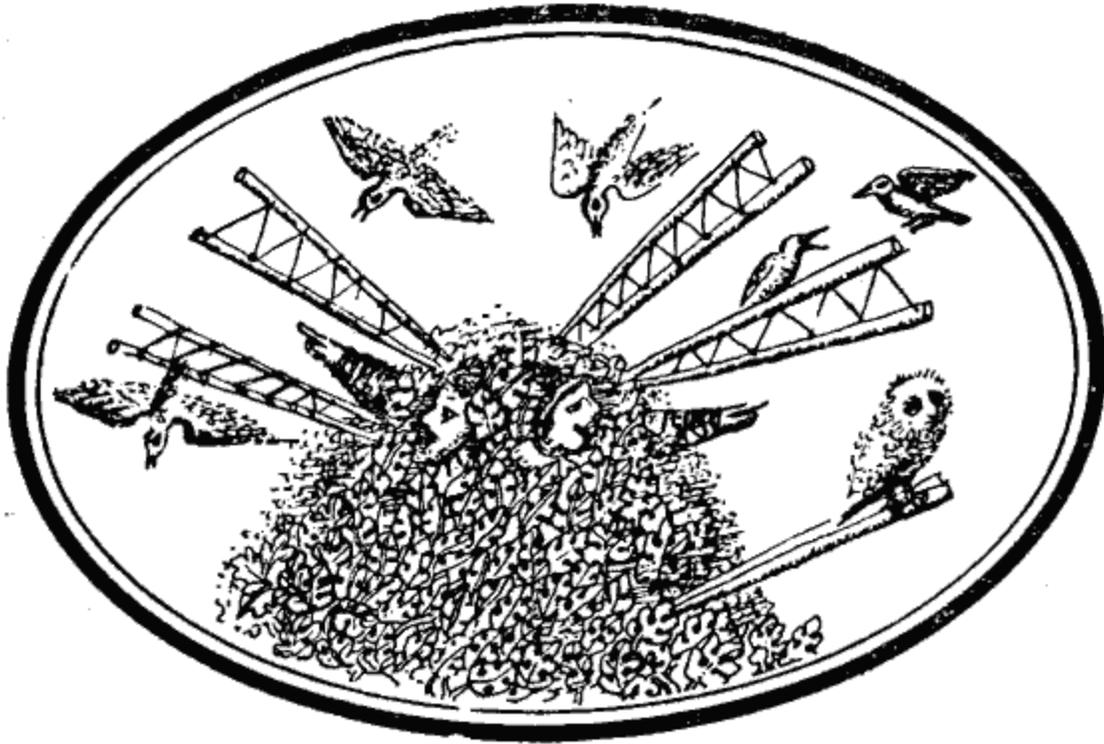
Так Рафтери и пятился, — веревка тянулась, а он пятился, — сначала от очага, у которого стояла вдова, подавая ему солону, а потом и за порог, на свежий воздух, в широкий Божий мир, из которого он целых тринадцать блаженных недель был добровольным изгнанником. И тут он услышал, как захлопнулась и защелкнулась дверь, через которую он только что вышел сам, никто его не выпроваживал, не выставлял и не выгонял.

Вот как удалось женскому уму без промаха обойти семью семьдесят раз священный закон ирландского гостеприимства и выставить за дверь самого великого Рафтери.

В старину говорили:

Когда хочешь подарить штаны, не срезай пуговиц.

Семейная распря

А теперь расскажу вам в назидание недлинную препотешную семейную историю, какая в вашем счастливом доме, конечно, никогда не случится за всю вашу мирную семейную жизнь.

Нелли Макграф и ее муж Динни считались лучшей парой в Пулбегском приходе. Да было б всем известно, тридцать три года прожили они вместе, а даже не знали, что такое косо поглядеть друг на друга. Так они и умерли бы, пребывая в этом неведении, если бы однажды в сочельник нелегкая не занесла к ним охотника Джонни. Он думал всучить им связку птиц, которых поймал силком на снегу. И парочку Динни купил у него, а Нелли изжарила их к рождественскому ужину.

Динни, добрый человек, съел свою долю с великим наслаждением, а потом, утерев рот и причмокнув от удовольствия, промолвил:

— Спасибо Господу Богу и тебе, Нелли. Нежнее и вкуснее этих черных дроздов я в жизни ничего не едал!

— Аминь! Благодарю, благодарю Его. Такими птицами не побрезговал бы сам король. Я говорю, этими серыми дроздами, не так ли, Динни?

— Черными, Нелли, — повторил Динни.

— Ах, Динни, — возмутилась Нелли, — я тебе говорю, они были серые. Уж мне-то не знать, раз я их оципывала.

— Да нет же, Нелли, я тебя уверяю, это были черные дрозды. Уж мне-то не знать, раз я их покупал.

— Что у меня, глаз нет, что ли? А, Динни?

— Я всегда полагал, Нелли, что есть. Но все равно, есть ли, нет ли, зато уж я-то глазастый, так все говорят.

— Тогда мне очень жаль, Динни, что ты не можешь отличить серого дрозда от черного.

— Если кое-кто рядом со мной, — сказал Динни, — умел бы глядеть глазами, он бы тоже когда-нибудь научился отличать черного дрозда от серого.

— Я не спорю, Динни. Так и знай, спорить я не собираюсь! Но это были серые дрозды.

— Тут не о чем и спорить, — сказал Динни. — Что правда, то правда: дрозды были черные.

— Динни, — сказала Нелли, — не гневи Бога! Я же говорю тебе, то были серые дрозды.

— Ты сама гневишь Бога, Нелли, — возразил Динни. — Я же говорю тебе — они были черные.

— Серые! — кричит Нелли.

— Черные! — кричит Динни.

Тогда Нелли отправляется мыть посуду и начинает вызывающе напевать про себя, а Динни вытаскивает из кармана трубку, начинает растирать для нее табак и тут же принимается насвистывать.

И вот эта пара, которая до того дня худого слова не сказала друг другу и никогда не ссорилась, перестала разговаривать целый месяц.

Долго ли, коротко ли, как говорят в сказке, но опять подошло Рождество. Нелли приготовила себе и Динни отменный ужин, и, когда оба, перекрестясь, сели за стол, Нелли как прыснет со смеху.

— Динни, миленький, — говорит она, — ты помнишь, какого дурака мы с тобой валяли в такой же вечер год назад?

И Динни тоже ну хохотать.

— Ох, Нелли, — говорит, — и кто бы подумал, что мы станем разыгрывать из себя таких идиотов?

— И все ни из-за чего, — говорит Нелли.

— И все ни из-за чего, — говорит Динни. — Ну и стыд нам! — говорит. — Из-за какой-то несчастной пары черных дроздов. Да будь они прокляты!

— Ох, — говорит Нелли, — все из-за несчастной пары серых дроздов. Да будь они прокляты!

— Нелли, душечка, — говорит Динни, с укоризной глядя на нее, — уж не собираешься ли ты начать все сначала, и все из-за каких-то жалких черных дроздов?

— Вот еще, стану я распинаться ради каких-то паршивых серых дроздов!

— Да приди в себя, Нелли! Ты же не хуже меня знаешь, что это были черные дрозды.

— Сам приди в себя, Динни, — отвечает Нелли. — Сам знаешь, они были серые.

— Черные! — кричит Динни. — Могу побиться об заклад!

— Серые! — кричит Нелли. — Могу побожиться!

Тут Динни начинает свистеть, а Нелли — напевать. И так они опять друг с другом три месяца не разговаривали, пока не пришли соседи и не помирили их.

Долго ли, коротко ли, как говорят в старинных сказках, прошел еще год, и опять наступило Рождество. И когда Динни и Нелли, перекрестясь, сели за славный ужин, который приготовила для обоих Нелли, она опять как расхохочется.

— Ты помнишь, Динни, — говорит, — какого дурака мы с тобой валяли в прошлые два Рождества?

— Ох-ох-ох, как не помнить, — говорит Динни. — Ну и дурачье!

— Просто шуты гороховые, — говорит Нелли.

— Посмешище, и больше ничего, — говорит Динни.

— Иногда я просто не могу этому поверить, — говорит Нелли.

— Неразумные дети так бы не поступили, — говорит Динни.

— Дети скорей научили бы нас уму-разуму, — говорит Нелли.

— Теперь ты можешь хоть до утра называть этих птиц серыми дроздами, я буду только улыбаться, — говорит Динни.

— Спасибо, Динни, — говорит Нелли, — но зачем же ты будешь улыбаться, если они и в самом деле были серые?

— Ах, Нелли, Нелли! — говорит Динни. — Ты же знаешь, я не хочу с тобой из-за этого спорить, но я утверждаю, что они были черные!

— Я с тобой тоже не собираюсь спорить, — поддакивает Нелли, — но не станешь же ты опровергать истину. Они были серые!

— А кто опровергает истину? — говорит Динни. — Это были черные дрозды, ты сама знаешь.

— Нет, серые, — говорит Нелли. — Сам бы так сказал, если б не уперся.

— Ведь сегодня же святое Рождество, Нелли. Надо говорить правду, стыдись! Признайся, что это были черные дрозды, и покончим с этим!

— Ну да, сегодня святое рождество, — отвечает Нелли. — Сам говори правду. Скажи, что они были серые!

— Ради Бога, Нелли, не надо ссориться из-за каких-то тощих черных дроздов!

— Это ты сам ссоришься из-за несчастных серых дроздов.

— Ох, ты все больше выводешь меня из терпения. Я говорю, они были черные!

— А я говорю, серые!

— Черные!

— Серые!

Тут Динни поворачивается спиной, вытаскивает трубку и табак и, не притронувшись к ужину, начинает насвистывать. Нелли не обращает на это никакого внимания и тоже берет за чулок, который до этого штопала, и начинает с усмешечкой напевать про себя.

В эту минуту открывается дверь, и — кто бы вы думали — входит? Сам охотник Джонни со связкой птиц на плече.

Динни и Нелли так и подскочили и бросились к Джонни. А тот смотрит на одного, на другого и ничего не понимает.

— Джонни, — говорит Нелли, — как я довольна, что ты пришел!

— И я очень доволен, Джонни, — поддакивает Динни, — что ты именно сейчас пришел.

— Да, и ты сейчас увидишь, что за дурень мой муженек.

— Ну да, Джонни, ты пришел как раз вовремя, чтобы наконец дать понять этой женщине, что она такое.

— Скажите, ради Бога, — взмолился Джонни, растерянно переводя взгляд с одного на другого, — о чем у вас спор?

— Да о двух серых дроздах, которых мы купили у тебя в такой же вот вечер два года назад, — говорит Нелли. — Поверишь ли, мой муж все время спорит, что это были черные дрозды.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Динни. — Если бы ты не услышал это своими собственными ушами, Джонни, ты бы не поверил, хоть поклясться мне святым Петром, — эта женщина два года твердит, что ты продал мне не черных дроздов, а серых. Скажи же ей, что это были черные дрозды, и пусть сама убедится, какой она была дурой.

— Джонни, — попросила Нелли, — скажи ему, этому вот мужу моему, все как есть скажи, что они были серые. Пусть ему раз навсегда будет стыдно!

— Что за вздор, Нелли, Динни! — воскликнул Джонни. — Я ужасно огорчен, если вы оба все эти два года только и делали, что шумели да спорили, словно нехристи какие-то, и все из-за пары тощих, жалких, костлявых, никудышных скворцов! — черт бы их побрал!

В старину говорили:

Если бы отец сделал из меня сапожника, всем пришлось бы ходить босиком.

Мудрость Кормака

Когда в эпоху, давно минувшую, газеты потчевали нас шутивными историями о королях, благополучно отцарствовавших когда-то, я каждый раз мысленно возвращался к королю Кормаку и к правдивым старинным летописям, которые сообщали мне и о нем и о том раннем времени.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — каковы были твои обычаи в юности?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. —

Я слушал лес,
я глядел на звезды,
я избегал тайн,
я молчал в толпе,
я говорил с людьми,
я был кроток на пирах,
я был горяч в бою,
я был нежен в дружбе,
я был великодушен со слабыми,
я был тверд с сильными.

Я не был высокомерен, хотя был силен;

я не обещал ничего, хотя был богат;
я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом;
я не говорил плохо о том, кто отсутствовал;
я не поносил, а восхвалял;
я не просил, но давал,
ибо только эти обычаи делают юношу мужем и истинным воином.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а каким обычаям следовать мне?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак, — если следовать учению:

Не смейся над старым, если ты молодой;
и над бедным, если ты богатый;
и над хромым, если ты проворный;
и над слепым, если ты зрячий;
и над больным, если ты здоровый;
и над тупым, если ты способный;
и над глупым, если ты мудрый.

Не будь слишком умен не будь слишком глуп;
не будь слишком самонадеян и не будь слишком застенчив;
не будь слишком горд и не будь слишком скромн;
не будь слишком разговорчив и не будь слишком молчалив;
не будь слишком суров и не будь слишком добр.

Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать слишком многого;

если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать;
если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать;
если ты будешь слишком болтлив, на тебя не будут обращать внимания;

если ты будешь слишком молчалив, с тобой не будут считаться;
если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся;
если ты будешь слишком добр, тебя растопчут.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а какие обычаи хороши для короля?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. — Для него лучше всего: твердость без гнева, настойчивость без спора, вежливость без надменности; пусть он охраняет древние науки, вершит правосудие, вещает истину, почитает поэтов, поклоняется Всевышнему Богу.

Ему следует спрашивать совета у мудрого, следовать учениям древности, блюсти законы, быть честным с друзьями, быть мужественным с врагами, изучать искусства, постигать языки, слушать старейших, оставаться глухим к клевете. Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть он будет упорен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла, пусть не забывает добро, пусть за столом его будет людей много, а на тайном совете мало, пусть союзы его будут тверды, пусть налоги его будут легки, пусть суждения его и решения будут быстры и ясны.

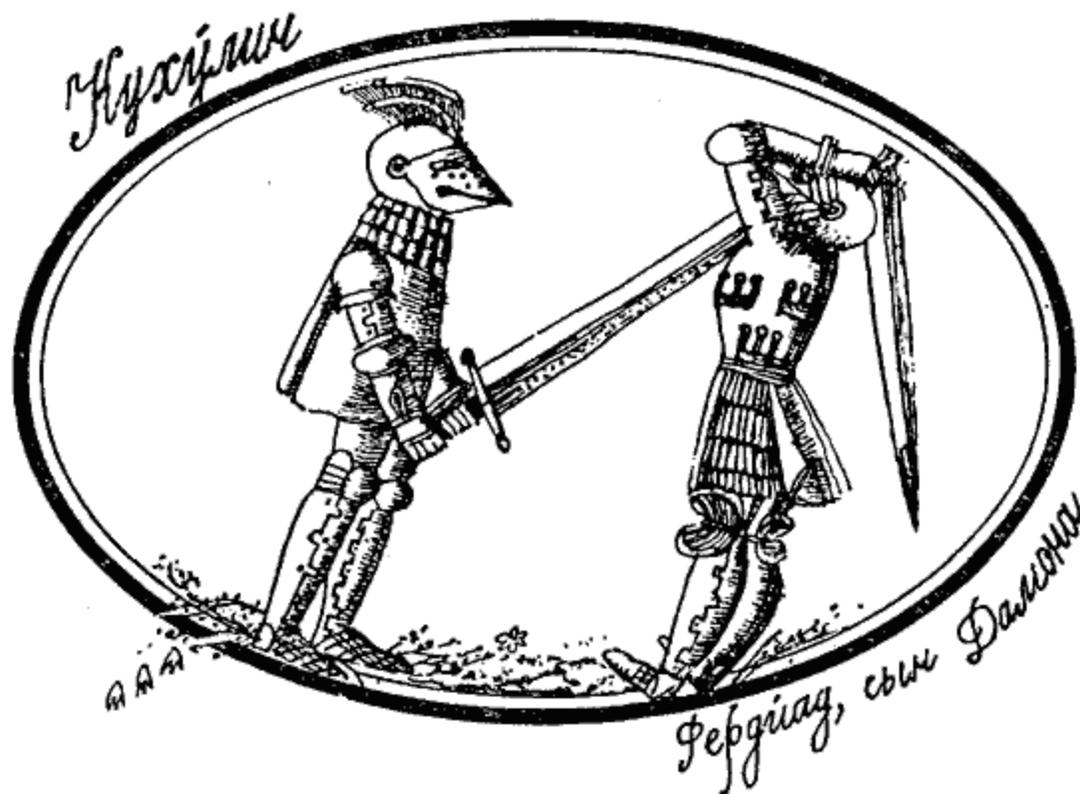
Ибо именно по этим качествам и узнаются истинные короли.

В старину говорили:

Неловко начать ухаживать за вдовой еще до того, как она вернулась домой с похорон мужа.

Из двухтомника «Британские сказки» Эмейбл Уильямс-Эллис и оксфордского издания Айлин О'Фойлин

**Бой Кухулина с Фердиадом
(Из древних ирландских саг)**

Герой из героев, славный воин древнего Ульстера, первый среди воинов Красной Ветви короля Конхобара, бесстрашный уладский пес — так называли Кухулина его друзья и враги.

И был еще только один воин в пяти королевствах древней Ирландии, или, как тогда говорили, — в Эрине, который мог сравниться с Кухулином в отваге и боевом искусстве.

То был Фердиад, сын Дамона.

Эти два славных героя — Кухулин и Фердйад — были названными братьями и друзьями. Они вместе росли, вместе обучались приемам

боевой силы и мужества у грозной воительницы Скатах на острове Скай. Там прошла их юность, там они познали любовь и возмужали, оттуда, рука об руку, отправились на ратные подвиги в чужие, далекие страны.

Их преданность и верную дружбу скрепила кровь, пролитая во многих опасных битвах, боях и сраженьях. Но случилось так, что, рассердившись на злого и коварного короля Конхобара, Фердиад вместе с другими воинами Красной Ветви покинул Ульстер и ушел на службу к гордой и жестокой кон-нахтской королеве Мав.

Как раз в ту пору Мав задумала идти войной на королевство Ульстер. Ей давно хотелось показать королю уладов Конхобару, что не он самый сильный король в Эрине.

Она собрала всех своих славных воинов и сама повела их на север в Ульстер. Время для войны она выбрала удачное — короля Конхобара и его воинов одолел тяжкий недуг. Это случалось с ними к началу каждой зимы — в наказание за то, что однажды король Конхобар надсмехался над богиней войны Махой.

И вот когда все уладские воины обессилели от недуга, королева Мав покинула Коннахт и подошла со своим воинством к самой границе Ульстера — к Северному Проходу.

Узнав, что на Ульстер идет могучее войско королевы Мав, Кухулин послал своего возницу Лойга к богине Махе с великой просьбой, чтобы она сняла свое проклятие с уладов. А пока силы к ним еще не вернулись, Кухулин один вышел защищать Северный Проход от врага.

Проклятие богини Махи его не коснулось: когда с уладами только случилось это несчастье, Кухулин еще не родился.

Не проходило дня, чтобы от руки Кухулина пало меньше ста воинов королевы Мав. Недаром шла о нем слава героя из героев, бесстрашного бойца, победителя во многих битвах.

Мало того, по ночам Кухулин незаметно подбирался к самому лагерю гордой королевы и камнями, метко пущенными из пращи, разгонял всю ее стражу. Так что никому не было от него покоя не только днем, но и ночью.

Тогда надумала королева Мав направить к Кухулину гонцов и послов. Гонцы бегали от нее к палатке Кухулина и обратно, передавая ее вопросы и его ответы. И было решено между ними, что не станет

больше королева Мав продвигаться в Ульстер форсированным маршем, а будет каждый день посылать к Кухулину по одному воину для встречи в славном поединке. Условились они, что пока он будет биться в поединке, она может идти со своим войском вперед, но как только воин ее будет убит — коли это случится, — она остановится до следующего дня.

«Лучше уж я буду терять в день по одному воину, чем по сто», — думала коварная Мав.

Но шел день за днем, и Кухулин убивал в честном поединке одного за другим лучших ее воинов. И настал день, когда королева Мав не знала, кто бы еще мог сразиться и выдержать бой с Кухулином.

Пришлось ей созвать большой совет мужей Эрина. Стали мужи Эрина думать и, подумав, сошлись на одном:

— Фердиад, сын Дамона! Ибо в битве, в бою и в сражении он один равен храбрейшему герою Кухулину. Вместе росли они, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной Скатах.

— Удачный выбор! — одобрила королева.

И послали гонцов и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал назад гонцов и послов королевы. Не пошел он на ее зов, ибо знал, чего хотят от него: чтобы вступил он в единоборство с милым другом своим, названным братом и соратником.

Тогда Мав послала к Фердиаду друидов и злых певцов, чтобы они спели ему три цепенящих песни и три злых заклинания — на позор, посмеяние и презрение, — если Фердиад откажется к ней прийти.

На этот раз Фердиад пришел, ибо легче, казалось ему, пасть от копья силы, ловкости и отваги, чем от стрел стыда, позора и поношения.

Мав сама вышла к нему навстречу и приняла его с честью и приветом. Потом созвала своих вождей и военачальников и приказала им устроить в честь Фердиада пир.

За столом Фердиад сидел от нее по правую руку. А с другой стороны рядом с ним Мав посадила свою дочь Финдабайр и наказала ей подливать герою лучшие вина, чтобы его кубок никогда не оставался пустым.

Фердиад быстро захмелел и развеселился. Тогда королева стала восхвалять его отвагу, мужество и геройские подвиги и посулила ему

несметные богатства, новые земли и свою дочь Финдабайр в жены, если он вступит в единоборство с Кухулином.

Собравшиеся за столом громко приветствовали такие слова королевы.

Все, кроме Фердиада.

Он один сидел молча. Горько было ему даже думать о бое со своим другом, товарищем и побратимом. Он сказал королеве:

— Твои дары поистине щедры и прекрасны, гордая Мав! Но я недостойн их. Никогда я не приму их в награду за бой с милым моим другом Кухулином.

Еще он так сказал королеве:

И сердца наши бились рядом,
И в лесах мы сражались рядом.
На постели одной спали рядом,
Устав, обессилев в жестоком бою...

И поняла тогда Мав, что такую преданность и любовь не разрушить ни лестью, ни подкупом. И задумала она иной план.

Когда Фердиад кончил песню об опасных делах, какие они свершали вместе с Кухулином, она, сделав вид, будто не слышала, что он только что говорил, обернулась к своим воинам и советникам и спокойно заметила:

— Пожалуй, теперь я готова поверить тому, что говорил о Фердиаде Кухулин.

— А что Кухулин говорил обо мне? — спросил Фердиад.

— Он сказал, что ты слишком опаслив и осторожен, чтобы выступить против него в поединке, — ответила Мав.

Фердиада охватил гнев, и он воскликнул:

— Не следовало Кухулину так говорить обо мне! Не мог он, положа руку на сердце, сказать, что хоть раз я был трусом или выказал недостаток храбрости в наших общих делах. Клянусь моим славным оружием, завтра же на рассвете я первый вызову его на бой, который мне так ненавистен!

И, не прибавив больше ни слова, Фердиад, печальный, вернулся в свою палатку.

В ту ночь не слышно было ни музыки, ни песен среди верных воинов Фердиада. Они видели, как вернулся с королевского пира их начальник и господин, и шепотом вели беседу, с тревогой вопрошая друг друга, что же будет. Они знали, что Фердиад искусен и неустрашим в бою, но они знали, что не менее искусен и столь же неустрашим Кухулин.

Как им было не знать, что, когда встречаются в честном поединке два таких бесстрашных героя, одному из них суждено погибнуть!

Фердиад отдыхал до рассвета, а потом велел запрячь колесницу — он хотел явиться на место поединка раньше Кухулина.

Возница вывел коней, запряг колесницу и вернулся в палатку к Фердиаду. Он попытался уговорить своего господина не идти в бой на Кухулина. Фердиад не скрыл от него, как тяжело ему выступить против своего побратима, но уж коли он дал слово королеве Мав, он его сдержит.

Лучше б он не давал ей слова!

Печаль и гнев не оставляли Фердиада при мысли об этом. Он пришел в палатку уладских воинов и, повысив голос, громко сказал, чтобы слышали все:

— Пусть лучше мне погибнуть от руки славного Кухулина, чем ему от меня! А если падет от моей руки Кухулин, не жить и королеве Мав и многим из ее славных воинов. Виною тому обещание, какое она вырвала у меня, когда я был пьян и весел у нее на пиру. Верьте мне!

Потом Фердиад взошел на колесницу и устремился к броду через реку на место поединка. Там он заставил возницу распрячь коней и, разобрав колесницу, велел поставить для себя шатер и накрыть его шкурами. Землю застлали пледами, иабросали подушек, и Фердиад лег спать до прихода Кухулина.

А пока он спал, верный Кухулину Фёргус тайно покинул палатку коннахтских воинов и отправился Кухулину, чтобы сказать ему, с кем ему предстоит биться в грядущий день.

— Клянусь жизнью, — воскликнул Кухулин, услышав эту весть, — не такой разговор хотелось бы мне вести с моим другом и побратимом! Не из страха перед ним, но из любви и нежной

привязанности. Но раз уж так случилось, лучше мне погибнуть от руки этого славного воина, чем ему от меня!

И Кухулин лег спать и спал долго. Не хотел он рано вставать, чтобы коннахтские воины не сказали, что ему не спится от страха перед Фердиадом. Солнце стояло уже высоко, когда он наконец поднялся на свою колесницу и поехал к броду через реку на место поединка.

Фердиад уже ждал его и, как только Кухулин сошел с колесницы, приветствовал своего друга.

— Ах, Фердиад, — горестно сказал ему в ответ Кухулин, — раньше я верил, что ты приветствуешь меня как друг. Но теперь этой веры больше нет! Как мог ты променять нашу дружбу на лживые обещания вероломной женщины?

Уязвленный упреками Кухулина, Фердиад воскликнул:

— Не слишком ли затянулся наш разговор? Пора вступить в беседу нашим копьям!

И вот, сблизившись, славные воины стали метать друг в друга легкие копья. Словно пчелы в ясный летний денек, летали между врагами острые дротики, и горело солнце на их крыльях — наконечниках.

Так бились они целый день, время от времени меняя оружие. Но и в защите, и в нападении их искусство было равно, и какое бы оружие они ни выбирали, ни разу оно не обагрилось их кровью. Когда же спустилась ночь, они решили, что на сегодня поединок закончен и пора отдохнуть.

Побросав оружие своим возницам, отважные воины кинулись друг другу на шею и трижды по-братски нежно расцеловались.

Потом возницы приготовили для них постели из свежего камыша, для каждого на своем берегу реки: для Фердиада — на южном, для Кухулина — на северном.

Из Ульстера прискакали гонцы и привезли Кухулину целебные травы и снадобья, чтобы поднять его силы и избавить от боли и усталости его натруженное тело. Кухулин разделил все травы и все лекарства поровну и отослал половину Фердиаду.

А коннахтские воины принесли из лагеря для Фердиада еду и питье. Фердиад разделил тоже все поровну и отослал половину Кухулину.

Ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Наутро, как только засветило солнце, бойцы снова встретились у брода. На этот раз они сражались на колесницах, пуская в ход тяжелые копья. Бой шел весь день, и каждый получил немало жестоких ударов, прежде чем настала ночь и они решили передохнуть. На этот раз оба были так тяжело изранены, что птицы могли влетать в их раны с одной стороны и вылетать с другой.

Но и эту ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Когда же наутро они встретились у брода, чтобы продолжать поединок, Кухулин увидел, что Фердиад уже не тот, что был прежде: и взгляд его стал мрачен, и не мог он уже прямо держаться, а шел согрбившись, еле волоча ноги.

Великая печаль охватила Кухулина. Он перешел вброд реку и, приблизившись к Фердиаду, сказал ему:

— Друг мой, товарищ и побратим, вспомни, как мы любили друг друга, как вместе проливали кровь в жестоких битвах, боях и сражениях. Послушай своего младшего брата: откажись от единоборства у брода!

На это Фердиад ниже опустил голову, чтобы не смотреть в глаза Кухулину, и сказал с грустью, что не может он нарушить свое слово, данное в злую минуту королеве Мав, и будет биться с Кухулином, пока один из них не победит.

На этот раз они вместе выбрали оружие, и бой начался.

Весь длинный день в полной тишине они метали тяжелые копья, сшибались на острых мечах, рубили, кололи, резали и наносили прямые удары. Только темный вечер заставил их кончить единоборство.

Все так же молча побросали они оружие своим возницам и, не обнявшись, не сказав друг другу доброго слова, мрачно разошлись по своим палаткам.

Ту ночь их кони провели в разных загонах, а возницы — каждый у своего костра.

Рано утром Фердиад поднялся первым и надел свои самые прочные, самые тяжелые, непроницаемые боевые доспехи, чтобы

защитить себя от ужасного рогатого копья — Га-Бульга, каким славился Кухулин в поединке у брода.

Вскоре вышел к реке и Кухулин, и бой разгорелся, свирепый и беспощадный.

Удары их копий были так сильны, что щиты бойцов прогнулись вовнутрь. Шум битвы их был так велик, что испугнул всех демонов неба и заставил их носиться в воздухе с громкими криками. Так тяжела была поступь бойцов, что они вытеснили реку из берегов.

Уже близился вечер, когда Фердиад неожиданным выпадом жестоко ранил Кухулина, вонзив свой меч в его тело по самую рукоять, и кровь рекой полилась из раны и затопила брод.

Кухулин не успел ответить, а Фердиад следом за первым ударом нанес второй и третий.

Только тогда крикнул Кухулин своему вознице Лойгу, чтобы подал он рогатое копьё Га-Бульгу. Прицелившись, он метнул его двумя пальцами ноги, и Га-Бульга, пробив тяжёлые доспехи Фердиада, смертельно поразил его.

— Вот и пришел мне конец, мой Кухулин, — произнес Фердиад и рухнул на землю.

Увидев, как падает на землю его друг и названный брат, Кухулин отбросил страшное свое оружие и кинулся к Фердиаду. Он склонился над ним, поднял его на руки и с осторожностью перенес через брод на северную сторону реки — сторону славных уладов. Не хотел он оставлять друга своих юных лет, своего названного брата, соратника в грозных битвах на земле врагов, на южном берегу реки.

Кухулин опустил Фердиада на землю, склонился над ним и стал горько его оплакивать.

Забывшись в горе и не думая об опасности, Кухулин долго просидел так возле убитого друга, пока его возница Лойг не посоветовал ему уйти подальше от брода, где в любую минуту на него могли напасть коварные воины королевы Мав.

На слова Лойга Кухулин медленно поднял голову и сказал тихо, печально:

— Друг мой Лойг, знай и запомни: отныне и впредь любая битва, любой бой или сражение покажутся мне пустой шуткой, забавой, игрушкой после поединка с милым моему сердцу Фердиадом.

И такую песню сложил Кухулин, оплакивая убитого друга:

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В ученье у Скатах мы были рядом —
У грозной наставницы юных лет
Вместе прошли мы науку побед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В боях жестоких мы бились рядом,
И каждому щит был от Скатах в дар —
За первый успех, за верный удар...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
Милый мой друг, мой светоч, брат мой,
Гроза героев, славный герой,
Без страха ты шел в последний бой...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
О лев свирепый, лютый и мудрый,
О вал морской, что о берег бьет,
С пути все сменяя, ты шел вперед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
Любимый друг мой, отважный Фердиад,
Все смерти стоят твоей одной.
Вчера высокой ты был горой.
Сегодня у брода ты встретил смерть.

Про короля, про святого и про гусыню

Вы слышали когда-нибудь про доброго короля О'Тула, который жил в давние времена в Ирландии и которому на старости лет выпала неожиданная радость?

Да, так вот когда король О'Тул был еще молодым, во всей Ирландии не нашлось бы юноши отважней его. Любимым занятием короля была охота, и с восхода солнца до темного вечера он только и знал, что скакал по болотам, подшпоривал своего коня да науськивая собак.

Жизнь его текла славно и весело, пока король совсем не состарился и не сгорбился. Теперь он уж не мог охотиться целыми днями, будь то лето или зима, будь то дождик или солнце. И пришел день, когда единственное, что осталось бедному старому королю, — это ковылять с палочкой по саду. «Жизнь кончена, — думал он, — если нет больше ни радостей, ни утех».

И вот чтобы как-то утешить себя и развеселить, король завел себе гусыню. Хотите верьте, хотите нет, но гусыня оказалась добрым другом бедному старому королю.

Какое-то время они совсем неплохо развлекались вдвоем — король О'Тул и гусыня, — и не смейтесь, ничего смешного тут нет. Куда бы она ни залетала, как только он звал ее, она тут же

возвращалась и могла хоть весь день ковылять за ним, если ему этого хотелось.

А по пятницам — вы же знаете, что пятница, по священным законам, постный день и мяса добрым христианам есть не положено, — так вот, по пятницам она заплывала подальше в озеро и приносила своему хозяину на обед нежную, жирненькую форель.

Да, это доброе создание было единственной радостью и утехой бедного старого короля О'Тула. Но увы, ничто не вечно на этом свете! И королевская гусыня тоже состарилась, и настал день, когда крылья отказали ей, так же как старому королю ноги, и бедняжка при всем своем желании не могла уже больше развлекать своего хозяина. Что поделаешь!

Король О'Тул был безутешен.

В один прекрасный день старики — мы хотели сказать: старик король и старушка гусыня — сидели на берегу озера и грустили. Король держал гусыню на коленях и с нежностью глядел на нее, а в глазах у него стояли слезы. «Нет, уж лучше умереть или утонуть в этом озере, чем влачить такую жалкую, унылую жизнь», — думал он.

Он выпустил из рук гусыню, и она заковыляла к прибрежным камышам поискать добычи. А король все сидел и думал о своей безрадостной жизни.

Вдруг он поднял голову и увидел перед собой незнакомого юношу, на вид такого скромного и симпатичного.

— Приветствую тебя, король О'Тул! — сказал скромный юноша.

— Вот те на, откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился король.

— Это неважно. Я еще кое-что знаю, — отвечал юноша. — А смею я спросить тебя, добрый король О'Тул, как поживает твоя гусыня?

— Откуда ты знаешь и про мою гусыню тоже? — спросил король.

Ведь гусыни-то в это время видно не было: она охотилась в камышах.

— Я все про нее знаю. А откуда — это неважно, — улыбнувшись, ответил юноша.

— Но кто же ты такой? — спросил король.

— Честный человек, — ответил юноша.

— А чем ты зарабатываешь на жизнь? — поинтересовался король.

— Старое делаю новым.

— А-а, значит, ты лудильщик? — решил король.

— Нет, поднимай выше! Что бы ты, например, сказал, если бы я сделал твою старую гусыню опять молодой?

— Опять молодой?! — переспросил король, и его старое лицо так и засияло от радости: о лучшем он и мечтать не мог.

— Ну да, опять молодой, — кивнул в ответ юноша.

Король О'Тул свистнул. Тут же из камышей показалась старушка гусыня и заковыляла к своему сторбленному старику хозяину. Что и говорить, старушка была верна ему как собака.

Юноша поглядел на гусыню и сказал:

— Даю слово, я сделаю ее молодой, если хочешь.

— Клянусь здоровьем! — воскликнул король, в свою очередь бросая взгляд на старушку гусыню, от которой остались лишь кожа да кости. — Коли ты сделаешь это, я буду считать тебя самым умным юношей во всех семи приходах моего королевства!

— Подумаешь, одолжил, — смеясь, сказал юноша. — А что ты мне все-таки дашь за это?

— Все, что попросишь! — сказал король. — И это будет только справедливо.

— Ты отдашь мне все земли, какие облетит твоя гусыня в тот день, когда я сделаю ее снова молодой?

— Отдам! — сказал король.

— А на попятный не пойдешь? — спросил юноша.

— Не пойду! — сказал король.

Тогда юноша подозвал к себе старушку гусыню, от которой остались лишь кожа да кости, подхватил ее на руки, расправил ей крылья и подбросил вверх. Да не только подбросил, но и подул под крылья, чтобы ей легче было взлететь. И — клянусь вам! — старушка взвилась в воздух ну точно орел. И кружилась, и ныряла, и резвилась, словно ласточка.

На старого короля одно удовольствие было смотреть: от удивления он даже рот открыл и радовался, глядя на свою старушку гусыню, которая порхала в небе ну точно жаворонок.

Да, так вот, гусыня сделала большой круг — сначала скрылась из глаз, потом вернулась — и наконец опустилась у ног своего хозяина.

Он погладил ей голову и крылья и убедился, что она и в самом деле стала опять молодой и здоровой, и даже еще лучше, чем была.

— Нет, лучшей гусыни свет не видел! — похвалил он ее.

— А что ты хочешь сказать мне? — спросил его юноша.

— Что ты самый умный юноша, какой только ступал по земле ирландской, — ответил король, продолжая любоваться своей гусыней.

— А еще что?

— Что я тебе буду век благодарен.

— А ты удержишь слово и отдашь мне все земли, какие облетела сейчас гусыня?

— Сдержу и отдам, — сказал король, — и буду всегда рад приветствовать тебя на своей земле, даже если у меня останется всего один акр.

— Я вижу, ты честный и добрый старик, — говорит тогда юноша. — Счастье твое, что ты сдержал слово, не то гусыне твоей больше б никогда не летать!

— Ах, да кто же ты такой? — спрашивает король юношу уже во второй раз за это утро.

И слышит ответ:

— Я святой Кевин.

— О Господи! — восклицает король и падает на колени, конечно, с великим трудом, так как старые кости его уже не слушались. — Стало быть, выходит, я все утро разговаривал тут и вел беседу с самим святым?

— Ну да, — говорит святой Кевин.

— А я-то думал, что говорю с простым, скромным парнем!

— Я переоделся, — говорит святой, — вот ты меня и не узнал. А пришел я, король О'Тул, чтобы испытать тебя. И я убедился в это утро, что ты честный и добрый король, потому что ты сдержал слово, данное простому лудильщику, за которого ты меня принял. И за это я тебя награжу: пусть твоя гусыня останется молодой!

Вот такая история приключилась со старым королем О'Тулом, хотите верьте, хотите нет.

Поле ромашек

В один солнечный денек — то был не простой денек, а праздник, самый любимый в Ирландии весенний праздник — Благовещение — вдоль живой изгороди по солнечной тропинке прохаживался молодой паренек. Звали его Том Фитцпатрик. Гуляя по полю, он вдруг услышал негромкое тук-тук, тук-тук, где-то у самой земли за изгородью.

«Неужели каменка щелкает? — подумал Том. — Для нее будто бы рановато!»

И Тому захотелось взглянуть на раннюю пташку, чтобы своими глазами убедиться, правильно он угадал или нет. Вот он подкрался на цыпочках к изгороди, раздвинул кусты и... И увидел, но только не пташку, а огромный, прямо с ведро, бурый глиняный кувшин.

Однако самое удивительное было другое: рядом с кувшином сидел маленький-премаленький, совсем крошечный старичок. На нем был замусоленный, затасканный кожаный фартук, а на голове красовалась маленькая треуголка.

У Тома на глазах старичок вытащил из-под себя деревянную скамеечку, встал на нее и маленьким кувшинчиком зачерпнул в большом кувшине, потом поставил полный кувшинчик рядом со скамеечкой, а сам сел на землю возле большого кувшина и начал

прибивать каблук к башмаку из грубой коричневой кожи — тук-тук, тук-тук.

Это и было то самое «тук-тук», что услышал Том.

«Силы небесные! — воскликнул про себя Том. — Лёпрекон! Ей-ей, лепрекон! Слышать-то я про них слышал, но вот не думал, что они на самом деле встречаются!»

Вы уж, наверное, догадались, что Том имел в виду веселого эльфа-сапожника, которого в Ирландии называют лепрекон. Но самое интересное, что лепрекены умеют шить башмак только на одну ногу — или на правую, или на левую, — так, во всяком случае, о них говорят.

«Мне удача! — подумал Том. — Только теперь нельзя с него глаз спускать, а не то он исчезнет, словно его и не бывало».

И Том подкрался к лепрекону поближе тихо-тихо, словно кошка к мышке, а сам глаз с него не спускал.

— Бог в помощь, соседушка, — сказал он, а сам уж руку протянул к маленькому сапожнику.

— Спасибо на добром слове, — ответил лепрекон, поглядев на Тома.

— Вот только дивлюсь я, чего это вы в праздник работаете! — говорит Том.

— Это уж мое дело, — отвечает старикашка.

— А не будете вы так любезны сказать, что у вас в этом большущем кувшине?

— Отчего ж не сказать, — говорит старичок с ноготок. — В нем прекраснейшее пиво.

— Пиво? — удивился Том. — Гром и молния! Где это вы его раздобыли?

— Где я раздобыл его? Сам сделал! А из чего, угадай!

— Ну, ясно из чего, — говорит Том. — Из хмеля да из солода, из чего же еще.

— А вот и промахнулся! — говорит старичок с ноготок. — Из вереска!

— Из вереска? — удивился Том еще больше, да так и прыснул со смеху. — Ты, видно, за дурака меня принимаешь, так я и поверил, что из вереска!

— Не хочешь — не верь, — говорит старичок. — Но я тебе правду сказал. Ты разве не слыхал историю про датчан?

— Ну, слыхал, а что, собственно, про них слыхать-то? — спросил Том.

— Когда датчане в старину жили на нашем острове, они научили нас варить пиво из вереска, и с тех пор моя семья хранит этот секрет.

— Ну и умный вы народец! — воскликнул Том. — А попробовать твое пиво можно? — спросил он.

Но маленький старикан глянул на него сердито и, нахмурившись, ответил:

— Лучше вам, молодой человек, беречь отцовское добро, чем приставать к честным людям с глупыми вопросами! Оглянись-ка! Не видишь разве, в твой овес забрались коровы и весь его потоптали. —

И с этими словами старичок указал пальцем на что-то у Тома за спиной.

Том от неожиданности чуть было не обернулся. Да хорошо, вовремя спохватился, протянул руку — и хватать малышку лепрекона.

Да вот беда: впопыхах он опрокинул кувшин с вересковым пивом, а стало быть, ему уж не отведать его никогда в жизни! Том ужасно рассердился на старичка лепрекона и пригрозил, что отомстит ему за такие шутки, если лепреконе не покажет, где прячет свои сокровища.

Том был уверен, что у каждого лепрекона, так же, как у всех эльфов — в Ирландии их называют еще *дини-ши*, — зарыт где-нибудь в укромном месте кувшин с золотом.

— Ну, так где же твое золото? — очень грозно спросил Том.

Малютка сапожник притворился испуганным и сказал:

— Через два поля отсюда. Идем, я провожу тебя туда, раз уж так все получилось.

И Том зашагал через поле, не выпуская лепрекона из рук и не спуская с него глаз ни на секунду, хотя ему приходилось и через изгороди перелезать, и прыгать через канавы, и огибать болота.

Уф, наконец-то он добрался до широкого ромашкового поля, и лепреконе, указав на высокую ромашку, сказал со вздохом:

— Рой здесь и найдешь большой кувшин. В нем полным-полно золотых гиней.

Но вот досада, в спешке Том позабыл захватить с собой лопату. Что же теперь делать?

Подумав, он решил, что не остается ничего другого, как бежать домой за лопатой. А чтобы не ошибиться, где потом копать, он достал из кармана красную ленточку и обмотал стебель той ромашки, на которую указал лепреккон. Но тут у него родились кое-какие сомнения, и он сказал лепреккону:

— Поклянись, что не снимешь мою ленточку с этой ромашки!

Лепреккон поклялся верой и правдой, что пальцем не тронет ее, и спросил очень вежливо:

— Надеюсь, я больше не нужен вам?

— Нет. Дело сделано, теперь можешь идти. Скатертью дорожка, желаю удачи.

— Будь здоров, Том Фитцпатрик, — сказал лепреккон. — Пусть на пользу пойдет тебе мое золото, когда ты его откопаешь.

Том опустил маленького сапожника на землю, и тот отправился восвояси.

А Том, как вы сами можете себе представить, кинулся со всех ног домой, нашел лопату и вернулся тут же на ромашковое поле.

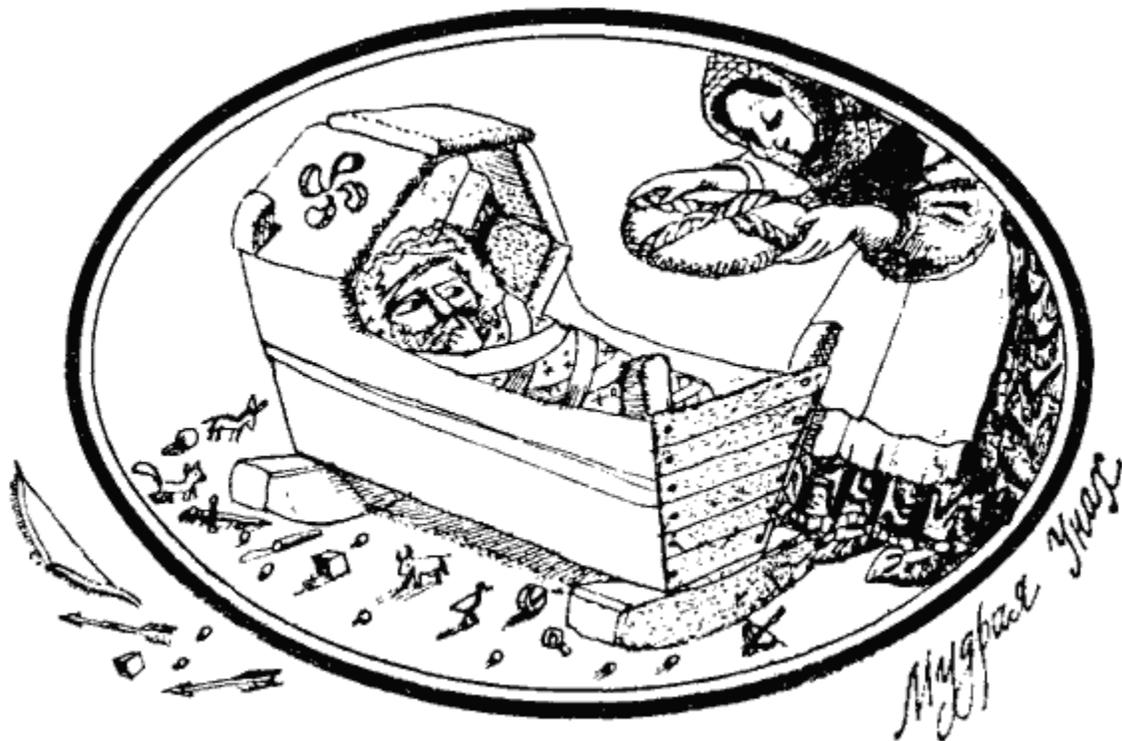
Но что это? Что увидел он, вернувшись на поле?

Лепреккон свое слово сдержал: красной ленточки Тома он не трогал, что верно, то верно. Но зато обвязал точно такой же красной ленточкой стебель каждой ромашки на поле!

Бедняга Том! Что же ему теперь оставалось — перекопать все поле? Но это было невозможно. В поле было не меньше добрых сорока ирландских акров!

Пришлось Тому возвращаться домой с пустыми руками и с лопатой на плече.

Мудрая Унах

Как вы уже знаете, жил когда-то в Ирландии герой-великан по имени Кухулин. И еще один герой, такой же задиристый вояка, только ростом поменьше, по имени Финн.

Каких только историй не рассказывали про этих двух героев, про их свирепые битвы и смелые дела! Но мы-то вам поведаем совсем иную историю. Скорей всего, это не очень правдивая история, а просто сказка про великанов, какую придумали, устав рассказывать про их геройские дела и желая над ними посмеяться.

Да, так вот, Финн жил в большом доме на самой вершине крутой горы. Нельзя сказать, чтобы это было такое уж удобное место для жилья: откуда бы ни дул ветер, на вершине горы всегда было очень ветрено. К тому же когда Финна не было дома, его жене, Унах, приходилось самой ходить за водой, а для этого надо было спуститься к подножию крутой горы, где протекал ручей, и потом с полными ведрами лезть вверх. Не так-то это легко, как вы сами себе можете представить.

И все-таки в одном отношении место, где стоял дом Финна, было очень удобное: с вершины горы Финну были видны все четыре стороны — и север, и юг, и запад, и восток. Поэтому, когда кому-нибудь из его врагов приходило в голову нанести ему визит, он знал об

этом заранее. А Финн был не из тех, кто любит неожиданные визиты и всякие сюрпризы.

Правда, он мог и другим путем узнать, что его ждет. Для этого ему достаточно было засунуть в рот палец, нащупать последний зуб с правой стороны, и он тут же узнавал, что вскоре должно произойти.

И вот в один прекрасный день, когда Финн и его жена Унах мирно сидели за столом, Финн невзначай засунул палец в рот и тут же побелел, точно снег в январе.

— Что случилось, Финн? — спросила его жена Унах.

— О горе мне и погибель! Он идет сюда, — ответил Финн, как только вынул палец изо рта и смог заговорить.

— Кто идет сюда? — удивилась Унах.

— Ужасное чудовище Кухулин! — ответил Финн, и при этом вид у него стал совсем унылый, точно дождливое воскресенье.

Унах прекрасно знала, что хоть муж ее и был настоящим великаном, ростом с хорошую башню, однако Кухулину он и в младшие братья не годился. Меньше всего на свете хотел бы Финн встретиться с таким противником! Все окрестные великаны побаивались Кухулина. Когда он сердился и топал ногой, весь остров содрогался. А однажды он так хлопнул кулаком по шаровой молнии, что в лепешку ее превратил! И с тех пор всегда носил ее в кармане, чтобы показать любому, кто полезет с ним в драку.

Спорить не будем, с любым другим великаном Финн мог бы выступить на равных, но только не с Кухулином. В свое время он расхвастался, что пусть, мол, Кухулин только сунется, он ему покажет! И вот теперь — о горе ему и погибель! — Кухулин близко, и встречи с ним не избежать.

— Если я спрячусь от него, — сказал Финн, — я стану посмешищем у всех великанов. А драться с чудовищем, которое может одним ударом кулака превратить шаровую молнию в лепешку, — нет уж, увольте! Уж лучше как-нибудь его перехитрить. Но только вот как?

— А далеко он сейчас? — спрашивает у Финна жена.

— Около Данганона, — отвечает Финн.

— А когда он должен быть здесь? — спрашивает Унах.

— Завтра к двум часам дня, — отвечает Финн и со стоном добавляет: — Мой большой палец говорит мне, что от встречи с ним на этот раз мне не уйти.

— Ну-ну, дорогой! Не унывай и не вешай носа, — говорит Унах. — Посмотрим, может быть, мне удастся выручить тебя из беды.

— Выручай, голубушка! Ради всех святых выручай! А не то он меня или зажарит, как зайца, или осрамит перед всеми нашими великанами. О бедный я и несчастный!

— Стыдись, Финн! — говорит Унах. — Хватит ныть да причитать. Видали мы таких великанов! Молнию в лепешку, ты говоришь? Ну что ж, мы его тоже лепешкой угостим, от которой все зубы у него заболят! Не зови меня больше своей верной Унах, если я не обедеду вокруг пальца это грозное чудовище.

С этими словами Унах вышла из дому и вскоре вернулась с грудой большущих плоских сковородок — на таких железных сковородках обычно пекут ячменные лепешки или плоские хлеба.

Унах замесила побольше теста, чтобы хватило на все сковородки. Однако очень странные лепешки она испекла. Во все лепешки, кроме одной, самой большой, величиной, наверное, с колесо от телеги, она сунула в середину по железной сковороде и так запекла их. А когда лепешки остыли, спрятала их в буфет. Затем приготовила большой сливочный сыр, сварила целую свиную ногу, поставила ее студить и бросила в кипящую воду один за другим с дюжину вилок капусты.

Уже настал вечер — вечер накануне того дня, когда должен был прийти Кухулин. И вот последнее, что сделала Унах, — она разожгла яркий костер на одном из соседних холмов, что стоял ближе к дороге, засунула по два пальца в рот и три раза громко свистнула.

Это означало, что для странников дом Финна гостеприимно открыт — такой обычай был у ирландцев еще с незапамятных времен. И Унах хотела, чтобы Кухулин услышал ее.

На другой день с самого утра Финн стоял уже на страже, и, когда он увидел в долине высоченного, как церковная колокольня, своего врага Куху-лина, он бросился бегом домой и влетел в комнату, где сидела Унах, блее сливочного сыра, который она приготовила для высокого гостя.

— Он идет! — дрожащим голосом сообщил Финн.

— Ах, право, Финн, ну что ты так разволновался, — с улыбкой сказала Унах. — Пойдем-ка со мной! Видишь эту колыбель? Наши дети давно уже выросли из нее. Вот тебе моя ночная рубашка и чепец — они вполне сойдут за детские. Надевай их и ложись в колыбель,

подожми ноги, и как-нибудь ты уж уместись в ней, а я накрою тебя одеялом. Только смотри лежи и помалкивай, что бы ни случилось. Сегодня ты должен разыгрывать роль грудного младенца.

Финн послушно все выполнил, но когда в дверь его дома раздался громкий стук, он так и задрожал, лежа в своей колыбели.

— Заходи и будь желанным гостем! — крикнула Унах, открывая дверь чудовищу ростом вдвое больше, чем ее Финн.

Как вы уже, наверное, догадались, это был великан Кухулин.

— Мир дому сему, — сказал он громовым голосом. — Это здесь проживает знаменитый Финн?

— Ты угадал! — сказала Унах. — Входи, располагайся как дома, добрый человек.

— А вы, часом, не госпожа Финн будете? — спрашивает Кухулин, входя в дом и усаживаясь на широкий стул.

— Ты опять угадал. Я жена славного и могучего великана Финна.

— Знаем, знаем, о нем давно идет слава знаменитого великана Ирландии. Что ж, а перед тобой сейчас тот, кто пришел сразиться с ним в честном бою!

— Ах ты, Господи! — всплеснула руками Унах. — Вот досада, а он сегодня еще на рассвете покинул дом. До него дошла весть, что огромное чудовище, по имени Кухулин, ждет его у моря на северном берегу, ну, знаешь, там, где ирландские великаны строят плотину, чтобы посуху добираться до Шотландии. Клянусь небом, не хотела бы я, чтобы этот бедный Кухулин встретился сегодня с моим Финном. Он сегодня в такой ярости, что сотрет его в порошок!

— Да будет тебе известно, что Кухулин — это я. И я пришел к Финну, чтобы сразиться с ним, — сказал Кухулин, хмурясь. — Вот уже двенадцать месяцев, как я гоняюсь за ним, и не он меня, а я его сотру в порошок!

— О Господи! Наверное, ты никогда не видал моего Финна? — сказала Унах, покачав головой.

— Как же я мог видеть Финна, — сказал Кухулин, — если он всякий раз удирает у меня из-под носа, точно бекас на болоте?

— Это кто же — Финн удирает у тебя из-под носа, несчастная ты малявка! — говорит Унах. — Да клянусь честью, то будет самый черный день в твоей жизни, когда ты повстречаешься с Финном! Остается только надеяться, что буйное настроение его к тому времени

немного утихнет, а не то придется тебе распрощаться с жизнью. Можешь сейчас отдохнуть здесь, но когда ты уйдешь, клянусь всеми святыми, я буду молиться за тебя, чтобы никогда тебе не встретиться с моим Финном!

Тут Кухулина начало разбирать сомнение: не зря ли он пришел в этот дом? Они помолчали немного, потом Унах заметила:

— Ну и ветер сегодня! Дверь так и хлопает, и очаг дымит. Вот жалко, Финна нет дома, он бы помог мне, как всегда в такую погоду. Но раз уж его нет, может быть, ты мне окажешь эту маленькую услугу?

— Какую услугу? — спросил Кухулин.

— Да всего-навсего повернуть дом лицом в другую сторону. Финн всегда так делает, когда дует сильный ветер.

Тут Кухулина одолели еще большие сомнения. Однако он поднялся и вышел следом за Унах из дома. Но сначала он трижды потянул себя за средний палец правой руки — в этом пальце таилась вся его сила! — а потом, обхватив дом руками, повернул его, точно как просила Унах.

Финн, лежа в колыбели, чуть не умер от страха, потому что на самом деле ни разу за все годы, что он был женат на Унах, она не просила его ни о чем подобном.

Унах улыбнулась Кухулину и небрежно поблагодарила его, точно повернуть дом было все равно, что закрыть дверь.

— Раз уж ты настолько любезен, — сказала она, — может, ты еще одну услугу мне окажешь?

— Какую же? — спрашивает Кухулин.

— Да ничего особенного, — говорит она. — Из-за сильной засухи мне приходится очень далеко ходить за водой, к самому подножию горы. Вчера вечером Финн обещал мне, что раздвинет горы и перенесет источник сюда поближе. Но он в такой спешке покинул дом, бросившись тебе навстречу, что совершенно забыл об этом. Если бы ты хоть чуточку раздвинул скалы, я бы мигом достала воды и приготовила тебе обед.

Кухулину не очень-то по вкусу пришлась такая просьба. Он поглядел на горы, трижды потянул себя за средний палец правой руки, потом опять посмотрел на горы и опять трижды потянул себя за средний палец правой руки. Но этого оказалось мало.

Взглянув в третий раз на горы, он в третий раз трижды потянул себя за средний палец правой руки — итого девять раз! — и только тогда ему удалось проделать в горе большую трещину, в милю длиной и в четыреста футов глубиной.

Эта трещина сохранилась и по сей день — она называется Ламфордское ущелье.

— Большое тебе спасибо, — сказала Унах. — А теперь пойдем в дом, и я мигом приготовлю обед. Финн никогда не простит мне, если я отпущу тебя без обеда. Хоть вы с ним и враги, но нашей скромной трапезой ты не должен пренебрегать.

И Унах выложила на стол холодную свиную ногу, свежего масла, сняла с огня готовую вареную капусту и наконец достала из буфета большие круглые лепешки, которые испекла накануне.

— Милости прошу, не стесняйся, — сказала она Кухулину.

Кухулин начал со свиной ноги, потом взял вареную капусту и наконец большую круглую лепешку. Разинув пошире рот, чтобы отхватить кусок побольше, он свел челюсти и тут же взревел не своим голосом:

— Сто чертей и одна ведьма!

— Что такое? — спросила Унах.

— Такое, что двух лучших зубов моих как не бывало! Что за хлеб ты мне подсунула?

— О, — сказала Унах, делая вид, что она очень удивлена, — обыкновенный хлеб! Не только Финн, но даже его дитя в колыбели ест такой хлеб!

С этими словами Унах взяла со стола самую большую лепешку, в которой, как вы помните, не было железной сковороды, подошла к колыбели и протянула лепешку Финну.

Кухулин внимательно следил за ней и увидел, как дитя в колыбели откусило от лепешки огромный кусище и принялось жевать его.

— Попробуй теперь другую лепешку, дорогой Кухулин, — предложила Унах, покачав сочувственно головой. — Может, она будет помягче.

Но и в другой лепешке тоже была запечена сковорода. Кухулин взревел еще громче прежнего. Так громко, что Финн в колыбели задрожал от страха и даже застонал.

— Ну вот, ты испугал ребенка! — сказала Унах. — Если тебе не по зубам этот хлеб, сказал бы тихонько, зачем же так кричать?

Но Кухулину было не до ответов. Он подумал о странных порядках в этом доме, который надо поворачивать то в одну, то в другую сторону; о горах, которые надо раздвигать, и об этом странном ребенке, который из колыбели еще не вышел, а уже как ни в чем не бывало жует железный хлеб!.. И сам задрожал от страха. Похоже, ему и впрямь повезло, что он не застал Финна дома. Выходит, значит, все, что говорила ему Унах, была правда!

И Кухулин, не попрощавшись и не сказав даже спасибо за обед, припустил вниз с крутого холма, на котором стоял дом Финна, и бежал без оглядки, пока и зеленые горы, и Ламфордское ущелье не остались далеко позади.

А Финн вылез из колыбели, и они с Унах прекрасно поужинали всем, что осталось от обеда, который мудрая Унах приготовила для Кухулина.

Черный Вор

КОНИ КОРОЛЯ КОНАЛА

В давние времена правил в Эйре король, который взял себе в жены королеву, прекрасную и добрую. Она была такой доброй, что все люди в стране любили ее, особенно бедняки, и не проходило дня, чтобы они не появлялись в королевском замке со своими просьбами. У короля и королевы росло три славных сына, и не было никого счастливей их во всем королевстве Ирландском до того самого дня, пока королева не слегла от неведомой болезни. Она почувствовала, что смерть ее близка, и позвала к себе короля, и сказала ему:

— Если я умру и вы женитесь еще раз, обещайте мне отослать моих трех сыновей в самую отдаленную часть королевства, чтобы они не оказались под властью чужой женщины. Пусть они живут там, пока не станут взрослыми.

Король поклялся, что исполнит желание королевы, и она спокойно умерла.

Король горько оплакивал ее год, а то и два и даже не думал брать себе новую жену, пока советники не сказали ему, что для блага государства ему следует жениться. Тогда он приказал выстроить в самой отдаленной части королевства замок и отослал туда своих трех сыновей со слугами и учителями, чтобы они ухаживали за детьми. А потом женился и был опять счастлив, пока новая жена не подарила ему сына.

И вот как-то вскоре после рождения сына король уехал на охоту, а молодая королева вышла погулять в окрестностях замка. Когда она проходила мимо хижины полувыжившей из ума старой птичницы, она услышала, как старуха жалуется, что новая королева совсем не заботится о бедных.

— Тебе-то нет дела до бедняков и горемычных людей, что живут у самых стен твоего богатого замка, — кричала ей вслед старуха, — Не то что славной, доброй королеве, которая была женой нашему королю до тебя. Недаром говорят, что благородная леди готова была снять со своих плеч плащ и отдать его любому, кто больше в нем нуждался.

Услышав эти слова, молодая королева остановилась и решила расспросить птичницу о покойной королеве. Она пообещала старухе сотню пестрых коз, сотню овец и сотню коров, чтобы та ей все

рассказала, и услышала от нее про трех королевских сыновей, живущих в уединенном замке в самой отдаленной части королевства.

— А когда они вырастут, — закончила старуха, — твоему собственному сыночку негде будет и головы приклонить, словно пташке небесной.

Рассказ старой птичницы встревожил молодую королеву, она испугалась за судьбу своего сына, но старуха успокоила ее:

— Послушайся меня и я научу тебя, как отделаться от сыновей короля. Заставь короля пригласить их в гости, сюда в замок, а пока они будут гостить здесь, попроси их сыграть с тобой в шахматы. Я дам тебе заколдованную доску, и ты выиграешь. Когда ты выиграешь у всех троих, скажи, что в наказание ты велишь им отправиться за тремя скакунами короля Конала, потому что хочешь трижды объехать на них границы королевства. Они поедут, и ты их больше не увидишь, ведь уж немало героев отправлялось на поиски коней короля Конала и никто из них не вернулся назад. А твой сын станет королем, когда придет время.

Королева пошла домой и в тот же вечер, как только король прискакал с охоты, спросила его, почему он прячет от нее своих сыновей.

— Верни их в замок, — попросила она, — и ты увидишь, что я полюблю их не меньше, чем своего родного сына.

И вот король вернул своих трех сыновей и велел в их честь приготовить великий пир. И все люди в королевстве ликовали, потому что снова видели их в королевском замке.

После пира королева вызвала каждого брата одного за другим сыграть с ней в шахматы. С каждым она играла трижды; два раза выигрывала, а на третий нарочно проигрывала.

Вечером старший из братьев пришел к ней и спросил:

— Какое наказание будет мне и моим братьям за то, что мы проиграли вам?

— Я требую от вас клятвы не спать дважды под одной крышей и не есть дважды с одного стола, пока вы не приведете ко мне трех скакунов короля Конала, потому что я хочу трижды объехать на них границы королевства.

— Но где, скажи, о, королева, искать нам коней короля Конала? — спросил старший принц.

— Обойдите четыре части света, — ответила королева, — и в одной непременно найдете их.

— А теперь я назначу наказание вам, — сказал старший брат, — за ту партию, что вы проиграли мне: я беру с вас клятву подняться на крышу замка и стоять там и смотреть, ни разу не спускаясь вниз, до тех самых пор, пока мы не вернемся со скакунами.

— Отмените ваше наказание, и тогда я отменю свое! — воскликнула королева.

— Если человек в молодости уваливает от первого же наказания, которое назначили ему, то ничего путного из него не получится, — сказал принц. — Мы отправляемся за конями!

На другой день три брата распрощались со своим отцом и отправились на поиски замка короля Конала. И вот, пропутешествовав много дней и не найдя даже следов этого замка, они повстречали какого-то хромого человека в черном колпаке на голове.

— Кто вы такие? И что вас завело в эти края? И куда вы так спешите? — спросил человек в черном колпаке, остановившись перед ними.

— Мы сыновья ирландского короля, — ответил старший из братьев, — и мы ищем трех скакунов короля Конала, чтобы привести их к нашей мачехе.

— Пойдемте со мной, — сказал хромой незнакомец, — проведем вместе ночь, а завтра я отправлюсь с вами и покажу дорогу к замку короля Конала.

Уже смеркалось, братья пошли за незнакомцем и провели ночь в его хижине. А на другое утро раным-рано человек в черном колпаке разбудил их и сказал:

— Немало отважных героев пытались уже достать коней короля Конала и поплатились за это жизнью. Но, — добавил он, — я вам помогу, и, может быть, вам это удастся. А без меня вам ни за что их не найти.

И вот четверо пустились в путь и еще засветло добрались до замка короля Конала. Однако они дождались полночи и только тогда пошли на конюшню за конями. Велика же была их радость, когда они увидели, что вся стража крепко спит.

Три брата и человек в черном колпаке воспользовались этим, и каждый выбрал себе коня. Но едва они дотронулись до них, как

скакуны бешено взвились на дыбы и стали так громко ржать, что подняли на ноги весь замок. Стражники бросились на братьев и вмиг схватили их и человека в черном колпаке. А потом отвели пленников к королю Коналу.

Король Конал сидел в главном зале своего замка на большом троне из чистого золота. По обеим сторонам от него и позади трона стояла стража с обнаженными мечами. А перед ним на жарком огне в огромном котле кипело и пузырилось масло.

— Что такое! — воскликнул король Конал, увидев перед собой человека в колпаке. — Если бы Черный Вор не умер, я бы сказал, что это он и есть!

— Я и есть Черный Вор, — сказал человек в черном колпаке.

— В самом деле? — сказал король. — Ну, мы это еще проверим. А кто эти трое молодцов?

— Мы сыновья ирландского короля, — ответили трое братьев.

— Что ж, — молвил король Конал, — начнем с младшего. Только сначала разбросайте-ка огонь под котлом, а то масло все выкипит!

Потом король повернулся к Черному Вору и спросил:

— Ну что, разве этот юноша не близок сейчас к смерти?

— Однажды я был ближе его, — ответил Черный Вор, — и спасся.

— Расскажи-ка, — говорит король, — и если ты и в самом деле был ближе к смерти, чем он сейчас, я дарю ему жизнь.

— По рукам, — сказал Черный Вор и начал свою историю.

ТРИ ЗАКОЛДОВАННЫЕ ДЕВУШКИ

В молодости у меня были земли и несметные богатства. Жизнь моя текла в полном покое и довольстве, пока не явились три ведьмы и не разорили меня дочиста. Тогда я вышел на большую дорогу и стал знаменитым разбойником, самым знаменитым во всем Ирландском королевстве — Черным Вором.

Так вот, эти три ведьмы были дочерьми короля, который правил в то время в Эйре. Днем это были самые прелестные девушки во всем

королевстве, а ночью, по заклинанию злого волшебника, они обращались в трех мерзких ведьм.

И так получилось, что, еще до того как мне потерять все свое имущество и выйти на большую дорогу, я отдал приказание моим слугам запасти торфа на целых семь лет — нарезать его и принести ко мне. Возле дома моего выросла огромная куча, такая большая, словно настоящая черная гора. И вот однажды ночью — это случилось после полуночи — возвращаюсь я с пирушки домой и что же вижу: три страшных ведьмы хватают из моей кучи торф, бросают его в три корзины, взваливают корзины на спины и уносят его. Так они в ту зиму и таскали мой торф, пока весь не перетаскали.

На другой год я снова сделал запас торфа на семь лет, но ведьмы явились опять и принялись его растаскивать. Тогда как-то ночью я подстерег их, подождал, пока они наполнят корзины, и пошел за ними следом до самых холмов. Я заметил, как они спустились в подземную галерею под скалами на глубине ста двадцати футов. Заглянув вниз, я увидел, что там пылает огонь и ведьмы варят в огромном котле целую тушу вола. Я огляделся по сторонам, чтобы найти, чем бы запустить в них, и, заметив возле самого входа в подземелье огромный валун, стал толкать и катить его, пока он не свалился прямо на ведьм. Валун разбил горшок и расплескал по золе весь бульон.

Я пустился бежать, но три ведьмы вскоре нагнали меня. Чтобы спастись от них, я влез на высоченное дерево, но они меня заметили, остановились внизу и стали разглядывать меня сквозь ветви. Старшая из трех ведьм превратила среднюю в острый топор, а младшую в свирепую гончую собаку. Потом схватила топор и стала подрубать подо мной дерево.

С первого удара ведьма перерубила ствол дерева на целую треть. Она ударила топором во второй раз и перерубила еще на вторую треть. Наконец замахнулась для третьего и последнего удара... но тут как раз прокричал петух, и у меня на глазах топор превратился в хорошенькую девушку, ведьма, которая рубила дерево, в другую хорошенькую девушку, а свирепая гончая — в третью. Сестры взялись за руки и пошли прочь, счастливые и невинные с виду, как любые три девушки в королевстве Эйре.

— Ну, — сказал Черный Вор королю Коналу, — разве я не был тогда ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Пожалуй, был, — согласился король. — Ну что ж, вместо него пойдет его брат! Масло как раз кипит, так что не стоит откладывать.

— И все же, — сказал Черный Вор, — однажды я был к смерти ближе, чем он в эту минуту.

— Послушаем твою историю, — молвил король Конал, — и, если ты и в самом деле был ближе к смерти, чем он, мы отпустим на свободу и второго молодца.

И Черный Вор начал свою вторую историю.

ТРИНАДЦАТЬ ЗАКОЛДОВАННЫХ КОТОВ

После того как я разбил трем ведьмам, укравшим у меня торф и весь мой скот, их горшок, они перерезали у меня всех кур, потоптали посевы, в общем, довели меня до такой нищеты, что мне пришлось выйти на большую дорогу, чтобы прокормить жену и всю семью.

Как-то ночью гнал я домой старую клячу и коровенку, чтоб было чем накормить детей, и так устал, тащась вслед за ними, что сел в густом лесу под деревом передохнуть. Было холодно, а так как в кармане у меня лежал кремень, я высек огонь, чтобы согреться. Недолго я просидел у костра, как вижу — из темноты со всех сторон, крадучись, появляются тринадцать большущих и жутких котов! Таких больших и страшных, каких свет еще не видывал: двенадцать котов ростом со взрослого мужчину, а тринадцатый, их вожак, еще того больше. Огромный, свирепый, с дикими зелеными глазами, так и загоревшимися и засверкавшими, когда он уселся у огня и уставился на меня. Остальные расселись по шести с обеих сторон от него и все вместе принялись мурлыкать, да так громко, словно гром загремел в тихой ночи.

Немного погодя главный, рыжий, кот встает, поднимает морду и, глядя на меня через огонь, говорит:

— Не желаю я больше голодать! Дай мне сейчас же чего-нибудь поесть!

— Но у меня ничего нет, кроме вон той белой клячи, которая привязана к дереву позади тебя.

Рыжий кот прыгнул на лошадь и, разодрав ее пополам, одну половину съел сам, а другую оставил своим двенадцати друзьям. Те живо расправились с нею и даже обглодали косточки.

Потом все тринадцать вернулись на свои места к огню и уселись вокруг меня, облизываясь и мурлыча так громко, хоть уши затыкай.

Немного погодя главный кот заговорил опять и сказал:

— Мне опять хочется есть. Дай чего-нибудь еще!

— Но у меня ничего нет, кроме этой безрогой коровы, — ответил я.

Рыжий кот набросился на корову и разделил ее пополам, как раньше лошадь. Одну половину съел сам, а другую оставил своим двенадцати друзьям. Пока коты-чудовища жрали корову, я снял с себя плащ и обмотал его вокруг пня, а наверх нахлобучил мой колпак. Я хотел, чтобы получилось похоже на меня, потому что хорошо знал, что эти чудовища сделают, когда покончат с коровой. Потом сам влез на дерево.

Коты очень быстро покончили со старой коровой, вернулись на свои места и опять расселись вокруг огня. Вскоре рыжий кот взглянул на пень, который я оставил вместо себя, и сказал:

— Есть у тебя еще чего-нибудь? Я умираю от голода!

Пень, конечно, не ответил, тогда вожак котов Перескочил через костер прямо на него и давай его терзать и рвать когтями. Но очень скоро он заметил, что ошибся.

— Ага, — сказал он, — значит, ты удрал! Ну ничего, мы тебя быстренько найдем, куда бы ты ни запрятался!

И он приказал своим двенадцати котам обойти хоть все королевство Эйре, но найти меня. Шесть котов должны были искать меня под землей, а шесть на земле. Сам же он уселся под деревом. Вскоре коты вернулись, облазив всю землю снизу доверху и не найдя даже моих следов.

Тут рыжий кот случайно посмотрел вверх на дерево и увидел меня.

— Ага, — сказал он. — Вот ты где! Ничего, скоро ты у меня оттуда слетишь. А ну-ка, — приказал он двенадцати котам, — подгрызайте это дерево!

Двенадцать котов тут же окружили дерево и принялись подгрызать ствол. Не успел я и глазом моргнуть, как они перегрызли

его и свалили на землю прямо перед своим вожаком. Но когда дерево падало, я успел перепрыгнуть на ветки соседнего. Тогда коты стали подгрызать это дерево, и только в последнюю минуту, перед тем как ему упасть, я спасся на третьем дереве.

Так они преследовали меня всю ночь, подгрызая каждое дерево, на котором я прятался, пока я не добрался до самого последнего дерева в этом лесу. Они принялись и его подгрызать, и я просто не знал, как же мне от них теперь улизнуть. Они перегрызли уж полствола, как вдруг, откуда ни возьмись, появляются тринадцать страшных волков: стая из двенадцати волков и один огромный, свирепый — их вожак.

Волки напали на котов, и между ними завязалась кровавая и жестокая битва, пока наконец двенадцать котов и двенадцать волков не оказались замертво распростертыми на земле. И только два вожака продолжали сражаться. Но вот вожак волков нанес рыжему коту ужасный удар; рыжий кот успел лишь схватить волка за голову и за хвост и разорвать его пополам, и оба свалились мертвыми друг на друга.

Тут я спокойно мог сойти с дерева на землю и отправиться домой. И когда я начал спускаться, дерево так и скрипело, так и качалось подо мной — ведь коты почти совсем успели подгрызть его.

— Ну, — спросил Черный Вор, — разве в тот раз я не был ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— И в самом деле, был, — ответил король Конал. — И я дарю ему жизнь, так как своего слова нарушать не собираюсь. Но остается еще третий брат, так что подбавьте-ка жару под маслом, чтобы оно было горяченькое! — И добавил: — Ну, был ты когда-нибудь ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Еще бы! — отвечал Черный Вор.

— Расскажи-ка, — молвил король Конал, — и, если и вправду был, я отпущу его на свободу вместе с его братьями.

И Черный Вор поведал королю Коналу третью историю.

ВЕРОЛОМНЫЙ УЧЕНИК

После того как я уже некоторое время занимался своим ремеслом, я овладел им в таком совершенстве, что взял к себе несколько учеников, чтобы обучить их тому же, — начал свой рассказ Черный Вор. — Среди них был один, молодой, который отличался умом от всех прочих, — с ним я занимался больше всех. Он был очень сообразительный, и учение давалось ему легко. Довольно скоро я обучил его всему, что знал, и он стал еще более искусным вором, чем я сам.

Это было в те времена, когда на другом конце нашего королевства в каменной пещере жил великан. А так как этот великан обирал и грабил окрестную знать, всем было известно, что его пещера битком набита золотом и разными прочими богатствами. Вот мы и надумали с моим учеником отправиться туда в один прекрасный день и набрать всяких драгоценностей побольше, сколько сможем унести. Отправились мы в путь-дорогу и, пропутешествовав много дней, добрались до пещеры великана, которая находилась в горах.

Это была подземная пещера, спрятанная в скалах. В нее вел лишь один ход — глубокая, темная расселина. Несколько дней мы наблюдали за великаном. Обычно он каждое утро уходил, а вечером возвращался с мешком за плечами, наполненным — мы могли поклясться в этом — золотом и драгоценностями.

И вот в одно утро, когда великан ушел, я обвязал моего ученика веревкой вокруг пояса и начал спускать его в дыру между скалами, ведущими в пещеру великана. Но когда он был уже на полдороге, то вдруг как закричит, как завопит, чтобы я его вытянул обратно наверх. Я вытянул его, и он признался, что боится спускаться вниз.

— Спускайся сам, — говорит, — а я подержу веревку и вытащу тебя наверх.

Я спустился и, когда добрался до пещеры великана, увидел огромные желтые груды золота и сверкающие белые кучи серебра и драгоценных камней. Я развязал мешок и насыпал в него всякого добра, сколько под силу поднять одному человеку, а потом отправил мешок на веревке вверх, к моему ученику. После этого я крикнул ему, чтобы он спускал веревку для меня. Сначала ответа не было, потом слышу, он кричит мне:

— Больше я не буду у тебя учиться! Хватит! Я уже стал вором получше тебя. Будь здоров! Надеюсь, ты проведешь приятный вечер с

великаном.

И больше я ничего от него не услышал. Тогда я огляделся, чтобы найти хоть какой-нибудь выход из пещеры великана, но выбраться оттуда было невозможно, даже муха и та не сделала бы ни шагу по крутым и скользким скалам. И тут в углу пещеры я заметил груды мертвых тел. Я залез под них, так как больше спрятаться было негде, и растянулся во весь рост, будто и сам мертвый.

Вечером великан вернулся, неся еще трех мертвецов. Он бросил их в общую груды, как раз рядом со мной, и принялся разжигать огонь в очаге. Когда очаг запылал, он повесил над ним огромный черный котел с водой, взял большущую корзину и наполнил ее мертвецами. Я оказался первым, а на меня он набросал еще шестерых. Подтащил корзину к котлу и опрокинул, так что шесть мертвецов упали в кипящую воду, а мне, уж не знаю как, удалось уцепиться за дно корзины. Потом великан забросил корзину вместе со мной в дальний угол пещеры. Так, ненадолго, я был спасен...

Великан поужинал, уселся поудобней в кресло и захрапел. Я улучил минуту и вылез из-под корзины. Потом подошел к выходу из пещеры и что же вижу — вот подвезло, так подвезло! — великан забыл повернуть к стене свою лестницу. Лестница была выдолблена в стволе дерева, и, когда великан уходил из пещеры или возвращался в нее, ему стоило лишь повернуть лестницу ступенями к стене, и никто уж не мог ею воспользоваться, разве только такой же силач, как он сам. Я полез вверх по лестнице и мигом очутился на земле.

— Ну, как вы считаете, был я тогда ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Клянусь, ты был достаточно близко! — сказал король. — И я помилую его, как помиловал и его братьев. А теперь твоя очередь! Теперь уж ты сам угодишь в горшок, и делу будет конец. Да-а, наверно, никогда ты не был так близко к смерти, как сейчас!

— Что и говорить, ближе некуда, — молвил Черный Вор. — И все-таки однажды я был еще ближе.

— Когда это? — спросил король. — Расскажи, и, может быть, я отпущу тебя на волю вместе с остальными.

И Черный Вор рассказал историю, как он спасся от трех людоедов.

ТРИ ЛЮДОЕДА

Как-то раз, начал Черный Вор, я устал в дороге, да и есть захотелось, вот и подошел к какому-то дому попросить чего-нибудь поесть. Вхожу и вижу молодую женщину, а на коленях у нее младенца. В руках у женщины нож, и она то занесет его над ребенком, словно собирается его убить, то отведет. И при этом горько плачет, а милый ребенок так и смеется, так и заливается от радости.

— Зачем ты все замахиваешься ножом на ребенка? — спросил я у женщины. — И почему так горько плачешь?

Тут она мне рассказала свою историю:

— В прошлом году, когда я была с отцом и матерью на ярмарке, вдруг, откуда ни возьмись, налетели на людей три великана. Никто и опомниться не успел: у кого в руках кусок был, не успел его в рот положить, а у кого во рту — проглотить. Всех дочиста обобрали великаны, а меня схватили и увели от отца с матерью вот в этот дом, а потом сказали, чтоб я стала женой старшему великану. Но я упросила его не жениться на мне, пока мне не минет восемнадцать лет. А мне будет восемнадцать уже через несколько дней, и тогда нет мне спасения, если до этого кто-нибудь не убьет трех людоедов.

— Но зачем же ты хочешь зарезать этого ребенка? — спросил я.

— Вчера они принесли этого мальчика и сказали, что он — сын короля. Они отдали его мне и велели приготовить из него паштет, и чтобы паштет был готов сегодня к ужину.

— Не убивай мальчика! — сказал я. — У меня тут есть поросенок, можно из него приготовить паштет, они и не спохватятся.

Девушка так и поступила, как я посоветовал ей, и приготовила паштет из поросенка. Три людоеда съели паштет с превеликим удовольствием и только приговаривали, что очень вкусно, да маловато. Потом старший людоед — он все еще не наелся — послал младшего брата в погреб, чтобы тот отрезал кусок от какого-нибудь мертвеца и принес наверх. Тот спустился в погреб и, схватив меня, отрезал порядочный кусок от моей ноги чуть повыше колена. Этот кусок пришелся так по вкусу старшему людоеду, что он сам спустился в погреб, чтобы забрать меня и поджарить на огне. Он поднял меня, перебросил через плечо, но не сделал и нескольких шагов, как я вонзил свой нож прямо ему в сердце. И он замятво рухнул на землю.

Потом в погреб спустился средний брат, тоже чтобы найти, чего бы поесть. Он, как и тот, взвалил меня на спину, но я его тоже заколол и уложил на землю рядом с братом.

А младший брат ждал-ждал за столом, когда принесут подкрепление, наконец разозлился и тоже спустился посмотреть, что это так задержало его братьев. Он нашел их распростертыми на земле, стал тормошить их и обнаружил, что они оба мертвые. Он с удивлением огляделся по сторонам и заметил меня. Размахивая над головой огромной железной дубинкой, великан бросился на меня. Он нацелился мне в голову и опустил дубинку с такой силой, что она на три фута вросла в землю. Но я успел увернуться, и ни один волос не упал с моей головы. Пока великан старался вытащить дубинку из земли, я подбежал к нему и трижды всадил ему в бок свой нож.

Он занес дубинку еще раз, прицелился в меня, но я опять увернулся и опять, пока он вытаскивал свою дубинку, трижды ударил его ножом в живот. Ко он замахнулся на меня в третий раз, и коварный сучок его дубинки впился в меня и просверлил большую дыру в моем боку. Тут великан свалился на землю и испустил дух. Однако я тоже был очень слаб, кровь так и хлестала из меня. И я уж совсем было приготовился закрыть навеки глаза, как тут в погреб сбежала по ступенькам девушка. Увидя ее, я приподнялся на локте и крикнул ей:

— Скорей беги за мечом великана, он висит возле его кровати на гвозде, и отруби ему голову!

Она выбежала и тут же вернулась с мечом в руках. Бесстрашно, не хуже любого мужчины, она размахнулась и отрубила людоеду голову.

— Теперь я умру с легким сердцем, — сказал я.

— Нет, ты не умрешь, — сказала она, — я отнесу тебя в соседний погреб, где стоит котел с живой водой, и твои раны сразу заживут, и ты встанешь как ни в чем не бывало.

И она тут же взвалила меня к себе на спину и поспешила в другой погреб, где хранился котел с живой водой. Она подняла меня к краю котла, но тут я совсем потерял сознание. Тогда она погрузила меня в живую воду, и не успела вода коснуться моей кожи, как я уже снова был здоров и полон сил.

— Ну что, близко к смерти я был тогда? — спросил Черный Вор короля Конала.

— Конечно, — ответил король, — но если бы и не был, я все равно не бросил бы тебя в котел, а подарил бы тебе жизнь, как и остальным, потому что, не будь тебя, и меня бы не было сегодня здесь — ведь я и есть тот самый ребенок, которого должны были запечь в паштете людоедам на ужин.

— Мой отец знал, что жизнь мне спас Черный Вор, — молвил король, — и он обыскал весь свет, чтобы найти тебя и наградить, но так и не нашел. Поэтому милости просим к нам, будешь дорогим гостем, и в честь твою я прикажу приготовить великий пир.

Ну вот, попиrowали, а потом король одарил Черного Вора и золотом, и серебром, и чем только можно, а трем сыновьям короля Эйре дал трех коней, чтобы они отвели их и показали своей мачехе.

— Когда она объедет на них все королевство, — сказал король Конал, — отпустите коней, и они прискачут обратно ко мне.

И вот три брата привели в королевство Ирландское трех коней короля Конала и явились к мачехе, которая с того самого дня, как они ушли, стояла на крыше замка и ждала, пока они вернутся.

— Вы привели скакунов? — удивилась мачеха.

— Да, привели, — ответили братья. — Но мы не собираемся отдавать их вам насовсем. Ваше задание было: отправиться за скакунами короля Конала и привести их сюда. Мы это выполнили!

И с этими словами они отпустили коней. Как ветер помчались скакуны назад к королю Коналу.

— Могу я теперь спуститься в замок? — спросила мачеха.

— Пока еще нет, — сказал младший из братьев. — Ведь еще я не назначил вам свое наказание за партию, которую выиграл у вас до нашего отъезда.

— А какое твое наказание? — спросила злая королева.

— Оставайтесь на этом месте до тех пор, пока не найдется еще трех королевских сыновей, которые согласились бы отправиться за конями короля Конала.

Как только королева услышала это, она замертво свалилась с крыши замка.

Надменная принцесса

Жил некогда на свете весьма достойный король, и была у него дочь-раскрасавица, другой такой и не сыщешь. Но зато уж гордячка похуже Люцифера: ни одного короля или принца не соглашалась себе в мужа брать. Отец просто устал от нее и решил в последний раз пригласить во дворец всех знакомых и незнакомых королей, принцев, герцогов и графов. Они явились все, как один, и на другой же день после завтрака выстроились на лужайке, чтобы принцесса прошла перед их строем и сделала наконец свой выбор.

Один был толст, и она сказала:

— Зачем мне этот Пивной Бочонок!

Другой был худ и тощ. Ему она сказала:

— Мне не нужен Шомпол!

Бледнолицему она сказала:

— К чему мне Бледная Немочь?

А краснощекому заявила:

— Зачем мне этот Петушок?

Только перед последним она задержалась на мгновение: он был слишком хорош и лицом и осанкой. Ей хотелось отыскать в нем хоть какой-нибудь недостаток, но она не нашла ничего приметного, кроме полукруга выющихся каштановых волос под подбородком. Она залюбовалась им, но виду не подала.

— Мне не нужны Бакенбарды!

Ну, все уехали ни с чем, а король очень рассердился и сказал:

— Вот я проучу тебя, привереда! Первому же нищему или бродячему певцу отдам! Кто первый зайдет, тому и отдам!

И все так и случилось. На другое утро возле дворца появился парень — весь в отрепьях, с волосами до плеч, с густой рыжей бородой, которая закрывала ему почти все лицо, и запел под окнами.

Когда он кончил, двери приемной распахнулись, певца пригласили войти, позвали священника, и принцесса была обвенчана с Бородой. Она кричала и угрожала, но отец не обращал на нее внимания.

— Вот тебе пять гиней, — сказал он жениху. — Забирай свою жену долой с глаз моих, и чтоб я вас обоих больше не видел!

И жених увел принцессу, убитую горем. Единственным утешением для нее были ласковый голос и благородные манеры ее мужа.

— Чей это лес? — спросила она, когда они проезжали через лес.

— Короля, которого вы вчера называли Бакенбардами.

Тот же ответ она услышала и о лугах, и о полях, и, наконец, о прекрасном городе.

«До чего ж я была глупа, — подумала принцесса про себя. — Он был совсем недурен, и я могла выйти за него замуж».

Наконец они добрались до убогой хижины.

— Зачем вы меня сюда привели? — спросила бедная принцесса.

— Этот дом был раньше только моим, а теперь он и ваш!

Она ударилась в слезы, однако вошла в дом, так как очень устала и захотела есть.

О Боже! Ни накрытого стола, ни пылающего огня в хижине. Пришлось ей помочь мужу развести огонь и сварить обед, а потом еще и со стола убрать.

А на другой день он велел ей надеть грубое платье и простой платок. Когда она прибралась в доме и справилась с остальными делами, он притащил охапку ивовых прутьев, содрал с них кору и показал ей, как плести корзины. Жесткие ветки ранили ее нежные пальцы, и она заплакала. Что ж, тогда он попросил зачинить ему одежду, но иголка уколола ей пальчик, пошла кровь, и она опять ударилась в слезы.

Он не мог видеть ее слез, а потому принес ей корзину с глиняной посудой и послал на базар продавать. Это оказалось самым тяжелым испытанием. Но она выглядела такой хорошенькой и печальной — словом, казалась такой милашкой, что все плошки, кувшины и тарелки были распроданы еще до полудня.

Единственным знаком ее былой гордости оказалась пощечина, которую она влепила какому-то щеголю, когда тот предложил ей зайти и распить с ним бутылочку.

Что ж, муж остался очень доволен и на следующий день послал ее с другой корзиной посуды. Но увы! Удача изменила ей. Какой-то пьяный егерь наехал на корзину, его конь прошелся прямо по посуде и перебил всю вдребезги. Принцесса с плачем вернулась домой, и на этот раз муж остался совсем недоволен.

— Как видно, ты не годишься для дела, — сказал он. — Пойдем, я устрою тебя при дворце судомойкой. Повариха мне приятельница.

Пришлось бедняжке еще раз поступиться своей гордостью. Она работала не покладая рук. Старший лакей бесстыдно полез было к ней целоваться, но она так закричала, что повариха как следует наподдала ему метлой, чтоб в другой раз неповадно было.

Каждый вечер принцесса возвращалась домой к мужу и приносила в карманах завернутые в бумагу остатки с кухни.

Через неделю после того, как она поступила работать на кухню, там поднялась ужасная суматоха. Готовилась свадьба короля, но никто не знал, кто невеста. И вот вечером повариха набила принцессе карманы холодным мясом да кусками пудинга и говорит:

— Подожди уходить, давай сначала поглядим на пышные приготовления в большом зале.

И только они подкрались к двери зала, чтобы заглянуть в щелочку, как вдруг оттуда выходит сам король — красавец, глаз не отведешь, — и не кто иной, как сам король Бакенбарды.

— Твоей хорошенькой помощнице придется расплачиваться за любопытство, — говорит он поварихе. — Пусть станцует со мной джигу!

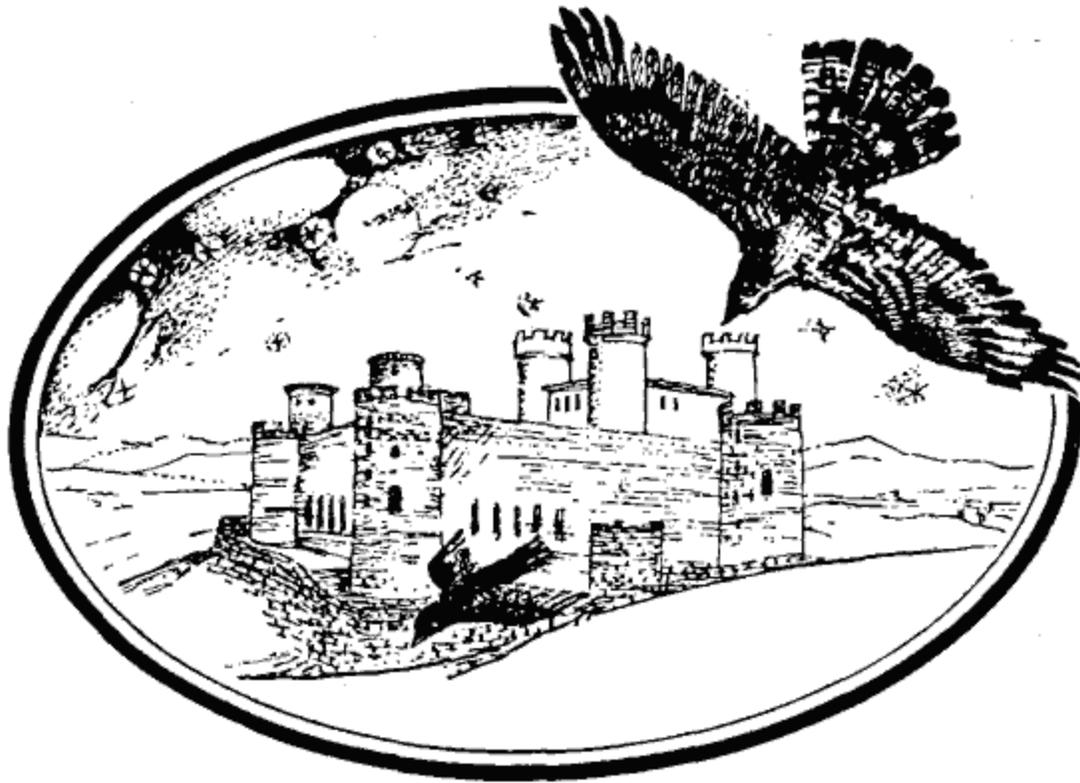
И, не спрашивая, хочет она или нет, король взял принцессу за руку и повел в зал. Заиграли скрипки, и он начал с ней танцевать. Не успели они сделать нескольких па, как из ее карманов полетели мясо и ломти пудинга. Все громко рассмеялись, а принцесса со слезами на глазах

бросилась к двери. Но король ее тут же нагнал и отвел в небольшую гостиную.

— Разве ты не узнаешь меня, дорогая? — спросил он. — Ведь и король Бакенбарды, и твой муж — уличный певец, и пьяный егерь — это я. Твоему отцу было все про меня известно, когда он отдавал тебя мне. Просто ему хотелось укротить твою гордость!

О, она не знала, куда деваться от испуга, от стыда и от радости. Но любовь победила, принцесса склонила голову к мужу на грудь и заплакала как ребенок. Потом служанки увели ее и помогли ей одеться со всем совершенством, на какое способны женские руки и булавки. А тут и родители ее приехали. И пока все сгорали от любопытства, чем же все кончится у короля с хорошенькой девушкой, он сам со своей королевой, которую в нарядном платье они и не узнали сначала, и еще один король с королевой, ее родители, вошли в зал, и тут началось такое веселье и ликование, какое вам вряд ли посчастливится когда-нибудь увидеть.

Зачарованный Геройд Ярла *(Легенда)*

В далекие времена в Ирландии среди знаменитых Фитцджеральдов был один великий человек. Звали его просто Джеральд. Однако ирландцы, относившиеся к этому роду с особым почтением, величали его Геройд Ярла, то есть Граф Джеральд. У него был большой замок у самого Маллимаста, или, вернее, надежная крепость, устроенная внутри холма, окруженного земляным валом. И когда бы правители Англии ни нападали на его родную Ирландию, именно он, Геройд Ярла, всегда выступал на ее защиту.

Он не только в совершенстве владел оружием и всегда шел первым в сражениях, но был также силен и в черной магии и мог принимать чей угодно облик. Его жена знала об этом его искусстве и много раз просила мужа открыть ей хотя бы одну из его тайн, но тщетно. В особенности же ей хотелось, чтобы он предстал перед ней в каком-нибудь диковинном образе, однако он все время откладывал это под тем или другим предлогом.

Но она не была бы женщиной, если бы в конце концов не настояла на своем. Только Геройд предупредил ее, что, если она хоть сколько-нибудь испугается в то время, как он изменит свой обычный облик, он уж не обретет его вновь, пока не сменятся многие и многие поколения.

Что! Да разве она достойна быть женой Геройда Ярла, если ее так легко испугать! Пусть только он исполнит ее прихоть, тогда увидит, какой она герой!

И вот в один прекрасный летний вечер — они как раз сидели в это время в гостиной — Геройд на миг отвернулся от жены, пробормотал несколько слов, и не успела она и глазом моргнуть, как он вдруг исчез, а по комнате закружил красавец щегол.

Госпожа и в самом деле оказалась храброй, как и говорила, но все же чуть испугалась, хотя прекрасно овладела собой и оставалась спокойной, даже когда щегол подлетел к ней, уселся ей на плечо, встряхнул крылышками, притронулся своим маленьким клювом к ее губам и залился чарующей песней. Щегол кружил по гостиной, играл с госпожой в прятки, вылетал в сад, возвращался обратно, усаживался к ней на колени и притворялся спящим, потом опять вспархивал.

И вот когда обоим уже надоели эти забавы, щегол в последний раз вылетел на вольный воздух, но тут же вернулся и бросился к своей госпоже прямо на грудь — за ним следом летел злой ястреб.

Жена Геройда Ярла громко вскрикнула, хотя нужды в том не было никакой: ястреб влетел в комнату с такой стремительностью, что очень сильно ударился о стол и тут же испустил дух. Госпожа отвела глаза от трепыхавшегося ястреба и посмотрела туда, где только что находился щегол, но уж больше никогда в своей жизни она не увидела ни щегла, ни самого Геройда Ярла.

Раз в семь лет по ночам граф объезжает на своем скакуне низменность Карра, что в графстве Килдэр. В тот день, когда он исчез, серебряные подковы его скакуна были толщиной в полдюйма. Когда же подковы эти станут тонкими, словно кошачье ушко, Геройд Ярла снова вернется к жизни, выиграет великую битву с англичанами и будет верховным королем Ирландии целых двадцать лет — так рассказывает легенда.

А пока Геройд Ярла и его воины спят в глубокой пещере под скалой Маллимаста. Посредине пещеры, во всю ее длину, вытянулся стол. Во главе стола сидит сам граф, а по обеим сторонам от него один за другим в полном вооружении все его воины. Их головы покоятся на столе. Боевые кони их взнузданы и оседланы и стоят позади своих хозяев, каждый в своем стойле.

Но придет день, когда сын мельника, который родится с шестью пальцами на каждой руке, затрубит в рог и кони забьют копытами и заржут, а рыцари проснутся и вскочат в седла, чтобы ехать на войну.

В те ночи, когда Геройд Ярла объезжает низменность Карра, случайный путник может увидеть вход в эту пещеру. Около ста лет назад один барышник оказался таким вот запоздалым путником, к тому же он был подвыпивши. Он заметил в пещере свет и вошел. Освещение, полная тишина и вооруженные воины так потрясли его, что он тут же протрезвел. Руки у него задрожали, и он уронил на каменный пол уздечку. Легкий шум гулким эхом разнесся по длинной пещере, и один из воинов — тот, что сидел к барышнику ближе других, — приподнял голову и спросил охрипшим голосом:

— Уже пора?

Но барышник догадался ответить:

— Пока еще нет, но уже скоро.

И тяжелый шлем снова упал на стол.

Барышник постарался поскорее выбраться из пещеры, и с тех пор никто больше не слышал, чтобы кому-нибудь еще привелось в ней побывать.

Из собрания Уильяма Батлера Йейтса

Белая форель (Конгская легенда)

Давным-давно, в далекую-предалекую старину жила в замке над озером прекрасная девушка. Говорили, что она помолвлена с королевским сыном. Они должны были уж обвенчаться, как вдруг совершилось убийство: жених был убит (Господи, помилуй нас!) и сброшен в озеро. И конечно, он уже не мог сдержать своего обещания и жениться на прекрасной девушке. Что ж, тем хуже...

История рассказывает нам, что бедная девушка, потеряв королевского сына, лишилась рассудка — слишком нежное у нее было сердце (да простит ей Господь, как нам прощает) — и от тоски по нем стала чахнуть. Больше ее никто и не видел. Поговаривали, будто ее унесли феи.

И вот послушайте! Через некоторое время в том озере появилась белая форель. Люди не знали, что и думать об этом, потому что

никогда прежде в глаза не видывали форели. Проходили годы, а белая форель оставалась все на том же месте, где вы ее можете увидеть и поныне. Это случилось так давно, что мне и рассказать вам трудно, во всяком случае даже самые древние старики в деревне уже слышали о ней.

В конце концов люди решили, что это не форель, а русалка. А как же иначе? И никто никогда не трогал белую форель и не причинял ей вреда, пока не появились в тех местах забулдыги солдаты. Они принялись потешаться и насмехаться над людьми, что те так думают, а один из них (будь ему неладно — да простит мне Господь такие слова!) даже поклялся, что поймает белую форель и съест на обед, — вот негодяй-то!

Ну что бы вы сказали про такое злодейство? Само собой, солдат этот словил белую форель, отнес домой, поставил на огонь сковородку и бросил на нее бедняжку. Как закричит она человеческим голосом, а солдат — вы только подумайте! — за бока держится от смеха. Ну и разбойник в самом деле!

Когда он решил, что один бочок у форели уже подрумянился, он перевернул ее, чтобы зажарился и другой. И представьте себе, огонь даже не тронул ее, ну нисколечко, а солдат подумал, что это какая-то странная форель, которая не поджаривается вовсе.

— И все же мы ее еще разок перевернем, — сказал этот безбожник, не ведая, что ждет его впереди.

Так вот, когда он решил, что другой бочок уже поджарился, он снова перевернул форель, и — вот так дело! — другой бочок ее подрумянился не больше первого.

— Эх, неудача! — сказал солдат. — Да ладно. Попробую-ка еще разок перевернуть тебя, моя милочка. Хитри не хитри!

И с этими словами солдат перевернул бедную форель еще раз, потом еще, но никаких следов от огня так и не появилось на ней.

— Ну, — молвил этот отчаянный негодяй.

Конечно, сами понимаете, хоть и был он отчаянный негодяй, такой, что хуже некуда, все же мог бы он понять, что поступает дурно, раз видел, как все его попытки кончались неудачей! Так вот.

— Ну, — молвил он, — а может, ты, моя маленькая веселенькая форелька, уже достаточно прожарилась, хоть на вид ты и не готова?

Может быть, ты лучше, чем кажешься, так что даже пальчики оближешь, а?

И с этими словами он берется за нож и вилку, чтобы отведать форели. Но что это! Только он воткнул нож в рыбу, как раздался душераздирающий крик — душа в пятки уйдет от такого, — форель соскочила со сковороды и упала прямо на пол, а с того самого места, куда она упала, поднялась прекрасная девушка — такая прекрасная, что глаз не отведешь, прекрасней он в жизни не видывал, — одетая во все белое и с золотой лентой в волосах, а из руки ее струей текла кровь.

— Смотри, куда ты поранил меня, негодяй, — сказала она и показала ему на руку.

У него аж в глазах потемнело.

— Разве ты не мог оставить меня в покое? — сказала она. — Зачем ты меня потревожил и выловил из воды? Зачем оторвал от дела?

Тут он задрожал, как собака в мокром мешке, потом наконец пробормотал что-то и взмолился о пощаде:

— Простите меня, миледи! Я не знал, что вы были заняты делом, а то бы не стал вам мешать. Ведь я же настоящий солдат и уж такие-то вещи понимаю!

— Конечно, я была занята делом, — сказала девушка. — Я ждала моего верного возлюбленного, который должен был приплыть ко мне. И если он приплыл, пока меня не было и я по твоей вине не увижу его, я превращу тебя в лосося и буду преследовать до скончания века, пока трава растет, пока воды текут!

Ага, у солдатика душа ушла в пятки, когда он подумал, что его превратят в лосося, и он взмолился о прощении. На что молодая леди ответила:

— Отрекись от своей дурной жизни, негодяй, не то раскаешься, да будет поздно. Стань добрым человеком и смотри, никогда не пропускай исповеди. А теперь, — молвила она, — отведи меня обратно и опусти снова в озеро, откуда ты меня выловил.

— О, миледи, — воскликнул солдат, — разве у меня нет сердца, что я буду топить такую прекрасную девушку, как вы?

Но не успел он вымолвить и слова, как девушка исчезла, а на полу он увидел маленькую форель. Что ж, он положил ее на чистую тарелку и бросился бежать со всех ног: он боялся, что возлюбленный девушки

придет без нее. Он бежал и бежал, пока не достиг снова той же пещеры, и бросил форель в озеро. И в ту же минуту вода в том месте покраснела — верно, из раны все еще текла кровь, — но вскоре течение смыло все. А у форели и по сей день на боку маленькое красное пятнышко в том самом месте, куда попал нож.

Да, так вот, было бы вам известно, с того дня солдат этот стал другим человеком, он исправился, начал аккуратно ходить на исповедь и три дня в неделю соблюдал пост, хотя рыбы в эти дни он не ел: после страха, какого он натерпелся, рыба у него в животе и не ночевала, — вы уж извините меня за грубое выражение.

Во всяком случае, он стал, как я уже говорил, другим человеком. С течением времени он оставил армию и под конец даже превратился в отшельника. Рассказывают, что он все время молился о спасении души Белой Форели.

Нокграфтонская легенда

В плодородной долине Эхерлоу у самого подножия хмурых Голтийских гор жил некогда один бедный человек. На спине у него был такой большущий горб, что казалось, будто ему на плечи

посадили другого человека. А голова у него была такая тяжелая, что, когда он сидел, подбородок его покоился на коленях, как на подпорке. Крестьяне даже робели при встрече с ним в каком-нибудь уединенном месте. И хотя бедняга был безобидным и невинным, как младенец, выглядел он таким уродом, что его с трудом можно было принять за человека, так что даже некоторые дурные люди рассказывали про него всякие небылицы.

Говорили, будто он хорошо разбирается в травах и умеет ворожить. Но что он действительно хорошо умел делать, это плести из соломы и тростника шляпы да корзины. Этим он и зарабатывал себе на жизнь.

Лисий Хвост — так прозвали его, потому что он прикалывал к своей соломенной шляпе веточку «волшебной шапочки», или лисохвоста, — всегда получал лишний пенни по сравнению с другими за свои корзины, и, может, именно поэтому некоторые завистники рассказывали про него всякие небылицы.

Как бы там ни было, а в один прекрасный вечер возвращался он из городишка Кахир по направлению в Каппаг, и, так как коротышка Лисий Хвост шел очень медленно — ведь на спине у него был большущий горб, — уже совсем стемнело, когда он добрал до старого Нокграфтонского холма, расположенного по правую сторону от дороги.

Он устал и измучился, а тащиться надо было еще очень далеко, всю бы ночь пришлось шагать, — просто в отчаяние можно было прийти от одной мысли об этом. Вот он и присел у подножия холма отдохнуть и с грустью взглянул на луну.

Вскоре до его слуха донеслись нестройные звуки какой-то дикой мелодии. Коротышка Лисий Хвост прислушался и подумал, что никогда прежде не доводилось ему слышать столь восхитительной музыки. Она звучала как хор из нескольких голосов, причем один голос так странно сливался с другим, что казалось, будто поет всего один голос, и, однако же, все голоса тянули разные звуки. Слова песни были такие:

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт.

Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник.

Затем коротенькая пауза, и опять сначала все та же мелодия.

Лисий Хвост затаил дыхание, боясь пропустить хоть одну ноту, и внимательно слушал. Теперь он уже явственно различал, что пение доносилось из холма, и, хотя вначале музыка так очаровала его, постепенно ему надоело слушать подряд все одну и ту же песню без всяких изменений.

И вот, воспользовавшись паузой, когда Да Луан, Да Морт прозвучало три раза, он подхватил мелодию и допел ее со словами:

Агуш Да Дардиин.
И Среда.

И так он продолжал подпевать голосам из холма — Понедельник, Вторник, а когда снова наступала пауза, опять заканчивал мелодию со словами: «И Среда».

Эльфы Нокграфтонского холма — а ведь это была песня эльфов — пришли просто в восторг, когда услышали добавление к своей песенке. И тут же решили пригласить к себе простого смертного, который настолько превзошел их в музыкальном искусстве. И вот коротышка Лисий Хвост с быстротою вихря слетел к ним.

Восхитительная картина открылась его глазам, когда он, подобно легкой пушинке в кружащемся вихре, спустился внутрь холма под звуки дивной музыки, лившейся в такт его движению. Ему воздали величайшие почести, так как сочли его лучшим из лучших музыкантов, и оказали сердечный прием, и предлагали все, что только ему угодно, окружили его заботливыми слугами — словом, так за ним ухаживали, точно он был первым человеком в стране.

Вскоре Лисий Хвост увидел, как из толпы эльфов вышла вперед большая процессия, и, хотя приняли его здесь очень любезно, ему все же сделалось как-то жутко. Но вот от процессии отделилась одна фея, подошла к нему и молвила:

Лисий Хвост! Лисий Хвост!
Слово твое — к слову,
Песня твоя — к месту,
И сам ты — ко двору.
Гляди на себя ликуя, а не скорбя:
Был горб, и не стало горба. ^[5]

При этих словах бедный коротышка Лисий Хвост вдруг почувствовал такую легкость и такое счастье — ну хоть с одного скачка допрыгнет сейчас до луны. И с неизъяснимым удовольствием увидел он, как горб свалился у него со спины на землю. Тогда он попробовал поднять голову, но очень осторожно, боясь стукнуться о потолок роскошного зала, в котором находился. А потом все с большим удивлением и восхищением стал снова и снова разглядывать все предметы вокруг себя, и раз от разу они казались ему все прекраснее и прекраснее; от этого великолепия голова у него пошла кругом, в глазах потемнело, и наконец он впал в глубокий сон, а когда проснулся, давно уже настал день, ярко светило солнце и ласково пели птицы. Он увидел, что лежит у подножия Нокграфтонского холма, а вокруг мирно пасутся коровы и овцы.

И первое, что Лисий Хвост сделал, — конечно, после того как прочел молитву, — завел руку за спину — проверить, есть ли горб, но от того не осталось и следа. Тут Лисий Хвост не без гордости оглядел себя — он стал таким складненьким шустрым крепышом. И мало того, он еще обнаружил на себе совершенно новое платье и решил, что это, наверное, феи сшили ему.

И вот он отправился в Каппаг таким легким шагом да еще вприпрыжечку, словно всю свою жизнь был плясуном. Никто из встречных не узнавал его без горба, и ему стоило великого труда убедить их, что он — это он, хотя, по правде говоря, то был уже не он, во всяком случае, если говорить о красоте.

Само собой, история про Лисий Хвост и его горб очень быстро облетела всех и вызвала всеобщее удивление. По всей стране, на много миль вокруг, все — и старый и малый — только и знали, что говорили об этом.

И вот в одно прекрасное утро, когда довольный Лисий Хвост сидел у порога своей хижины, к нему подошла старушка и спросила, не укажет ли он ей дорогу в Каппаг.

— Зачем же мне указывать вам туда дорогу, добрая женщина, — сказал Лисий Хвост, — если это и есть Каппаг. А кого вам здесь нужно?

— Я пришла из деревни Дисы, — отвечала старушка, — что в графстве Уотерфорд, чтобы повидаться с одним человеком, которого зовут Лисий Хвост. Сказывают, будто феи сняли ему горб. А видишь ли, у моей соседушки есть сын, и у него тоже горб, который будто доведет его до смерти. Так вот, может, если б ему попользоваться тем же колдовством, что и Лисий Хвост, у него бы горб тоже сошел. Ну, теперь я все тебе сказала, почему я так далеко зашла. Может, про это колдовство все разужнаю, понимаешь?

Тут Лисий Хвост все в подробностях и рассказал этой женщине — ведь парень он был добрый, — и как он присочинил конец к песенке нокграфтонских эльфов, и как его горб свалился у него со спины, и как в придачу он еще получил новое платье.

Женщина горячо поблагодарила его и ушла восвояси, счастливая и успокоенная. Вернувшись назад в графство Уотерфорд к дому своей кумушки, она выложила ей все, что говорил Лисий Хвост, и вот они посадили маленького горбуна на тележку и повезли его через всю страну.

А надо вам сказать, что горбун этот с самого рождения был дрянным и хитрым человеком. Путь предстоял длинный, но женщины и не думали об этом, только бы горб сошел. И вот к самой ночи они довели горбуна до старого Нокграфтонского холма и оставили там.

Не успел Джек Мэдден — так звали этого человека — посидеть немного, как услышал песню еще мелодичней прежней, которая доносилась из холма. На этот раз эльфы исполняли ее так, как сочинил им Лисий Хвост.

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Агуш Да Дардиин.
Понедельник, Вторник,

Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник
И Среда, —

пели они свою песню без всяких пауз. Джек Мэдден так спешил отделаться от своего горба, что даже не подумал дожидаться, пока эльфы закончат песню, и не стал ловить подходящего момента, чтобы подтянуть их мотив, как сделал это Лисий Хвост. И вот, прослушав их песенку семь раз подряд, он взял да и выпалил:

Агуш Да Дардиин,
Агуш Да Хена.
И Среда,
И Четверг, —

не обращая внимания ни на ритм, ни на характер мелодии, не думая даже, к месту или не к месту будут эти слова. Об одном он только думал: раз один день хорош, значит, два лучше, и если Лисий Хвост получил один новенький костюм, то уж он-то получит два.

Не успели слова эти сорваться с его губ, как он был подхвачен вверх, а потом с силой сброшен вниз, внутрь холма. Вокруг него толпились разгневанные эльфы, они шумели и кричали, перебивая друг друга:

— Кто испортил нашу песню? Кто испортил нашу песню?

А один подошел к горбуну ближе остальных и произнес:

Джек Мэдден! Джек Мэдден!
Слово твое — не ново,
Речи — песне перечат,
И сам ты — некстати.
Был ты бедный, стал богатый,
Был горбат, стал дважды горбатый.^[6]

И тут двадцать самых сильных эльфов притащили горб Лисьего Хвоста и посадили его бедному Джеку на спину, поверх его

собственного. И он так крепко прирос к месту, словно искуснейший плотник прибил его гвоздями. А затем эльфы выкинули беднягу из своего замка. И когда наутро мать Джека Мэддена и ее кумушка пришли посмотреть на него, они нашли его полумертвым у подножия холма со вторым горбом на спине.

Можете себе представить, как они посмотрели друг на друга! Но ни словечка не промолвили, так как побоялись, как бы не вырос горб и у них. С мрачным видом они повезли неудачливого Джека Мэддена домой, и на душе у них было тоже так мрачно, как только может быть у двух кумушек. И то ли от тяжести второго горба, то ли от долгого путешествия, но горбун в скором времени скончался, завещая, как они рассказывали, свое вечное проклятие тому, кто впредь станет слушать пение эльфов.

Души в клетках

Джек Догерти жил в графстве Клэр, на самом берегу моря. Джек был рыбаком, как и его отец и дед. Как и они, он жил совсем один, не считая жены, и всегда на одном месте. Люди не переставали удивляться, отчего это семья Догерти так цепляется за этот дикий участок, расположенный вдали от населенных мест и затертый меж

громадных источенных скал, откуда виднеется лишь бескрайний океан. Но у Догерти были на то свои веские причины.

На всем побережье это был единственно пригодный для жилья участок. Здесь находилась удобная бухточка: лодка могла укрыться в ней так же уютно, как птичка-топорок в своем гнезде. Гряда подводных скал выходила из этой бухты прямо в открытое море.

Когда в Атлантическом океане разыгрывался шторм — а это бывало частенько — и в сторону берега дул сильный западный ветер, немало богатых судов разбивалось на этих скалах. И тогда на берег выбрасывало целые кипы прекрасного хлопка, или табака, или тому подобного, большие бочки с вином или ромом, бочонки с коньяком и с голландским джином. Словом, бухта Данбег для всех Догерти являлась как бы небольшим, но доходным имением. Это не означает, что они не проявляли человечности и доброты к потерпевшим морякам, если кому-нибудь из них выпадало счастье добраться до берега. И в самом деле, сколько раз Джек пускался в своей уютной лодчонке — правда, та не могла сравниться со спасательным парусником честного Эндрью Хеннеси, хотя морские волны она разрезала не хуже какого-нибудь глупыша,^[7] — чтобы протянуть руку помощи потерпевшей кораблекрушение команде. Если же судно разбивалось вдребезги и команда погибала, стоило ли бранить Джека, что он подбирал все, что ему попадалось?

— Разве кто-нибудь страдает от этого? — говаривал он. — Король? Да храни его Бог. Но ведь все знают, что он и так достаточно богат и как-нибудь обойдется без того, что выбрасывает море.

И все же хоть Джек и жил таким вот отшельником, он был славным и веселым парнем. Никто Другой, уж будьте уверены, не сумел бы уговорить Бидди Махони покинуть уютный и теплый отцовский дом в самом центре Энниса и отправиться за столько миль, чтобы жить среди скал, где самые близкие соседи — тюлени да чайки. Но Бидди знала, что для женщины, желавшей покоя и счастья, лучшего мужа, чем Джек, и не надо. Не говоря уж о рыбе, Джек снабжал половину всех благородных семейств в его округе еще и находками, которые заплывали в его бухту. Так что Бидди не ошиблась в своем выборе. Ни одна женщина не ела, не пила и не спала так сладко, как миссис Догерти, и не выглядела такой гордой на воскресном богослужении.

Немало видов перевидал Джек и чего только не наслушался, а представьте себе, остался неустрашим. Водяных и русалок он не боялся нисколечко, напротив — первым и самым горячим желанием его было встретиться с ними с глазу на глаз. Джек слышал, будто они очень похожи на людей, но что знакомство с ними к добру не приводит.

Да, так вот, ему никогда не доводилось хотя бы мельком увидеть русалок, когда те покачиваются на морской глади, окутанные дымкой тумана: почему-то лодку его всегда относило в противоположную сторону. Немало упреков выпало на долю Джека от Бидди — без шума, как умела она одна, — за то, что он целые дни пропадает в море, а возвращается домой без рыбы. Но откуда было бедняжке Бидди знать, за какой рыбкой гонялся ее Джек!

А Джеку было обидно: жить в таком месте, где водяных и русалок, что омаров в море, и ни разу не видеть их. И уж больше всего злило его то, что и отец его и дед частенько с ними встречались. Он даже помнил, как еще в детстве слышал про своего деда — тот первым в их семье поселился в этой бухте, — будто у него такая дружба завязалась с одним водяным, что если бы не страх перед гневом священника, он бы усыновил его.

В конце концов судьба смилостивилась над Джеком, решив, что будет только справедливо, если он познает все, что было открыто его отцу и деду. И вот в один прекрасный день, когда он греб вдоль берега на север и зашел чуть дальше обычного, не успел он обогнуть какой-то мыс, как вдруг увидел Нечто непохожее ни на что, виденное им прежде. Оно восседало совсем неподалеку на скале, выдававшейся в море. Тело его казалось зеленым, насколько можно было разглядеть на таком расстоянии. И Джек мог бы поклясться, хотя это и представлялось невероятным, что в руках у него была красная треуголка.

Джек битых полчаса простоял там, все глаза проглядел, никак не мог надивиться, а тот за все время не шевельнул ни рукой, ни ногой. Наконец у Джека лопнуло терпение, и он ну свистеть и звать его. Но водяной — а это был, несомненно, он — поднялся, надел себе на макушку красную треуголку и бросился вниз головой со скалы в море.

После этого Джека заело любопытство; он то и дело направлял свои шаги к тому месту, но больше ни разу не видел сего морского

джентльмена в красной треуголке. И в конце концов он решил, что все это ему просто пригрезилось.

Но вот как-то в один ненастный день, когда морские валы вздымались выше гор, Джек Догерти надумал взглянуть на скалу водяного — прежде он выбирал для этого ясную погоду — и вдруг увидел это странное существо. Оно то взбиралось на самую вершину скалы, то бросалось с нее вниз головой, то снова взбиралось вверх и опять бросалось вниз.

Теперь Джеку стоило лишь выбрать подходящий момент, то есть по-настоящему ветреный денек, и он мог любоваться водяным сколько душе угодно. Однако этого ему показалось мало, теперь ему уже хотелось завести близкое знакомство с водяным.

Он и в этом преуспел.

В один ветреный день только Джек добрался до места, откуда мог разглядеть скалу водяного, как разыгрался шторм, да с такой неистовостью, что Джеку пришлось укрыться в одной из пещер, которых так много на побережье. И там, к величайшему удивлению, он увидел своего водяного: нечто с зелеными волосами, большущими зелеными зубами, красным носом и свинными глазками. У водяного был рыбий хвост, ноги в чешуе и короткие руки, вроде плавников. Одежды на нем не было, только под мышкой он держал красную треуголку. Казалось, он о чем-то глубоко задумался.

Несмотря на всю свою храбрость, Джек слегка оторопел, но тут же решил: сейчас или никогда! Смело подошел к задумавшемуся водяному, снял шляпу, отвесил низкий поклон и промолвил:

— К вашим услугам, сэр!

— И я к твоим услугам, Джек Догерти, с превеликим удовольствием! — ответил водяной.

— Вот так дело, откуда же ваша честь знает, как меня зовут? — удивился Джек.

— А как же мне не знать, друг ты мой, Джек Догерти? Ведь я был знаком с твоим дедушкой еще задолго до его женитьбы на Джуди Риган, твоей бабушке. Ах, Джек, Джек, я так любил твоего дедушку! В свое время он был достойнейшим человеком. Ни до него, ни после, ни на земле, ни под землей никто не умел, как он, тянуть коньячок прямо из раковины. Я надеюсь, дружище, — молвил старикашка, весело

подмигнув Джеку, — надеюсь, ты окажешься достойным внуком своего деда!

— За меня не беспокойтесь! — отвечал Джек. — Если бы моя матушка вскармливала меня на одном коньяке, я бы до сих пор не прочь был оставаться сосунком.

— Вот это дело! Рад слышать речи мужа. Нам с тобой следует поближе познакомиться, хотя бы в память о твоём дедушке. Должен сказать, Джек, что отец твой был слабоват, голова у него была не очень-то крепкая.

— Я думаю, — говорит Джек, — что, так как ваша честь проживает под водой, вам приходится крепко выпивать, чтобы согреться в таком сыром, неудобном и холодном месте. Я сколько раз слышал, как говорят: пьёт, словно рыба. А где, осмелюсь я вас спросить, вы достаёте выпивку?

— А сам ты где её достаёшь, Джек? — спрашивает водяной, зажимая его красный нос между большим и указательным пальцами.

— Бу-бу-бу! — завопил Джек. — Теперь я знаю где! И я полагаю, сэр, ваша честь имеет там внизу сухой и надёжный погреб, чтобы хранить её?

— Мой погреб пусть тебя не волнует, — с усмешкой говорит водяной, подмигивая Джеку левым глазом.

— Ну, разумеется, сэр! — и Джек продолжает: — Вот бы взглянуть на него.

— Отчего же нет? — говорит водяной. — Если мы встретимся вот здесь в следующий понедельник, мы с тобой ещё потолкуем об этом.

И Джек с водяным расстались лучшими друзьями на свете.

В понедельник они встретились, и Джек нисколько не удивился, заметив у водяного две красные треуголки: под одной рукой и под другой.

— Не будет ли с моей стороны нескромно, сэр, спросить вас, — сказал Джек, — зачем ваша честь захватила сегодня с собой две шапки? Уж не собираетесь ли вы одну отдать мне, чтобы я мог успокоить мое любопытство?

— Нет, нет, Джек! Не так-то легко достаются мне эти шапки, чтобы раздавать их направо и налево. Но я приглашаю тебя спуститься на дно и отобедать со мной. Для того, собственно, я и принес эту шапку, чтобы ты мог со мной отобедать.

— Господи, спаси нас и помилуй! — воскликнул Джек в изумлении. — Неужели вы хотите, чтобы я спустился на соленое, мокрое дно океана? Да я захлебнусь и задохнусь в этой воде, не говоря уж о том, что могу утонуть! Каково тогда придется бедняжке Бидди без меня-то? Что она на это скажет?

— Ну какое тебе дело, что она скажет, молокосос ты? Кого трогает воркотня твоей Бидди? В былое время вот и дед твой вел такие же разговоры. А сколько раз натягивал он себе на голову вот эту самую шапку и смело нырял вниз вслед за мной! Немало отменных обедов и раковин, наполненных добрым коньяком, отведали мы с ним там внизу, под водой.

— Вы правду говорите, сэр? Без шуток? — спрашивает Джек. — О, тогда пусть я не знаю печали всю мою жизнь и еще один день, если окажусь хуже моего деда! Пойдемте, но только уж без обмана. Эх, где наша не пропадала! — воскликнул Джек.

— Ну, вылитый дедушка! — умилился старикашка. — А теперь пойдем, и делай все, как я.

Оба покинули пещеру, вошли в воду и немного отплыли, пока не достигли скалы. Водяной взобрался на вершину, Джек за ним. По ту сторону скала была отвесна, как стена дома, а море под ней казалось таким глубоким, что Джек чуть было не струсил.

— Внимание, Джек! — сказал водяной. — Надень на голову эту шапку и помни: глаза ты должен держать все время открытыми. Хватайся за мой хвост и следуй за мной, а там будь что будет!

И он нырнул, а Джек смело нырнул следом за ним. Они уносились все дальше и дальше, и Джеку казалось, что этому конца не будет. Ох, как бы ему хотелось сидеть сейчас дома, возле очага, вместе с Бидди! Но что было толку мечтать об этом, когда он проделал уже столько миль под волнами Атлантического океана? И он продолжал цепляться за хвост водяного, такой скользкий.

Наконец, к величайшему удивлению Джека, они выбрались из воды, и он обнаружил, что очутился на сухой земле на самом дне океана. Они вылезли на сушу как раз напротив хорошенького домика, искусно выложенного устричными раковинами. Водяной обернулся к Джеку и пригласил его войти.

Джек словно онемел: то ли от удивления, то ли от усталости после столь стремительного путешествия под водой. Он огляделся, но не

увидел ни единого живого существа, за исключением разве что крабов да омаров, которые целыми толпами спокойно разгуливали по песку. Над головой было море, похожее на небо, а в нем, подобно птицам, кружили рыбы.

— Ты что молчишь, старина? — спрашивает водяной. — Осмелюсь думать, ты и не предполагал, что у меня здесь такое уютное заведение, а? Ты что, захлебнулся, задохнулся или утонул? Или о своей Бидди беспокоишься?

— О, только не это! — говорит Джек, показывая в веселой усмешке все зубы. — Но кто бы мог подумать, что увидит здесь что-либо подобное?

— Да ладно, пойдем-ка лучше посмотрим, что нам приготовили поесть.

Джек и в самом деле был голоден и очень обрадовался, заметив тонкий столб дыма, подымавшийся из трубы, — значит, приготовления шли полным ходом. Он проследовал за водяным в дом и увидел там прекрасную кухню, в которой чего только не было.

В кухне стоял великолепный стол с полками для посуды, а на них целая гора горшков и сковородок. Готовили две молоденьких русалочки. Отсюда хозяин провел Джека в скупо обставленную комнату. В ней не было ни стола, ни стульев, ничего, кроме пней и досок, чтоб сидеть на них и есть. Однако в очаге пылал настоящий огонь, и это несколько успокоило Джека.

— Пошли, я покажу тебе, где храню сам знаешь что, — сказал водяной, лукаво поглядывая на Джека.

Он открыл маленькую дверцу и ввел Джека в роскошный погреб, уставленный всевозможными бочками: большими, средними и маленькими.

— Что ты на это скажешь, Джек Догерти? А? Не так уж плохо живется здесь под водой?

— Я никогда в этом и не сомневался! — ответил Джек, явно предвкушая удовольствие и искренне веря тому, что сказал.

Они вернулись в комнату и обнаружили, что обед их уже ждет. Никакой скатерти на столе, конечно, не было, но что за дело? Разве дома у Джека она всегда бывала? Зато обед сделал бы честь лучшему дому в стране в праздничный день. Изысканнейшая рыба! А что в этом удивительного? Палтус, осетр, косорот, омары, устрицы и еще

двадцать сортов были разложены на досках. А к ним всевозможнейшие заморские напитки, иначе как же еще согреться?

Джек напился, наелся до того, что уж кусочка в рот больше взять не мог, и тогда, подняв раковину с коньяком, промолвил:

— За ваше здоровье, сэр! Вы меня извините, конечно, но это чертовски странно, ваша честь, что мы с вами так давно знакомы, а я, собственно, не знаю, как вас зовут.

— Твоя правда, Джек! — согласился водяной. — Я как-то об этом не подумал, но лучше поздно, чем никогда. Зовут меня Кумара.

— Какое удачное имя, сэр! — воскликнул Джек, наполняя еще одну раковину. — За ваше здоровье, Куу, желаю вам прожить еще полсотни лет!

— Полсотни лет? — повторил Кумара. — Нечего сказать, одолжил! Если б ты пожелал мне пятьсот лет, тогда еще было б о чем говорить.

— Силы небесные! — воскликнул Джек. — Ну и долго вы живете здесь под водой. Да-а, ведь вы знали моего дедушку, а он вот уже больше шестидесяти лет как помер. Наверно, у вас здесь не жизнь, а малина.

— Да уж будь уверен! А теперь на-ка, Джек, отведай вот этого возбуждающего.

Так они опустошали раковину за раковиной, однако, к своему необычайному удивлению, Джек обнаружил, что выпивка нисколечко не ударяет ему в голову. Скорей всего это было потому, что над ними находилось море, которое охлаждало их разум.

Старик Кумара чувствовал себя в своей стихии и спел несколько песенок. Но Джек, даже если б от этого зависела его жизнь, больше одной запомнить не смог.

Рам фам будл буу,
Рипл дипл нити доб;
Дамду дудл Куу,
Рафл тафл читибу!

Это был припев к одной из них. И сказать по правде, никто из моих знакомых так и не сумел уловить в нем хоть какой-нибудь смысл.

Что ж, такая же история и с большинством наших современных песен.

Наконец водяной сказал Джеку:

— А теперь, дружок, следуй за мной, и я покажу тебе мои диковинки!

Он открыл малюсенькую дверь, ввел Джека в большую комнату, и тот увидел целую уйму всяких безделиц, которые Кумара подбирал на дне морском. Но более всего внимание Джека привлекли какие-то штучки, вроде панцирей от омаров, выстроенные в ряд вдоль стены прямо на земле.

— Ну, Джек, нравятся тебе мои диковинки? — спрашивает старик Куу.

— Клянусь, сэр, — говорит Джек, — это достойное зрелище! А не будет с моей стороны дерзостью спросить, что это за штучки, вроде панцирей от омаров?

— Ах, эти? Клетки для душ, что ли?

— Что, что, сэр?!

— Ну, эти вот штучки, в которых я держу души?

— О-о! Какие души, сэр? — Джек был поражен. — Я полагаю, у рыб нет душ.

— Ну, конечно, нет, — ответил совершенно спокойно Куу. — Это души утонувших моряков.

— Господи, спаси нас и помилуй! — пробормотал Джек. — Но где же вы их достаете?

— Нет ничего проще! Когда я замечаю, что надвигается хорошенький шторм, мне нужно лишь расставить пару дюжин этих панцирей. Моряки тонут, души отлетают от них и попадают прямо в воду. Каково-то приходится бедняжкам в непривычном холоде? Тут и погибнуть недолго. Вот они и укрываются в моих панцирях. А когда душ набирается достаточно, я отношу их домой. Им здесь и сухо и тепло. Разве это не удача для бедных душ — попасть в такие прекрасные условия, а?

Джек просто оторопел и не знал, что и сказать. Так ничего и не ответил; Они вернулись в столовую и выпили еще коньячку. Он оказался превосходным. Но было уже поздно, да и Бидди могла начать волноваться, а потому Джек поднялся и сказал:

— Я думаю, мне пора уже двинуться в путь.

— Как хочешь, Джек, — сказал Куу. — Выпей-ка перед дорогой прощальную. Тебе предстоит холодное путешествие.

Джек был воспитанным человеком и знал, что от прощальной рюмки не отказываются.

— Интересно, — только заметил он, — сумею ли я найти дорогу домой?

— Да что ты волнуешься, — сказал Куу, — ведь я провожу тебя.

И они вышли из дома. Кумара взял одну из треуголок и надел ее Джеку на голову задом наперед, а потом посадил его к себе на плечи, чтобы легче было подбросить его.

— Ну вот, — сказал он, подбрасывая Джека вверх, — теперь ты вынырнешь в том самом месте, откуда нырнул. Только не забудь, кинь назад мою шапку.

Он еще подтолкнул Джека, и тот взлетел вверх, словно пузырь — буль, буль, бульк, — все вверх, вверх сквозь воду, пока не достиг скалы, с которой прыгал. Там он нашел удобное местечко и вылез, а потом уж бросил вниз красную шапку. И та пошла ко дну, словно камень.

В это время на прекрасном вечернем небе заходило летнее солнце. Сквозь облака, мерцая, проглядывал месяц. Одинокая звезда и волны Атлантического океана горели в золотом зареве заката. Заметив, что уже поздно, Джек поспешил домой. Однако дома он ни словом не обмолвился Бидди о том, где он провел день.

Джека очень тревожило положение бедных душ, запертых в омаровых панцирях. Он голову себе сломал, думая, как бы их освободить оттуда. Сперва он хотел было переговорить обо всем со священником. Но чем священник мог им помочь? И какое дело Кумаре до какого-то там священника? Да и, кроме того, Кумара был славным парнем, он вовсе и не думал, наверное, что причиняет кому-нибудь зло. К тому же Джек в нем уже души не чаял. Правда, если бы узнали, что он обедает с водяным, чести ему это бы не прибавило.

В общем, Джек решил, что самое лучшее будет пригласить Куу к себе обедать, напоить его, — если это удастся, — а потом стащить у него шапку, спуститься на дно и опрокинуть все панцири.

Однако для этого в первую очередь надо было убрать с дороги Бидди: Джек был достаточно предусмотрителен, чтобы не доверять тайну женщине.

И вот он сделался вдруг ужасно набожным и заявил Бидди, что во имя спасения их душ ей не мешало бы навестить источник Святого Иоанна, что возле Энниса. Бидди согласилась с этим и наконец в одно прекрасное утро, на рассвете, тронулась в путь, строго наказав Джеку присматривать за домом.

Когда берег опустел, Джек отправился к скале, чтобы подать Кумаре условленный сигнал, а именно: бросил здоровый камень в воду. Не успел Джек бросить, как наверх всплыл Куу.

— С добрым утром, Джек, — сказал он. — Что тебе от меня надо?

— Да пустяки, не о чем и говорить-то, — отвечает Джек. — Вот решил пригласить вас к себе пообедать, если не сочтете это слишком большой вольностью с моей стороны. В общем, милости просим!

— С удовольствием, Джек, отчего же нет! А в котором часу?

— В любом, какой вам больше подходит, сэр. Ну, скажем, в час, чтобы вы могли вернуться домой засветло, если захотите?

— Есть! Жди, — сказал Куу. — Не робей!

Джек вернулся домой, приготовил роскошный рыбный обед и вытащил побольше лучших своих заморских вин — вполне достаточно, чтобы спить двадцать человек. Куу явился минута в минуту, со своей красной треуголкой под мышкой. Обед был готов, они сели и принялись есть и пить, как подобает настоящим мужчинам.

Джек не переставал думать о бедных душах, заточенных в клетки на дне океана, и то и дело подливал старине Куу коньяку, надеясь свалить его под стол, и все уговаривал его спеть. Но бедняга Джек забыл, что над их головами не было моря, которое охладило бы его разум. Коньяк ударил ему в голову и сделал свое дело. А Куу, держась за стенку, пошел домой, оставив своего хозяина немым, как треска в страстную пятницу.

Джек так и не очнулся до другого утра. А утром до чего же грустно ему стало!

— Нечего и думать, будто можно спить этого старого пьяницу, — сказал он. — Но как же тогда я освобожу из омаровых панцирей бедные души?

Он размышлял над этим почти весь день, и наконец его осенило.

— Нашел! — сказал он, хлопая себя по колену. — Могу побиться об заклад, что Куу никогда за всю свою долгую жизнь не пробовал

нашего потина.^[8] Вот это по нем! Стало быть, и хорошо, что Бидди еще целых два дня не будет дома. Попробую-ка еще разок его спoitть.

И Джек опять позвал Куу. Куу посмеялся над ним, что у него некрепкая голова, и сказал, что он своему дедушке и в подметки не годится.

— А ты испытай меня еще раз, — предложил Джек. — Ручаюсь, что напою тебя допьяна, потом отрезвлю, а потом опять напою.

— Весь к вашим услугам, — ответил Кумара. Теперь уж во время обеда Джек следил, чтобы его рюмка была всегда хорошенько разбавлена, зато Кумаре он наливал только самый крепкий коньяк. А под конец и говорит:

— Послушайте, сэр, а вы пили когда-нибудь потин? Настоящая горная роса!

— Нет, — говорит Куу. — А что это такое? Откуда?

— Секрет! — говорит Джек. — Но уж напиток что надо. Считайте меня болтуном, если он не лучше в сто раз какого-нибудь коньяка или рома. Братец моей Бидди прислал пару глотков в подарок, в обмен на коньяк, и я сохранил его специально, чтобы угостить вас, старинного друга нашей семьи.

— Ну что ж, посмотрим, каков он, — говорит Кумара.

Потин оказался и в самом деле хорош. Первый сорт. А какой запах! Куу был в восторге. Он пил и тянул «Рам бам будл буу», и опять, и еще раз. И хохотал, и пританцовывал, пока наконец не свалился на пол и не захрапел. Тут Джек — ведь он очень старательно следил, чтобы самому остаться трезвым, — подхватил красную треуголку — и бегом к скале. Нырнул и очень быстренько добрался до обиталища Кумары.

Кругом было тихо, как в полночь на кладбище. Ни одной русалки, ни молоденькой, ни старухи. Джек вошел и опрокинул все панцири, но ничего не увидел, услышал только что-то вроде легкого свиста или щебетания, когда опрокидывал их один за другим.

Он был очень удивлен, но потом вспомнил, как священники часто говорили, что никто живой не может увидеть душу так же, как ветер или воздух. Сделав все, что было в его силах, Джек расставил панцири на свои места и пожелал бедным душам счастливого плавания, куда бы они ни плыли. А потом стал подумывать о возвращении назад. Надел как надо шапку, то есть задом наперед, и вышел. Но тут он обнаружил,

что вода находится слишком высоко над ним и добраться до неё нет никакой надежды: ведь под боком не было Кумары, который подбросил бы его вверх.

Джек обошел кругом в поисках лестницы, но не нашел ее; и ни единой скалы не было видно поблизости. Наконец он заметил местечко, над которым море повисло ниже всего, и решил попробовать здесь. Только он подошел туда, как какая-то огромная треска случайно опустила вниз хвост. Джек подпрыгнул и ухватился за него. Удивленная треска рванулась вверх и потащила Джека за собой.

Как только шапка коснулась воды, Джека понесло прочь, и он взлетел вверх, как пробка, увлекая за собой бедную треску, которую забыл выпустить из рук. Вмиг он очутился на скале и без промедления бросился к дому, радуясь доброму делу, которое совершил.

А тем временем у него дома творилось вот что. Не успел наш друг Джек уйти на это свое душеос-вободительное предприятие, как домой вернулась Бидди из своего душеспасительного путешествия к святому источнику. Как только она вошла в комнату и увидела на столе сваленные в беспорядке бутылки и прочее, она воскликнула:

— Миленькое дело! Вот негодяй! И зачем только я, несчастная, выходила за него замуж! Распивает здесь со всякими бродягами, пока я хожу молиться за спасение его души. Батюшки, да они выпили весь потин, который прислал мой родной брат. Да и все спиртное, которое ему доверили продать.

Тут она услышала какие-то странные звуки, вроде мычания. Она поглядела вниз и увидела свалившегося под стол Кумару.

— Да поможет мне святая Дева Мария! О Господи! Я столько раз слышала, как человек превращается в зверя от пьянства! Боже мой, Боже мой! Джек, голубчик мой, что же я буду с тобой делать? Или, вернее, что я теперь буду делать без тебя? Разве может приличная женщина жить с таким зверем?

И с этими воплями Бидди выбежала из дома и бросилась сама не зная куда, как вдруг услышала хорошо знакомый ей голос Джека, напевающего веселую песенку. Ну и обрадовалась Бидди, когда увидела его целым и невредимым и поняла, что он не превращался в черт-те кого.

Пришлось Джеку выложить ей все начистоту. И хотя Бидди все еще была в сердцах на Джека за то, что он не сказал ей об этом

раньше, она согласилась, что он сослужил бедным душам великую службу.

И они рука об руку отправились домой. Джек разбудил Кумару и, заметив, что тот еще не в себе, просил его не унывать, сказал, что это часто случается с порядочными людьми, а все оттого, что он еще не привык к потину, и посоветовал, чтоб полегчало, опохмелиться. Но Кумаре, как видно, уже и так хватило. Он поднялся, едва держась на ногах, и, не сумев выдать из себя ни одного путного слова, соскользнул в воду, чтобы путешествие в соленом море слегка охладило его.

Кумара так и не хватился своих душ. Они с Джеком по-прежнему оставались лучшими друзьями на свете. И, судя по всему, Кумара ни разу не заметил, как Джек освобождает из чистилища души. Он придумывал сотни предлогов, чтобы незамеченным проникать в дом под морем, и каждый раз опрокидывал панцири и выпускал души на волю. Его только злило, что он так и не увидел их. Но он знал, что это невозможно, и этим довольствовался.

Их дружба тянулась несколько лет. Но вот в одно прекрасное утро, когда Джек, как обычно, бросил вниз камень, ответа не последовало. Он бросил еще один, и еще, но ответа все равно не получил. Он ушел и вернулся на другое утро, но все напрасно. А так как красной шапки у него не было, он не мог спуститься и посмотреть, что случилось со старым Куу, и решил, что старик, или старая рыба, — словом, кто бы он там ни был, либо помер, либо убрался из их краев.

Господин и слуга

Билли Мак Дэниел, наверное, тоже был когда-то молодым и подавал надежды: лихо отплясывал на святом празднике, мог запросто осушить пинту или две, умел ловко работать дубинкой. Боялся он только одного — а вдруг нечего будет выпить? И заботился лишь об одном — кто заплатит за выпивку? И не думал ни о чем, кроме веселья.

Пьян он был или трезв, у него всегда находилось крепкое словцо и меткий удар — кстати, лучший способ завязывать и кончать спор.

Плохо только, что боялся, заботился и думал этот самый Билли Мак Дэниел лишь об одном, а потому попал в дурную компанию. И уж будьте уверены, нет ничего хуже хороших людей, попавших в дурную компанию!

Так случилось, что в одну ясную, морозную ночь, вскоре после рождества, Билли возвращался домой один. Светила круглая луна. И хотя стояла такая ночь, о какой можно только мечтать, он совсем продрог.

— Право слово, — стуча зубами, говорил он, — глоток доброго вина не помешал бы погибающему от холода человеку. Я бы не отказался сейчас даже от целой кружки лучшего вина!

— Что ж, дважды тебе не придется просить, Билли! — сказал маленький человечек в красной треуголке, обшитой золотым галуном, и с большущими серебряными пряжками на башмаках, такими огромными, что казалось просто чудом, как он мог передвигаться в них.

И он протянул Билли стаканище с себя ростом, наполненный таким прекрасным вином, какое вряд ли вам удавалось видеть или пробовать.

— За ваши успехи, мой маленький дружок! — сказал Билли Мак Дэниел, несколько не смутившись, хотя прекрасно знал, что человечек принадлежал к нечистым. — За ваше здоровье! И почтеннейше благодарю. Эка важность, кто платит за выпивку. — Он подхватил стакан и осушил его до дна одним глотком.

— Успехи так успехи, — сказал человечек. — И я сердечно рад тебя видеть, Билли. Только не думай, что тебе удастся провести и меня, как других. Доставай, доставай свой кошелек! Расплачивайся по-джентльменски.

— Что? Я должен тебе платить? — возмутился Билли. — Да я могу взять и засунуть тебя к себе в карман, как какую-нибудь смородину.

— Билли Мак Дэниел, — сказал маленький человечек, очень рассердившись, — ты будешь моим слугой семь лет и один день! Вот как мы с тобой покваемся. Так что готовься следовать за мной.

Услышав это, Билли уже начал жалеть, что так дерзко разговаривал с человечком, и, сам не зная отчего, вдруг почувствовал, что должен всюду следовать за ним. Целую ночь напролет без единой передышки он шагал за ним вверх и вниз, через изгороди и канавы, по болотам и зарослям. А когда начало светать, человечек обернулся к Билли и сказал:

— Сейчас ты можешь отправляться домой, но берегись, Билли, если посмеешь не явиться сегодня вечером на крепостной вал. Только попробуй, вот увидишь, тебе же хуже придется! А будешь мне хорошим слугой, и я тебе буду добрым хозяином.

Билли Мак Дэниел отправился домой. И хотя он устал и вконец измучился, он так и не сомкнул глаз, все думая о человечке. Однако он побоялся не выполнить его приказания и к вечеру поднялся и

отправился на крепостной вал. Только он туда добрался, как маленький человечек подошел к нему и сказал:

— Сегодня ночью, Билли, я собираюсь совершить длинное путешествие. Так что оседлай-ка мне коня. Для себя тоже можешь взять скакуна, ты поедешь со мной, а то после вчерашней ночной прогулки небось устал.

Билли подумал, что это очень мило со стороны его господина, и в ответ поблагодарил его.

— Но простите, сэра, — сказал он, — что я осмеливаюсь спросить вас, а где ваша конюшня? Поблизости я не вижу ничего, кроме этого вала, какого-то старого боярышника там, в углу поля, ручейка, протекающего у подножия холма, да вот этого болота напротив нас.

— Не задавай вопросов, Билли! — сказал человечек. — Отправляйся к болоту и принеси мне два самых крепких тростника, какие найдешь.

Билли подчинился, а про себя с удивлением подумал: зачем это человечку? Срезал два самых толстых тростника, какие сумел найти — у каждого на стебле торчала коричневая цветущая головка, — и принес их своему господину.

— Влезай, Билли! — сказал человечек, беря у него один тростник и усаживаясь на него верхом.

— Но куда, ваша честь, я должен влезать? — спросил Билли.

— На коня, вот как я, куда же еще, — ответил человечек.

— Вы меня, наверное, совсем за дурака принимаете, — сказал Билли, — коли заставляете сесть верхом на какой-то тростник. Уж не хотите ли вы меня уверить, что этот тростник, который я только что сорвал вон на том болоте, и есть конь?

— Влезай! Влезай! Без разговоров, — сказал человечек, глядя очень сердито. — Лучший конь, на каком тебе доводилось ездить, и в подметки этому не годится.

Что ж, Билли подумал, что это шутка, но побоялся рассердить хозяина и уселся верхом на тростник.

— Боррам! Боррам! Боррам! — трижды выкрикнул его господин, что на человеческом языке означает расти, увеличиваться.

Билли повторил вслед за ним. Тростники начали расти, расти, наконец превратились в великолепных коней и понеслись во весь дух. И тут Билли обнаружил, что сидит на коне задом наперед, потому что,

когда он усаживался на тростник, он просто не думал, что делает. Довольно-таки неудобно было сидеть носом к конскому хвосту, но конь сорвался с места так стремительно, что перевернуться было уже невозможно и оставалось только покрепче держаться за его хвост.

Наконец путешествие кончилось и они остановились у ворот богатого дома.

— А теперь, Билли, — сказал человечек, — делай все в точности, как я, и следуй за мной. А так как ты не сумел отличить голову коня от хвоста, помни, ты не должен вертеть головой, пока не сможешь точно сказать, стоишь ты на голове или на ногах: учти, старое вино может заставить говорить даже кошку, но также может сделать немым человека.

Тут человечек произнес несколько чудных словечек, которые Билли не понял, но тем не менее умудрился повторить следом за ним. И оба пролезли в замочную скважину сначала одной двери, потом другой, пока наконец не очутились в винном погребе, в котором хранились всевозможные вина.

Маленький человечек напился до чертиков; Билли ни в чем не хотел от него отставать и тоже выпил.

— Вы лучший господин на свете, ей-ей! — говорил Билли человечку. — Кто будет следующий, наплевать. Мне очень нравится служить у вас, если вы и дальше станете давать мне как следует выпить.

— Ни в какие сделки я с тобой не вступал, — сказал человечек, — и не собираюсь. Подымайся и следуй за мной!

И они убрались восвояси через замочные скважины. Каждый взобрался на тростник, оставленный у входной двери, и не успели сорваться с их губ слова: «Боррам, Боррам, Боррам!» — как оба уже неслись галопом, расшвыривая перед собою облака, будто снежные комья.

Когда они вернулись к крепостному валу, человечек отпустил Билли, приказав ему явиться на то же место и в тот же час на следующий вечер. Так они и разъезжали одну ночь туда, другую сюда, когда на север, когда на восток, когда на юг, пока во всей Ирландии не осталось ни одного достойного винного погреба, в котором бы они не побывали. Более того, они теперь знали букет всех вин, какие хранились в этих погребах, пожалуй, лучше самих дворецких.

И вот как-то вечером, когда Билли Мак Дэниел, как обычно, встретился с человеком на крепостном валу и направился было к болоту за конями для очередной поездки, его господин сказал ему:

— Билли, сегодня мне понадобится еще один скакун, может случиться, что возвращаться мы будем в большей компании, чем едем туда.

И Билли, который теперь уже прекрасно знал, что задавать вопросы не следует, не стал ждать приказаний своего господина, а взял да принес еще один тростник. Ему не терпелось узнать, кто же все-таки будет возвращаться в их компании.

«Может, мой брат-слуга, — думал Билли. — Тогда уж он будет ходить на болото за конями каждый божий вечер. А я ничем не хуже своего господина, по-моему, я такой же истинный джентльмен, как он».

Так-то вот. И они отправились. Билли вел третьего коня, и в дороге они не остановились ни разу, пока не добрались до приглядного фермерского домика в графстве Лимерик. Он стоял чуть ниже старого Карригоганиельского замка, который был выстроен, как говорят, самым великим Брианом Бору. В доме шел настоящий пир горой, и человек на минуту остановился у двери послушать. Потом вдруг повернулся к Билли и сказал:

— Знаешь, Билли, завтра мне стукнет ровно тысяча лет!

— Да что вы? Ну, дай Бог вам доброго здоровья, — говорит Билли.

— Никогда не повторяй этих слов, Билли! — испугался старичок. — Иначе я пропал, и все по твоей милости. — И он продолжал: — Послушай, Билли, раз уж завтра исполняется тысяча лет, как я живу на этом свете, я думаю, мне пришла самая пора жениться, а?

— Я тоже так думаю, — согласился Билли. — Вне всяких сомнений даже, если только вы и в самом деле намерены жениться.

— За этим я и притащился сюда в Карригога-ниель, — сказал старичок. — Сегодня утром в этом самом доме молодой Дарби Райли собирается жениться на Бриджет Руни. Она высокая и миленькая, к тому же из хорошей семьи, и я решил поэтому сам на ней жениться и забрать ее с собой.

— А что скажет на это Дарби Райли? — спросил Билли.

— Молчи! — сказал человечек и очень строго поглядел на него. — Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты задавал мне вопросы.

И без дальнейших объяснений он забормотал те самые чудные словечки, с помощью которых пролезал в замочную скважину легко, будто воздух. А Билли считал себя чудо каким умным, что ухитрился повторять их следом за ним.

Они оба проникли в дом, и, чтобы получше разглядеть гостей, человечек вспорхнул, словно воробей какой-нибудь, на толстую балку, которая проходила через весь потолок над головами пирующих. Билли последовал его примеру, и уселся на другую балку к нему лицом. Но так как он не очень-то привык сидеть в подобных местах, ноги его неуклюже болтались в воздухе, и было совершенно ясно, что в этом деле он не ухитрился точно следовать примеру маленького человечка — тот сидел согнувшись в три погибели. Будь он портным хоть всю свою жизнь, ему бы не устроиться удобней, чем вот так, подогнувши под себя ноги.

Так они и сидели там, господин и слуга, и глядели вниз на пирующих. А под ними расселись священник с волынщиком, отец Дарби Райли с двумя братьями Дарби и сыном его дяди. Сидели там и отец с матерью Бриджет Руни. Эта парочка очень гордилась в тот вечер своей дочкой. Что ж, у стариков было на это полное право! Потом четыре сестры невесты в новеньких с иголки лентях на шляпках и ее три братца — такие умытые и умненькие на вид, ну прямо три мальчика из Манстера. Еще дяди, и тетки, и кумушки, и всякие там двоюродные — в общем, хватало, дом был набит битком. А стол просто ломился от еды и питья. Даже если бы вдвое больше набралось народу, и то хватило бы каждому.

И вот в тот самый момент, когда миссис Руни с благоговением приступила к первому куску пороссячьей головы с белой капустой, невеста вдруг возьми да чихни. Все сидевшие за столом вздрогнули, но ни один не сказал: «Дай Бог тебе доброго здоровья!» Каждый подумал, что это сделает священник, как и следовало бы ему по долгу службы. Никому не хотелось разевать рот, чтобы вымолвить хоть словечко, потому что, к несчастью, все рты были заняты пороссячьей головой и зеленью. И через минуту уже за свадебным столом продолжались шутки и веселье. Обошлось без святого благословения.

Однако Билли и его господин с высоты своего положения не остались безучастными наблюдателями к этому происшествию.

— Ха! — воскликнул маленький человечек и от радости задрогал одной ногой, которую вытащил из-под себя.

Глазки его так и забегали, так и загорелись странным огоньком, а брови поднялись и изогнулись наподобие готического свода.

— Ха! — сказал он, злорадно поглядывая то вниз на невесту, то вверх на Билли. — Наполовину она уже моя! Пусть только еще два разочка чихнет, не погляжу ни на священника, ни на псалтырь, ни на Дарби Райли — моя, и все тут!

Красотка Бриджет опять чихнула, но так тихо и при этом так покраснела, что, кроме маленького человечка, почти никто этого не заметил или сделал вид, что не заметил. И уж никто и не подумал сказать ей: «Дай Бог тебе доброго здоровья!»

А Билли все это время не сводил с бедной девушки глаз, и на лице его была написана глубокая печаль. Он все думал: как это ужасно, что такая вот симпатичная молоденькая девятнадцатилетняя девушка, с огромными голубыми глазами, нежной кожей и с ямочками на щеках, пышущая здоровьем и весельем, должна выйти замуж за маленького уродца, которому стукнуло без одного дня тысяча лет!

Как раз в эту решающую минуту невеста чихнула в третий раз, и Билли, что было мочи, выкрикнул:

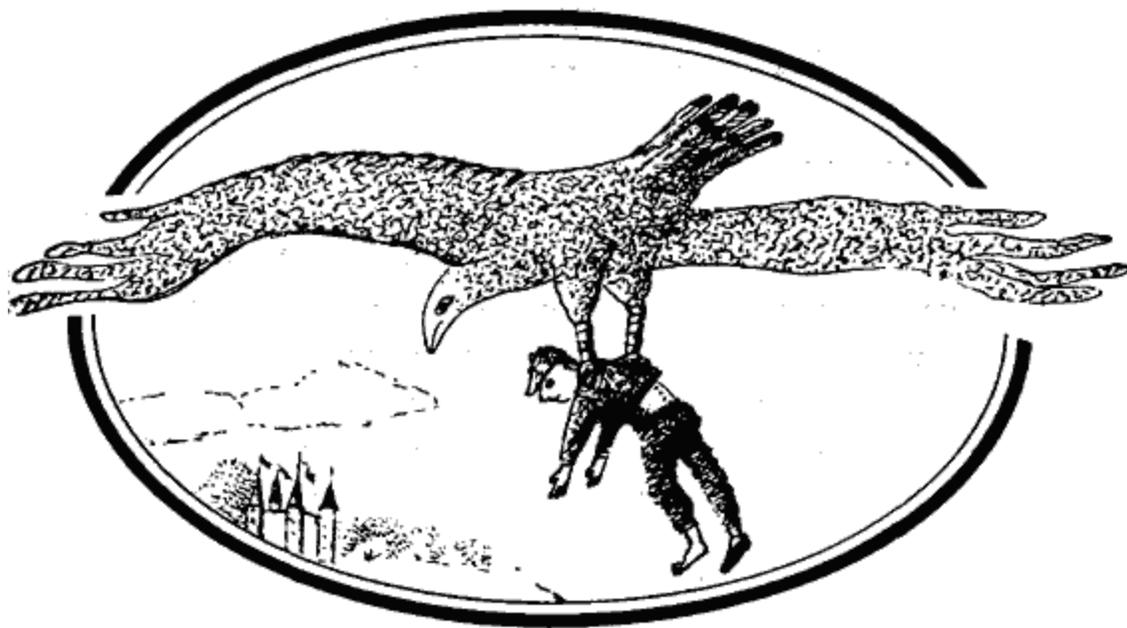
— Дай Бог тебе доброго здоровья!

Почему вырвался у него этот возглас — то ли потому, что он пожалел невесту, то ли просто в силу привычки, — он и сам не мог толком объяснить. И только он произнес это, маленький человечек вспыхнул от ярости и разочарования, спрыгнул с балки, на которой сидел, и, выкрикнув пронзительно, словно испорченная вольтка: «Я тебя увольняю, Билли Мак Дэниел, а в награду получай!» — дал бедному Билли такого здоровенного пинка в зад, что злополучный слуга растянулся лицом вниз, руки в стороны на самой середине праздничного стола.

Уж если Билли удивился, то можете себе представить, каково было изумление пирующих, когда его так вот бесцеремонно сбросили прямо на них. Но он рассказал им свою историю, и отец Куни отложил в сторону нож и вилку и тут же, не сходя с места и не теряя времени, обвенчал молодых.

А Билли Мак Дэниел отплясывал ринку на их свадьбе, да и угостили его на славу, что на его взгляд, было получше танцев.

Дурное место (Легенда)

Кое-кто, наверное, и слышал о знаменитых приключениях Дэниела О'Рурка, но немного найдется таких, которые знают, что причиной всех его злоключений над землей и под водой было лишь одно: он заснул под стенами башни пака.^[9]

Я хорошо знал этого человека. Он жил у подножия Худого Холма, как раз по правую руку от дороги, если вы идете в Бэнтри. Он был стариком, когда рассказал мне свою историю, да, уже стариком с седой головой и красным носом.

Услышал я эту историю из его собственных уст 25 июня 1813 года. Он сидел под старым тополем и потягивал из своей трубки. Вечер был на редкость хорош.

— Меня часто просят рассказать об этом, — начал он, — так что вам я буду рассказывать уже не первому. Видите ли, до того, как стало слышно о Бонапарте и всяком таком прочем, молодые господа часто ездили за границу. Вот и сын нашего лендлорда вернулся из чужих

стран, из Франции и Испании. И само собой, по этому случаю был дан обед, для всех без разбору: для знатных и простых, богатых и бедных.

Что и говорить, в старину господа действительно были господами, вы уж извините меня за такие слова. Конечно, они могли и побранить вас слегка, и может, даже дать кнута разок-другой, да что мы теряли от этого в конце-то концов? Они были такими покладистыми, такими воспитанными. У них всегда был открытый дом и тысячи гостей. Рентой они нас не донимали. И вряд ли нашелся бы хоть один из арендаторов, кто бы не испытал на себе щедрость своего лендлорда, да и не единожды за год. Теперь уж все не то... Ну, дело не в этом, сэр. Лучше я вам буду рассказывать свою историю.

Так вот, у нас было все, что только душе угодно. Мы ели, пили и плясали. И молодой господин наш пошел танцевать с Пегги Барри из Бохерин, — это я к тому, о чем только что говорил вам. Хорошенькой парочкой они были тогда, оба молодые, а сейчас уж совсем сгорбились. Да, короче говоря, я, видимо, сильно подвыпил, потому что до сих пор, хоть убейте, не могу вспомнить, как я выбрался оттуда. Хотя выйти-то я оттуда вышел, это уж точно.

Так вот, несмотря на это, я все-таки решил про себя: зайду-ка к Молли Кронохан, знахарке, перемолвиться словечком насчет замороженного телянка. И начал переправляться по камням через баллишинохский брод. Тут я возьми да и заглядись на звезды, да еще перекрестился. Зачем? Но ведь это же было на Благовещенье! Нога у меня поскользнулась, и я кубарем полетел в воду.

«Ну, конец мне! — подумал я. — Сейчас пойду ко дну». И вдруг я поплыл, поплыл, поплыл, из последних сил своих, и сам даже не знаю, как прибился к берегу какого-то необитаемого острова.

Я бродил и бродил, сам не ведая где, пока меня не занесло наконец в большое болото. Так наяривала луна, что было светло, точно днем; она сверкала, как глаза у вашей красотки, — простите, что я заговорил о ней. Я глядел на восток, на запад, на север и на юг — словом, во все стороны, и видел лишь болото, болото и болото. До сих пор не могу понять, как же я туда забрался? Сердце у меня заледенело от страха, так как я был твердо уверен, что найду там свою могилу. Я опустился на камень, который, по счастью, оказался рядом со мной, почесал в затылке и запел сам себе отходную.

Вдруг луна потемнела. Я взглянул вверх и увидел, как нечто словно движется между мною и луной, но что, решить я не мог. Нечто камнем упало вниз и заглянуло мне прямо в лицо. Вот те на, да это оказался орел! Самый обыкновенный орел, какие прилетают из графства Керри. Он поглядел мне в глаза и говорит:

— Ну, как ты тут, Дэниел О'Рурк?

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр, — отвечал я. — Надеюсь, и вы тоже, — а сам про себя удивляюсь, как это орел заговорил вдруг по-человечески.

— Что занесло тебя сюда, Дэн? — спрашивает он.

— Да ничего! — отвечаю ему. — Хотел бы я снова очутиться дома целехоньким, вот что!

— А-а, ты хотел бы выбраться с этого острова, не так ли, Дэн?

— Именно так, сэр, — говорю я.

Тут я поднимаюсь и рассказываю ему, как хватил лишнего и свалился в воду, как доплыл до этого острова, забрел в болото и теперь вот не знаю, как из него выбраться.

— Дэн, — говорит он, подумав с минуту, — хотя это и очень нехорошо с твоей стороны — напиваться на Благовещенье, но в общем-то ты парень приличный, непьющий, аккуратно посещаешь мессу и никогда не швыряешь камнями в меня или в моих братьев, не гоняешься за нами по полям, а поэтому — я к твоим услугам! Садись верхом ко мне на спину да обхвати меня покрепче, а не то свалишься, и я вынесу тебя из этого болота.

— А ваша светлость не смеется надо мной? — говорю я. — Слыханное ли дело, кататься верхом на орле?

— Слово джентльмена! — говорит он, кладя правую лапу себе на грудь. — Я предлагаю серьезно. Так что выбирай: или принимаешь мое предложение, или помирай с голоду здесь в болоте! Да, между прочим, я замечаю, что от твоей тяжести камень уходит в болото.

И это была истинная правда, потому что я и сам заметил, как камень с каждой минутой все больше оседал подо мной. Выбора не оставалось. Я всегда считал, что смелость города берет, о чем и подумал тогда, и сказал:

— Благодарю вас, ваша честь, за такую сердечность. Я принимаю ваше любезное приглашение!

Затем взобрался орлу на спину, крепко обнял его за шею, и орел взмыл в воздух, подобно жаворонку.

Тогда я и не предполагал о ловушке, которую он готовил мне!

Выше, выше и выше, бог знает как высоко залетел он.

— Пойдите, — говорю я ему, думая, что он не знает верной дороги к моему дому, конечно, очень вежливо, потому что кто его разберет, ведь я был целиком в его власти. — Сэр, — говорю я, — при всем моем глубочайшем уважении к мудрым взглядам вашей светлости я хотел бы, чтобы вы спустились немного, так как сейчас вы находитесь как раз над моей хижинкой и можете меня туда сбросить, за что я буду бесконечно благодарен вашей милости.

— Ай да Дэн! — воскликнул он. — Ты что, за дурака меня считаешь? Погляди-ка вниз на соседнее поле, разве ты не видишь двух людей с ружьями? Это не шуточки, ей-ей, когда тебя вот так возьмут да подстрелят из-за какого-то пьяного болвана, которого тебе пришлось подхватить с холодного камня на болоте.

«Черт бы тебя побрал», — подумал я про себя, но вслух ничего не сказал: что пользы было в этом?

Вот так-то, сэр, а он все продолжал лететь вверх и вверх. Через каждую минуту я снова просил его спуститься вниз, но тщетно.

— Скажите, ради Бога, сэр, куда вы летите? — спросил я его.

— Попридержи-ка свой язык, Дэн, — говорит он мне. — Займись лучше своими делами, а в чужие не вмешивайся!

— Вот те на, я полагаю, это как раз мое дело! — сказал я.

— Помалкивай, Дэн! — крикнул он. И больше я ничего не сказал.

Наконец мы прибыли — вы только представьте себе куда — на самую луну! Сейчас вы уже не можете этого видеть, но тогда, то есть еще в мое время, на боку у луны торчало что-то вроде серпа.

И Дэниел О'Рурк концом своей палки начертил на земле фигуру, похожую на серп.

— Дэн, — сказал орел, — я устал от такого длинного полета. Вот уж не думал, что это так далеко.

— А кто, милостивый государь, — говорю я, — просил вас так далеко залетать? Я, что ли? Не просил я вас разве, не умолял и не упрашивал остановиться еще полчаса назад?

— Теперь говорить об этом поздно, Дэн, — сказал орел. — Я до чертиков устал, а потому слезай-ка с меня! Можешь сесть на луну и

ждать, пока я отдышусь.

— Сесть на луну? — говорю я. — Вот на эту маленькую кругленькую штучку? Да я тут же свалюсь с нее и расшибусь в лепешку. Вы просто подлый обманщик, вот вы кто!

— Вовсе нет, Дэн, — говорит он. — Ты можешь крепко ухватиться за этот серп, что торчит сбоку у луны, и тогда не упадешь.

— Нет, не хочу, — говорю я.

— Может, и не хочешь, — говорит он совсем спокойно. — Но если ты не слезешь, мой дружок, я сам тебя стряхну и дам тебе разок крылом, так что ты живо очутишься на земле и уж костей своих не соберешь, они разлетятся, как росинки по капустным листьям ранним утречком.

«Ну и ну, — сказал я себе, — в хорошенькое положение я попал. Зачем только я увязался за ним!»

И, послав в его адрес крепкое словцо — по-ирландски, чтобы он не понял, — я скрепя сердце слез с его спины, ухватился за серп и сел на луну. Ну и холодное это сиденье оказалось, скажу я вам!

После того как он вот таким образом благополучно ссадил меня, он оборачивается ко мне и говорит:

— Доброго утра, Дэниел О'Рурк! Я думаю, теперь мы в расчете! В прошлом году ты разорил мое гнездо (что ж, он сказал сущую правду, только как он узнал об этом, ума не приложу), и за это ты теперь насидишься здесь вволю. Хочешь не хочешь, а будешь торчать здесь на луне, как пугало огородное.

— Значит, все кончено? — говорю я. — Ты что же, так вот меня и оставишь здесь, негодяй? Ах ты, мерзкий, бессердечный ублюдок! Так вот как ты услужил мне! Будь же проклят сам со своим горбатым носом и со всем твоим потомством, подлец!

Но что было толку от этих слов? Он громко расхохотался, расправил свои огромные крылья и исчез, словно молния. Я кричал ему вдогонку: «Остановись!» — но с таким же успехом я мог бы звать и кричать хоть весь век, он бы не откликнулся. Он улетел прочь, и с того самого дня и поныне я его больше не видел, — пусть беда всегда летает вместе с ним!

Я оказался в безвыходном положении, уверяю вас, и в отчаянии рыдал так, что не мог остановиться. Вдруг в самой середине луны открывается дверь, да с таким скрипом, словно ее целый месяц не

отворяли, хотя, я думаю, ее просто никогда не смазывали, и выходит из нее... Ну, кто бы вы думали? Лунный человек, я сразу узнал его по волосам.

— Приветствую тебя, Дэниел О'Рурк! — сказал он. — Как дела?

— Очень хорошо, благодарю, ваша честь, — ответил я. — Надеюсь, и у вас тоже.

— Как тебя занесло сюда, Дэн?

Тут я ему рассказал, как хватил лишнего в доме хозяина, как был выброшен на пустынный остров и заблудился в болоте и как мошенник орел обещал меня вынести оттуда, а вместо этого занес вот сюда, на луну.

— Дэн, — говорит лунный человек, когда я кончил, и берет понюшку табаку, — тебе не следует здесь оставаться.

— Уверяю вас, сэр, — говорю ему, — я сюда попал совершенно против своей воли. Как же я теперь назад вернусь?

— Это твое дело, Дэн, — говорит он. — Мое дело сказать тебе, что здесь ты оставаться не должен. Так что выметайся, да поживее!

— Я вам ничего плохого не делаю, — говорю я, — только вот держусь за серп, чтобы не упасть.

— Вот этого ты и не должен делать!

— Ах, простите, сэр, — говорю я, — а нельзя ли мне узнать, большая ли у вас семья? Может, вы дали бы приют бедному путнику? Я полагаю, вас не часто беспокоят такие вот гости, как я. Ведь путь-то сюда не близкий.

— Я живу один, Дэн, — ответил он. — А ты лучше отпусти этот серп!

— Клянусь, сэр, — говорю я, — с вашего разрешения, я не отпущу его! И чем больше вы будете просить, тем крепче я буду держаться. Так я хочу!

— Лучше отпусти, Дэн, — опять говорит он.

— Раз так, мой маленький приятель, — говорю я, измеряя его взглядом с головы до ног, — в нашей сделке будут два условия: вы уходите, если желаете, а я с места не сдвинусь!

— Ну, мы еще посмотрим, как это получится, — сказал лунный человек и ушел обратно к себе, но, уходя, так хлопнул дверью, что я подумал: сейчас и луна и я вместе с нею рухнем вниз. Было ясно, что он здорово рассердился.

Так вот, я уж внутренне подготовился помериться с ним силами, как тут он снова выходит с острым кухонным ножищем в руках и, не говоря ни слова, ударяет им два раза по ручке серпа, за которую я держался, — клянги! — она разламывается пополам.

— Эй, Дэн, доброго утра! — крикнул этот злобный и подленький старикашка, когда увидел, как я полетел прямо вниз, ухватившись за остаток ручки. — Благодарю за визит! Гладенькой дорожки, Дэниел!

Я не успел ему ответить, так как меня крутило, и вертело, и несло вниз со скоростью гончей собаки.

— О Господи! — воскликнул я. — Хорошенькое это занятие для приличного человека, да еще глухой ночью, если бы кто увидел! Ну и влип я!

Но не успел я выговорить эти слова, как вдруг — взззз! — над моей головой пролетела стая диких гусей, которая направлялась не иначе как с моего заветного болота в Бэллишенефе, а то как бы они узнали меня? Старый гусак, вожак их, обернулся и крикнул мне:

— Это ты, Дэн?

— Я самый, — ответил я, несколько не удивившись, что он заговорил, потому что к тому времени я уж начал привыкать ко всякой такой чертовщине, а кроме того, с ним мы были старые знакомые.

— С добрым утром, Дэниел О'Рурк, — сказал он. — Как твоё здоровье сегодня?

— Прекрасно! — ответил я. — Сердечно благодарю! — а сам тяжко вздохнул, потому что как раз его-то мне и недоставало. — Надеюсь, и твоё тоже.

— Я имею в виду твоё падение, Дэниел, — продолжал он.

— А-а, ну конечно, — ответил я.

— Откуда это ты несешься так? — спросил гусак. Тут я ему рассказал, как я напился и попал на остров, как заблудился на болоте и как обманщик орел занес меня на луну, а лунный человек выпроводил меня оттуда.

— Я тебя спасу, Дэн, — сказал гусак. — Протяни руку и хватай меня за ногу. Я отнесу тебя домой.

— Твоими бы устами да мед пить! — сказал я, хотя про себя все время думал, что не очень-то доверяю ему.

Но помощи ждать было неоткуда, поэтому я схватил гусака за ногу и полетел вместе с остальными гусями со скоростью ветра. Мы

летели, летели и летели, пока не очутились прямо над океаном. Я это сразу понял, потому что справа от себя увидел Ясный Мыс, торчащий из воды.

— Милорд, — сказал я, решив на всякий случай выразаться как можно учтивее, — пожалуйста, летите к земле!

— Что ты, Дэн, — ответил он, — пока это никак невозможно. Ведь мы летим в Аравию.

— В Аравию! — воскликнул я. — Так это же где-то далеко-далеко, в чужих землях. Ах, что вы, мистер Гусь, неужели в вас нет сострадания к бедному человеку?

— Тш-ш, тш-ш ты, глупец, — сказал он, — попридержи-ка свой язык! Уверяю тебя, Аравия очень приличное место и как две капли воды похожа на Западный Карбери, только там чуть побольше песка.

И как раз когда мы с ним переговаривались, на горизонте показалось судно, гонимое ветром, — ну просто заглядишься.

— Послушайте, сэр, — говорю я, — сбросьте меня, пожалуйста, на это судно!

— Но мы находимся не точно над ним, — ответил он, — и, если я тебя сейчас сброшу, ты плюхнешься прямо в воду.

— Нет, что вы, — говорю я, — мне же виднее, оно сейчас точнехонько под нами. Выпустите же меня скорее!

— Выпустить так выпустить, дело твое, — сказал он и разжал лапы.

Увы, он оказался прав! Конечно, я плюхнулся прямо на соленое морское дно. Очутившись на самом дне, я совсем уж было распрощался с жизнью, как вдруг ко мне приблизился кит, почесываясь после ночного сна, заглянул мне в лицо и, не произнося ни единого слова, поднял свой хвост и еще разок окатил меня холодной соленой водой, так что сухого места на мне не осталось. И тут я услышал — причем голос мне показался очень знакомым:

— Вставай ты, пьяный бездельник! Убирайся отсюда!

Я открыл глаза и увидел перед собой мою Джуди с полным ушатом воды, которую она выливала на меня.

Дело в том, что, хотя в общем Джуди была хорошая жена — дай Бог ей доброго здоровья, — она совершенно не выносила, когда я напивался, и тут уж давала волю рукам.

— Подымайся-ка! — сказала она опять. — Худшего места ты не мог себе найти во всем приходе? Ишь разлегся под самыми стенами старой башни пака! Могу представить, как спокойненько ты отдохнул тут!

Что и говорить, разве я отдыхал? Все эти орлы, и лунные человечки, и перелетные гуси, и киты, которые переносили меня через болота, заносили на луну и сбрасывали оттуда на соленое морское дно, чуть с ума меня не свели.

Но теперь я твердо знал: что бы ни случилось, я уже никогда не лягу отдыхать на дурное место.

Мунахар и Манахар

Давным-давно жили на свете Мунахар и Манахар. Много воды утекло с тех пор. А коли сказано, что они жили давным-давно, стало быть, теперь их уж нет на белом свете. Мунахар и Манахар всегда ходили вместе рвать малину. Но сколько бы Мунахар ни набрал, Манахар все съедал. И Мунахар наконец сказал, что пойдет срежет

хворостину, чтоб проучить негодную скотину: это он про Манахара, который съел всю его малину, всю до одной ягодки.

Вот пришел Мунахар к хворостине.

— Да поможет тебе Бог! — сказала хворостина.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе хворостины, — говорит хворостина, — пока не достанешь ножа, чтоб срезать меня.

Пошел Мунахар к ножу.

— Да поможет тебе Бог! — сказал нож.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за ножом, ножом, чтобы срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе ножа, — говорит нож, — пока не достанешь точило, чтоб заострить меня.

Пошел Мунахар к точилу.

— Да поможет тебе Бог! — сказала точило.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за точилом, точилом, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе точила, — говорит точило, — пока не достанешь водицы, чтоб смочить меня.

Пошел Мунахар к воде.

— Да поможет тебе Бог! — сказала вода.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за водицей, водицей, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе водицы, — говорит вода, — пока не достанешь оленя, чтоб переплыть меня.

Пошел Мунахар к оленю.

— Да поможет тебе Бог! — сказал олень.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за оленем, оленем, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе оленя, — говорит олень, — пока не достанешь собаку, чтоб поймать меня.

Пошел Мунахар к собаке.

— Да поможет тебе Бог! — сказала собака.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за собакой, собакой, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе собаки, — говорит собака, — пока не достанешь маслица, чтоб умаслить меня.

Пошел Мунахар к маслу.

— Да поможет тебе Бог! — сказало масло.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за маслицем, маслицем, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе маслица, — говорит масло, — пока не достанешь кошку, чтоб наскребла меня.

Пошел Мунахар к кошке.

— Да поможет тебе Бог! — сказала кошка.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за кошкой, кошкой, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе кошки, — говорит кошка, — пока не достанешь молочка, чтоб напоить меня.

Пошел Мунахар к корове.

— Да поможет тебе Бог! — сказала корова.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за коровой, коровой, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе молочка, — говорит корова, — пока не принесешь мне охапку сена вон от тех косарей.

Пошел Мунахар к косарям.

— Да поможет тебе Бог! — сказали косари.

— Да помогут вам Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот к вам за охапкой сена, сена, чтоб отнести корове, корове, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе охапки сена, — говорят косари, — пока не достанешь для нас у мельника формы для кекса.

Пошел Мунахар к мельнику.

— Да поможет тебе Бог! — сказал мельник.

— Да помогут тебе Бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за формами для кекса, чтоб дать их косарям, косарям, чтоб дали мне охапку сена, сена, чтоб отнести корове, корове, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе форм для кекса, — говорит мельник, — пока не принесешь мне воды в решете вон из той речки.

Взял Мунахар решето и пошел к реке. Наклонился, зачерпнул решетом воды, но не успел поднять его, как вода вся вытекла. Опять зачерпнул, опять вся вода вытекла.

Так бы ему и черпать не перечерпать до нынешнего дня, кабы не ворон, пролетающий над его головой.

— Грязь! Грязь! — крикнул ему ворон.

— А, ей-Богу, неплохой совет, — согласился Мунахар.

Взял на берегу красной глины и замазал у решета дно — ни одной дырочки не осталось. Теперь уж решето не выпускало воду, и Мунахар отнес мельнику полное решето воды, и мельник дал ему формы для кекса, и он отнес формы для кекса косарям, и косари дали ему охапку сена, и он отнес охапку сена корове, и корова дала ему молока, и он отнес молоко кошке, и кошка наскребла масла, и масло умаслило собаку, и собака стала охотиться за оленем, и олень поплыл по воде, и вода намочила точило, и точило заострило нож, и нож срезал хворостину, хворостину, чтоб проучить... Но Манахара и след простыл, уж будьте спокойны!

Ленивая красавица и ее тетушки

Жила когда-то на свете бедная вдова, и была у нее дочка — красивая, как день ясный, но ленивая, что ваша хрюшка, — вы уж простите меня за такое сравнение.

Во всем городе не было другой такой труженицы, как бедная мать. А уж как она искусно пряла! И заветной мечтой ее было, чтобы и дочка у нее выросла такой же искусницей.

Но дочка вставала поздно, усаживалась завтракать, даже не помолившись, а потом весь день слонялась без дела. За что бы она ни бралась, все словно жгло ей пальцы. А уж слова она тянула, как будто говорить ей было трудней трудного, а может, язык у нее был такой же ленивый, как она сама. Немало горя хлебнула с нею бедная матушка, но ей все как с гуся вода — знай себе хорошеет.

И вот в одно прекрасное утро, когда дела шли хуже некуда, только бедная вдова раскричалась по поводу налогов на муку, как мимо ее дома проскакал сам принц.

— Ай-ай-ай, голубушка! — удивился принц. — У тебя, наверное, очень непослушное дитя, если оно заставляет свою мать так сердито браниться. Ведь не могла же эта хорошенькая девушка так рассердить тебя!

— Ах, что вы, ваше высочество. Конечно, нет! — ответила старая притворщица. — Я только пожурю ее за то, что она слишком усердно работает. Поверите ли, ваше высочество, она может за один день испрясть три фунта льна, на другой день наткать из него полотно, а в третий нашить из него рубах.

— О небо! — удивился принц. — Вот девушка, которая пришлась бы по душе моей матушке. Ведь моя матушка — лучшая прядильщица в королевстве! Будьте так любезны, сударыня, наденьте, пожалуйста, на вашу дочку капор и плащ и посадите ее сзади меня на коня! Ах, моя матушка будет так восхищена ею, что, быть может, через недельку сделает ее своей невесткой. Право слово! Конечно, если сама девушка не будет иметь ничего против.

Так-то вот. Женщина не знала, что делать от радости и смущения, да и от страха, что все раскроется. Она не успела еще ни на что решиться, как юную Энти уже усадили позади принца и он ускакал со своей свитой прочь, а у матери в руках остался увесистый кошелек. Долго после этого она не могла прийти в себя, все боялась, как бы с ее дочкой не приключилась беда.

Принцу трудно еще было судить о воспитании и об уме Энти по нескольким ответам, которые он еле вырвал у нее. А королева так и обомлела, увидев на коне позади своего сына крестьянскую девушку. Но когда она разглядела ее хорошенькое личико и услышала, что Энти умеет делать, королева решила, что девушке просто цены нет! А принц улучил минутку и шепнул Энти, что, если она не прочь выйти за него замуж, она должна во что бы то ни стало понравиться матери-королеве.

Так-то вот. Вечер подходил к концу. Принц и Энти чем дальше, тем больше влюблялись друг в друга. Только неотступная мысль о пряже то и дело заставляла сжиматься ее сердце. Когда настало время сна, королева-мать отвела Энти в нарядную спальню и, пожелав ей спокойной ночи, указала на большую охапку превосходного льна и молвила:

— Ты можешь начать завтра же утром, во сколько захочешь, и я надеюсь, что к следующему утру мы увидим славную пряжу из этих трех фунтов льна!

В эту ночь бедная девушка почти не сомкнула глаз. Она плакала и сетовала на себя, что не слушала советов матушки.

Наутро, как только ее оставили одну, Энти с тяжелым сердцем принялась за работу. И хотя ей дали прялку из настоящего красного дерева и лен, о каком можно только мечтать, у нее каждую минуту рвалась нитка. То она получалась тонкая, точно паутина, то грубая, словно, бечевка для плетки. Наконец она отодвинула свой стул. Уронила руки на колени и горько заплакала.

И в этот самый момент перед ней выросла маленькая старушонка с удивительно большими ступнями и спросила:

— О чем ты, красавица?

— Да вот, я должна весь этот лен к завтрашнему утру превратить в пряжу. А у меня и пяти ярдов тонкой нити из него не получается.

— А ты не постыдишься пригласить на свою свадьбу с молодым принцем нищую Большеногую Старуху? Пообещай пригласить меня, и, пока ты сегодня ночью спишь, все три фунта льна превратятся в тончайшую пряжу.

— Конечно, я приглашу тебя, и с удовольствием, и буду заботиться о тебе всю мою жизнь!

— Вот и прекрасно! Ты пока оставайся в своей комнате до вечернего чая, а королеве можешь сказать, чтобы она приходила за пряжей завтра утром, хоть на заре, если ей угодно.

И все случилось, как старушка пообещала. Пряжа получилась тонкая и ровная, ну словно тончайшая леска.

— Вот молодец девушка! — сказала королева. — Я велю принести сюда мой собственный ткацкий станок из красного дерева. Только сегодня тебе больше не надо работать. *Поработать и отдохнуть, поработать и отдохнуть* — вот мой девиз! Ты и завтра успеешь соткать пряжу. А там, кто знает...

В этот раз девушку мучил страх еще больше, чем в прошлый: теперь она очень боялась потерять принца. Но все равно она ведь не умела даже приготовить основу ткани и не знала, как пользоваться челноком. И она сидела в великом горе, как вдруг перед ней выросла маленькая и совершенно квадратная старушка: такие широкие у нее были плечи и бока. Гостья сказала, что ее зовут Квадратной Старухой, и заключила с Энти ту же сделку, что и Большеногая Старуха.

Ну и обрадовалась королева, когда ранним-рано поутру нашла готовое полотно — такое белое и тонкое, словно самая лучшая бумага, какую вам только доводилось видеть.

— Ах, какая милочка! — сказала королева. — А теперь развлекись с дамами и кавалерами. И если завтра ты из этого полотна нашьешь славных рубах, одну из них ты сможешь подарить моему сыну. И хоть тут же выходи за него замуж!

Ну как было не посочувствовать на другой день бедной Энти; вот-вот принц будет ее, а может, она потеряет его навеки! Но она набралась терпения и ждала с ножницами и ниткой в руках до самого полудня. Прошла еще минута, и тут она с радостью увидела, как появилась третья старушка. У старушки был огромный красный нос, и она тут же сообщила Энти, что потому ее так и зовут Красноногая Старуха. Она оказалась ничуть не хуже других, и, когда на другой день королева пришла со своим ранним визитом к Энти, дюжина славных рубах уже лежала на столе.

Что ж, теперь дело оставалось лишь за свадьбой. И уж будьте уверены, свадьбу устроили на широкую ногу. Бедная матушка тоже была среди прочих гостей. За обедом старая королева не могла говорить ни о чем, кроме славных рубашек. Она мечтала о том счастливом времени, когда после медового месяца они с невесткой только и станут что прясть, ткать да шить рубахи и сорочки.

Жениху были не по душе такие разговоры, а невесте и подавно. Он хотел уж было вставить свое слово, как к столу подошел лакей и сказал, обращаясь к невесте:

— Тетушка вашей милости, Большеногая Старуха, просит узнать, может ли она войти?

Невеста вспыхнула и готова была сквозь землю провалиться, но, к счастью, вмешался принц:

— Скажите миссис Большеногой, что всем родственникам моей невесты или она всегда сердечно рады.

Старушка с большими ногами вошла и уселась рядом с принцем. Королеве это не очень понравилось, и после нескольких слов она довольно злобно спросила:

— Ах, сударыня, отчего это у вас такие большие ноги?

— Э-э, матушка! Верите ли, ваше величество, почти всю свою жизнь я простояла у прялки. Вот от этого!

— Клянусь честью, моя любимая, — сказал принц невесте, — ни одного часа я не позволю тебе простоять у прялки!

Тот же самый лакей опять объявил:

— Тетушка вашей милости, Квадратная Старуха, хочет войти, если вы и прочие благородные господа не возражают.

Принцесса Энти была очень недовольна, но принц пригласил гостью войти. Она уселась и выпила за здоровье каждого присутствующего.

— Скажите, сударыня, — обратилась к ней старая королева, — отчего это вы так широки вот тут, между головой и ногами?

— Оттого, ваше величество, что всю свою жизнь я просидела у ткацкого станка.

— Клянусь властью! — сказал принц. — Моя жена не будет сидеть у станка ни одного часа.

Опять вошел лакей.

— Тетушка вашей милости, Красноносая Старуха, просит позволения присутствовать на пиру.

Невеста еще гуще покраснела, а жених приветливо сказал:

— Передайте миссис Красноносой, что она оказывает нам честь!

Старушка вошла, ей оказали всяческое уважение и усадили рядом с почетным местом за столом. А все гости, сидевшие пониже ее, поднесли к носу кто бокалы, кто стаканы, чтобы спрятать свои улыбки.

— Сударыня, — обратилась к ней королева, — не будете ли вы так добры рассказать нам, отчего это ваш нос такой большой и красный.

— Видите ли, ваше величество, я всю свою жизнь склоняла голову над шитьем, и оттого вся кровь прилиwała к носу.

— Милая, — сказал принц Энти, — если я когда-нибудь увижу в твоих руках иголку, я убегу от тебя за тысячу миль!

А ведь по правде говоря, мальчики и девочки, хотя эта история и забавная, мораль в ней совсем неправильная. И если кто-нибудь из вас, озорники, станет подражать Энти в ее лени, сами увидите, вам уж так не повезет, как ей. Во-первых, она была очень, очень хорошенькая, вам всем далеко до нее, а во-вторых, ей помогали три могущественные феи. Теперь фей нет, нет и принцев или лордов, которые проезжают мимо и захватывают вас с собой, трудолюбивые вы или ленивые. И в-третьих, еще не известно, так ли уж счастливы были принц и она сама, когда на них свалились всякие заботы и волнения жизни.

Графиня Кэтлин О'Шей
(*Легенда*)

В далекую старину объявились однажды в Ирландии два неизвестных купца. Никто о них прежде не слышал, и, однако, они прекрасно изъяснялись на языке этой страны. Черные волосы их перевивала золотая лента, их одежды отличались редким великолепием. Оба казались примерно одного возраста: они выглядели лет по пятьдесят, так как лоб им избороздили морщины, а бороду уже тронула седина.

В гостинице, где остановились эти важные купцы, попытались было разузнать об их намерениях, но тщетно — те вели скрытный и уединенный образ жизни. Занятий у них не было никаких, и они целыми днями только и делали, что считали да пересчитывали золотые монеты, которые хранили в больших денежных мешках: через окна их комнаты можно было увидеть желтый блеск этих монет.

— Господа, — сказала им в один прекрасный день хозяйка гостиницы, — как же так получается, вот вы такие богачи и могли бы, кажется, поддержать людей в беде, а ни одного благочестивого дела не сделали!

— Прекрасная хозяйюшка, — молвил один из них, — мы не хотели предлагать милостыню честным беднякам, боясь, что нас обманут всякие притворщики. Но пусть Нужда постучится к нам в дверь, и мы откроем ей!

На другой день, когда разнесся слух, что богатые незнакомцы приехали, чтобы раздавать всем свое золото, их дом осадила толпа людей. Правда, оттуда все выходили с разным видом: у одних на лице была написана гордость, у других — стыд.

Оказывается, эта парочка бродячих торговцев скупала для дьявола человеческие души.

Душа пожившего человека стоила двадцать золотых, и ни пенни больше: у Сатаны было достаточно времени, чтобы узнать ей цену. Душа женщины стоила пятьдесят, если та была хороша собой, и целых сто, если уродлива. Ну, а уж за душу молоденькой девушки поднимай цену выше! За свежие, чистые цветы платят дорого.

В те времена жила в этом городе графиня Кэтлин О'Шей, ангел красоты. Все ей поклонялись, а для бедняков она была единственной надеждой. Как только услышала она, что эти злодеи, воспользовавшись народной бедой — в городе в это время был голод, — крадут у Бога человеческие души, она тотчас позвала к себе дворецкого.

— Скажи, Патрик, — обратилась она к нему, — сколько золотых монет в моих сундуках?

— Сто тысяч.

— А сколько драгоценностей?

— На ту же сумму, что и золота.

— А что стоит все имущество в моих замках, мои леса и земли?

— Вдвое больше, чем у вас денег и драгоценностей.

— Что ж, прекрасно, Патрик. Продай все, кроме золота, конечно, и принеси мне что выручишь. Я хочу сохранить только этот дом.

За два дня приказания благочестивой Кэтлин были выполнены, и все богатства ее были розданы беднякам соответственно их нужде.

Однако это не входило в расчеты дьявола, как передает нам предание, — ведь для него не осталось душ, которые он мог бы скупить. И вот с помощью неверного слуги эти подлые купцы проникли в покои благородной дамы и похитили последние остатки ее богатства. Напрасно она изо всех сил боролась, чтобы спасти содержимое своих сундуков: жулики Сатаны были сильнее. Конечно, если бы Кэтлин смогла перекреститься, добавляет легенда, она бы обратила их в бегство, но она защищалась, и поэтому руки у нее были заняты. Кража совершилась.

И когда вскоре бедняки обратились к ограбленной Кэтлин за помощью — увы, это оказалось бесполезно. Она более не могла уж поддержать их в нужде. Ей пришлось предоставить их искушению дьявола.

А между тем должно было пройти восемь дней, пока хлеб и прочая провизия в изобилии прибыли бы в город из восточных стран. Эти восемь дней были целой вечностью! Восемь дней требовали огромных денег, чтобы спасти всех от голода. Беднякам предстояло либо погибнуть голодной смертью, либо, отвергнув заповедь святого евангелия, совершить низкую сделку и запродать свои души — лучший дар щедрой руки всемогущего. А у Кэтлин уже не было ничего, даже свой последний дом она отдала страждущим.

Двенадцать часов провела она в слезах и стенаниях, бия себя в лилейно-белую грудь. А затем в порыве отчаяния поднялась решительно и отправилась к продавцам человеческих душ.

— Что вам угодно! — спросили те.

— Вы покупаете души?

— Да, кое-что еще удастся купить, несмотря на ваши старания, синеглазая святая. А что скажешь?

— Сегодня я пришла заключить с вами сделку, — ответила она.

— Какую же?

— У меня есть душа для продажи, но она стоит дорого.

— Разве это имеет значение, если она драгоценная? Душа, как бриллиант, ценится по чистоте.

— Это моя душа.

Сатанинские посланники так и задрожали, даже коготки свои выпустили под лайковыми перчатками. Серые глазки их так и загорелись. Душа самой Кэтлин, чистая, незапятнанная, непорочная, — вот это добыча!

— Сколько же ты просишь, красавица?

— Сто пятьдесят тысяч золотом.

— Изволь! — ответили торговцы и протянули Кэтлин пергамент с черной печатью, которой она, содрогнувшись, подписала.

Денежки ей были тут же отсчитаны. Вернувшись домой, она сказала дворецкому:

— Вот, раздай это! На эти деньги, что я даю тебе, бедняки протянут оставшиеся восемь дней, и больше ни одна душа не попадет

к дьяволу!

Потом она закрылась в своих комнатах и приказала никому ее не тревожить.

Прошло три дня. Она никого не звала и сама не выходила.

Когда же дверь отворили, то нашли ее холодной и недвижимой. Она умерла от печали.

Но Бог объявил торг этой души — столь прекрасной в своем милосердии — недействительным: ведь она спасла своих сограждан от вечных мук.

Спустя восемь дней множество кораблей доставили голодающей Ирландии несметные запасы зерна. Голод кончился.

Что же касается тех торговцев, то они исчезли из гостиницы, и никто так и не узнал, что с ними случилось. Правда, блэкуотерские рыбаки поговаривают, будто по приказу Люцифера их заточили в подземную тюрьму до тех пор, пока они не сумеют снова заполучить душу Кэтлин, которая на этот раз ускользнула от них.

Волынщик и пак

Давным-давно жил в Данморе, что в графстве Голуэй, один придурковатый паренек. Он страсть как любил музыку, а выучить больше одной песенки так и не сумел. Песенка эта называлась «Черный бродяга». Разные господа часто приглашали его для увеселения, и он получал за это немалые денежки.

Как-то раз поздно вечером волынщик этот возвращался из дома, где происходили танцы. Он был порядком навеселе. Поравнявшись с мостиком, от которого было рукой подать до материнского дома, он нажал на свою волынку и заиграл «Черного бродягу».

Тут сзади к нему подкрался пак и перебросил его к себе на спину. У пака были длинные рога, и волынщик крепко ухватился за них.

— Сгинь, гнусная скотина! — крикнул он. — Отпусти меня домой! У меня в кармане десятипенсовик для моей матушки. Ей нужен нюхательный табак.

— Наплевать мне на твою мать, — сказал пак. — Держись лучше! Если упадешь, свернешь себе шею и загубишь свою волынку. — А потом добавил: — Сыграй-ка мне «Шан Ван Вохт»!

— Но я не умею, — отвечал волынщик.

— Не важно, умеешь или нет, — говорит пак, — начинай, и я тебя научу.

Волынщик задул в свою волынку, и такая мелодия у него получилась, что он и сам удивился:

— Ей-Богу, ты замечательный учитель музыки! Ну, а куда ты меня тащишь, скажи?

— Сегодня ночью на вершине Скалы Патрика в доме банши ^[10] большое торжество, — говорит пак. — Вот я туда тебя и несу, чтоб ты нам поиграл. И поверь моему слову, тебе неплохо заплатят за труды!

— Вот здорово! Значит, ты избавишь меня от путешествия, — сказал волынщик. — А то, видишь ли, отец Уильям наложил на меня епитимью: велел совершить паломничество к Скале Патрика, потому что на последний Мартынов день я стащил у него белого гусака.

Пак стрелой пронес его над холмами, болотами и оврагами, пока не достиг вершины Скалы Патрика. Тут он трижды топнул ногой, тотчас растворилась огромная дверь, и они вместе прошли в великолепную комнату.

Посреди комнаты волынщик увидел золотой стол, вокруг которого сидело чуть ли не сто старух-банши. Они все разом поднялись и

произнесли:

— Сто тысяч приветствий Ноябрьскому Паку! Кого это ты с собой привел?

— Лучшего волынщика во всей Ирландии, — ответил пак.

Одна банши топнула ногой, тотчас в боковой стенке открылась дверь, и волынщик увидел... Кого бы вы думали? Да того самого белого гусака, которого он стащил у отца Уильяма.

— Но ей-Богу же, — воскликнул волынщик, — мы с моей матушкой до последней косточки обглодали этого гуся! Только одно крылышко я дал Рыжей Мэри. Она-то и сказала пастору, что это я украл гуся.

Гусак прибрал со стола, а пак сказал:

— Сыграй-ка этим дамам!

Волынщик начал играть, и банши пошли танцевать. Они отплясывали, пока у них не подкосились ноги. Тогда пак сказал, что нужно заплатить музыканту, и каждая банши вытащила по золотому и вручила волынщику.

— Клянусь зубом святого Патрика, — сказал волынщик, — теперь я богат, точно сын лорда!

— Следуй за мной, — сказал пак, — я отнесу тебя домой.

И они тут же вышли. Только волынщик приготовился усесться верхом на пака, как к нему подошел белый гусак и подал ему новую волынку.

Пак быстренько донес волынщика до Данмора и сбросил его возле мостика. Он велел ему сразу отправляться домой и на прощание сказал:

— Теперь у тебя есть две вещи, которых не было прежде, — это разум и музыка.

Волынщик дошел до материнского дома и постучался в дверь со словами:

— А ну, впусти-ка меня! Я теперь разбогател, словно лорд, и стал лучшим волынщиком во всей Ирландии!

— Ты просто пьян, — сказала мать.

— Да нет же, — говорит волынщик, — и капли во рту не было!

Когда мать впустила его, он отдал ей все золотые монеты и сказал:

— погоди еще! Послушай, как я теперь играю. И он задул в новую волынку, но вместо музыки у него получилось, будто все

гусыни и гусаки Ирландии принялись гоготать разом. Он разбудил соседей, и те принялись потешаться над ним, пока он не взялся за свою старую волынку и не исполнил им мелодичную песенку. А потом он рассказал им, что с ним приключилось в эту ночь.

На другое утро мать пошла полюбоваться на золотые монеты, однако на их месте она увидела лишь сухие листья, и больше ничего.

Волынщик отправился к пастору и рассказал ему всю историю, но пастор ни одному слову его не захотел верить, пока он не взялся за новую волынку, из которой полилось гоготанье гусаков и гусынь.

— Прочь с глаз моих, воришка! — возопил пастор.

Но волынщик и с места не сдвинулся. Он приложил к губам свою старую волынку — чтобы доказать пастору, что он рассказал ему чистую правду.

С тех пор он всегда брал только старую волынку и исполнял на ней мелодичные песенки, и до самой его смерти не было в целом графстве Голуэй лучшего волынщика, чем он.

Озеро исцеления (Легенда)

Вы видите это озеро? — спросил мой собеседник, устремляя свой взгляд на утес, возвышавшийся над Лохлейгом.^[11] — Хотя вам это и покажется невероятным, но, несмотря на всю свою непривлекательность, — вон как оно заросло ирисом и всякой другой травой, — озеро это считается самым знаменитым во всей Ирландии, вы уж поверьте мне! Млад и стар, богач и бедняк, — словом, всякий из близка и далека идет к нему, чтобы излечить цингу, язвы и прочие недуги. Как будто сам всевышний позаботился, чтобы все члены наши были целыми и невредимыми, ибо это великое несчастье, когда они отказываются служить нам. Да вот лишь на прошлой неделе побывал здесь у нас один очень важный француз. Приплелся он сюда на костылях, а домой к себе вернулся здоровехоньким, как огурчик, даю вам слово! Правда, он и расплатился с Билли Рейли недурно за то, что тот вылечил его.

— Скажите, пожалуйста! А как же это Билли Рейли вылечил его?

— Как-как! Так и вылечил! Взял шест подлинней да сунул его в озеро до самого дна, а потом вытащил на нем столько глины, сколько хватило бы и на тысячу болячек.

— Какой такой глины?

— Ну, какой? Черной, конечно! Ведь на дне озера полным-полно этой черной грязи, которой можно вылечить хоть целый свет.

— Да, стало быть, это и впрямь знаменитое озеро...

— Еще бы, конечно, знаменитое! — согласился мой собеседник. — Но не только потому, что оно исцеляет, нет-нет. Всем известно, что на дне его находится прекрасный город, в котором живет добрый народец, как две капли воды схожий с христианами. Ей-ей, истинную правду вам говорю! Шамас-а-Снейд сам видел их, когда отправился за своей пестрой коровенкой, которую у него украли.

— А кто же украл ее?

— Сейчас я вам все расскажу! Шамас — это бедный паренек, который жил со своей старой матерью в жалкой лачуге на самом гребне холма. Они перебивались кое-как, но так или иначе сводили концы с концами. Был у них клочок земли, который приносил немного картошки, да, еще вот Пеструшка давала им глоток молока. Словом, по тем временам им приходилось не так уж туго. К тому же Шамас был мастером на все руки и, когда пас корову, срезал вереск и вязал веники.

А мать продавала их в базарный день и приносила домой табаку, соли и всего прочего, без чего трудно обойтись даже бедняку.

Но вот как-то раз Шамас поднялся в горы выше обычного — он искал вереск подлинней, так как горожанки не очень-то любят низко наклоняться, а потому предпочитают веники с длинными ручками. Пеструшка его была умна, что любой из нас, грешных. Она следовала за Шамасом по пятам, словно комнатная собачонка, так что присматривать за ней почти и не надо было. В тот день она отыскала на круглой лужайке сочный мох, зеленый, как лук, и спокойно паслась. А Шамаса порядком разморило, что могло случиться со всяким в такой безоблачный летний денек, и он прилег на траву отдохнуть, — вот как мы с вами сейчас отдыхаем на этих камнях. И что же! Не успел он немножко полежать, как вдруг увидел, что вокруг него разыгрались... Кто бы вы думали? Пыхтуны! Целая толпа пыхтунов. Это эльфы такие: они никогда не вынимают трубки изо рта и очень любят ухаживать за девушками, когда те пасут в уединенных долинах коров или овец. Одни пыхтуны подбрасывали мяч, другие поддавали его ногой, а третьи подпрыгивали, словно кошки, и ловили его на лету. Все они были такие ловкие и проворные, что Шамас с восхищением следил за их игрой. Но больше всех ему понравился маленький загорелый пыхтунчик в красной шапочке, который всех подряд сбивал с ног, словно расшвыривал поганки. Раз ему даже удалось завладеть мячом, наверное, на целых полчаса. Тут уж Шамас не удержался и крикнул:

— Bravo, мой маленький игрок!

Но не успел он рта закрыть, как — шлеп! — мяч попал ему прямо в глаза, так что искры из них посыпались. Бедняга Шамас решил, что ослеп, и завопил:

— Тысяча проклятий!

Но в ответ услышал лишь громкий смех.

— С нами крестная сила! — пробормотал он. — За что?!

Тут он протер себе хорошенько глаза и почувствовал, что как будто полегчало: он уже смог различить солнце и небо. Постепенно он видел уже все — все, кроме своей коровы и проказников пыхтунов. Должно быть, они растворились в утреннем тумане. Но куда вот девалась Пеструшка? Шамас искал ее и там и сям, но он мог бы проискать ее и до сегодняшнего дня и все равно не нашел бы, и в этом нет ничего удивительного — ведь эльфы-то утащили ее за собой.

Однако Шамас-а-Снейд ничего этого не знал и отправился домой к матери.

— А где корова, Шамас? — спросила старушка.

— Да шут с ней, с коровой, матушка, — ответил Шамас. — Не знаю я, где она!

— Разве так отвечают несчастной, старой матери, ты, олух!

— Ох, матушка, не подымайте вы шума по-пустому! — сказал Шамас. — Цела она, наша старая Пеструха, никуда не делась, право же. Вот если б глаза у меня были на палках, я бы увидел, где она сейчас. Да, кстати вот, о глазах. Ну и повезло же мне! Еще немножко, и нечем бы мне стало присматривать за нашей Пеструшкой.

— О Господи! Что же такое случилось с твоими глазами?

— Да все эти пыхтуны, Господь спаси нас и помилуй. Засадили мячом мне прямо в глаза! Битый час я не видел ничего, ну ничегошенькй.

— Так, может, они и утащили нашу корову? — спросила мать.

— Не-ет, черта с два! — сказал Шамас. — Корова наша хитра, что твой судья, на то и воля Божья. И не такая она дура, чтобы идти за пыхтунами, когда я нашел для нее сегодня не траву, а просто объедение!

Так мать с сыном и проговорили всю ночь про свою корову, а утром отправились ее искать. Обыскав все вершины и низины, Шамас вдруг заметил, что из болота торчат... Эге, да никак рога его Пеструшки?

— Матушка! Матушка! — закричал он. — Я ее нашел!

— Где же, мой мальчик? — кричит старушка.

— Да вот, в болоте! — отвечает Шамас.

Тут бедная старушка как завопит не своим голосом. Со всей округи сбежались соседи и вытащили корову из болота. Побожиться можно было, что это та самая Пеструшка. А все ж не та! Вот вы скоро и сами это увидите.

Шамас и его мать отнесли мертвую скотину домой, содрали с нее шкуру, а тушу повесили над очагом. Конечно, то, что они остались без капли молока, было очень тяжело, и, хотя теперь они получили вдоволь мяса, все равно навеки его не хватило бы. Да к тому же еще соседи косо поглядывали на них: мол, что это они собираются есть дохлятину?

Но хуже всего было то, что они и в самом деле не могли есть это мясо, потому что, когда его сварили, оно оказалось жестким, как мертвечина, да еще черным, словно торф. Вы с таким же успехом могли бы вонзить зубы в дубовую доску, как в это мясо, только потом вам пришлось бы усесться подальше от стены, чтобы не разбить об нее свою башку, стараясь выдрать из этого мяса зубы. Так что в конце концов им пришлось бросить это мясо собакам. Но даже те от него отвернулись. И вот оно было выкинуто в канаву, где и сгнило.

Эта неудача стоила бедняге Шамасу много горьких слез — ведь теперь ему приходилось работать с двойным усердием. И он с зари до зари пропадал в горах за вереском.

В один прекрасный день он проходил со связкой веников на спине мимо вот этих самых холмов и вдруг увидел свою Пеструшку! Ее пасли два рыжих человечка.

— Ба, никак это корова моей матушки? — говорит Шамас-а-Снейд.

— Никак нет! — отвечает один человечек.

— Да, конечно, она! — говорит Шамас, бросая веники на землю и хватая корову за рога.

Тогда — что бы вы думали! — рыжие человечки изо всех сил гонят корову вот к этому самому обрыву. Один толчок — и она летит кувырком вместе с Шамасом, который словно прирос к ее рогам. Один всплеск, и воды озера сомкнулись над ними, и Шамас вместе с коровой пошел ко дну.

Но только Шамас-а-Снейд подумал, что пришел ему конец, как вдруг увидел перед собой великолепнейший дворец из драгоценных камней и самоцветов. И хотя он был совершенно ослеплен великолепием этого дворца, все же у него хватило ума не выпускать из рук рога своей коровенки. Мало ли что с ней могли еще сделать? А когда его пригласили зайти во дворец, он отказался.

Но вот раздался страшный шум, двери замка растворились, и оттуда вышли сто прелестнейших леди и джентльменов.

— Что нужно этому смертному? — спросил один из них, казавшийся господином.

— Мне нужна корова моей матушки! — ответил Шамас-а-Снейд.

— Но это ведь не корова твоей матери, — сказал господин.

— То есть как так! — вскричал Шамас-а-Снейд. — Да я ее как свои пять пальцев знаю!

— А где ты ее потерял? — спрашивает господин. Тут Шамас подходит к нему и выкладывает все: как он отправился в горы, увидел там пыхтунов, которые играли в мяч, как мяч попал ему в глаза и как пропала его корова.

— Пожалуй, ты прав, — говорит господин и вытаскивает кошелек. — Вот тебе за двадцать коров, получай!

— Э, нет! — говорит Шамас. — Меня на мякине не проведешь. Отдавай мою корову — и баста!

— Ну и чудака человек, — говорит господин. — Лучше оставайся здесь, поживи во дворце!

— А мне и с матушкой неплохо живется.

— Дурак! Да оставайся здесь, будешь жить во дворце.

— А мне и в матушкиной хижине хорошо, — говорит Шамас.

— Будешь гулять здесь по садам, фрукты рвать, цветочки.

— По мне, уж лучше вереск в горах рвать.

— Будешь есть и пить сладко.

— Хм, да раз Пеструха опять у меня, картошка с молоком всегда уж будут.

— Ой-ой-ой! — закричали вокруг него леди. — Неужели ты заберешь корову, которая дает нам к чаю молока?

— А что же? Моей матушке молоко нужно побольше вашего. И она получит его! Так что хватит мне зубы заговаривать. Отдавайте-ка мою корову!

Тут они окружили его и стали предлагать целые горы золота за корову, но Шамас наотрез отказался. Тогда, убедившись, что он упрям, как осел, они принялись его тузить.

Но все равно он до тех пор не выпускал из рук рога коровы, пока наконец резкий порыв ветра не вынес его из дворца. И вмиг он очутился со своей Пеструшкой на берегу озера. Вода была совсем спокойной, будто ее не тревожил никто с самого детства Адама — а это было давненько, сами понимаете.

Так-то вот. Отвел Шамас-а-Снейд свою корову домой, а уж как матушка ей обрадовалась! Но только она промолвила: «Боже мой, никак наша скотинка!» — коровенка тут же развалилась, словно сухой брикет из торфа. Таков был конец Пеструшки Шамаса-а-Снейда.

— А сейчас, — сказал мой собеседник, подымаясь с камней, — пойду-ка погляжу на мою коровенку, а то, не ровен час, утащат ее пыхтуны!

Я заверил его, что ничего подобного не случится, и на этом мы расстались.

Завороженный пудинг

Молли Роу Раферти была отпрыском — я имею в виду дочь — того самого старика Джека Раферти, который прославился тем, что всегда носил шляпу только на голове. Да и вся семейка его была со странностями, что уж верно, то верно. Так все считали, кто знал их хорошенько. Говорили даже — хотя ручаться, что это истинная правда, я не стану, чтоб не соврать вам, — будто если они не надевали башмаков или там сапог, то ходили разутые. Правда, впоследствии я слышал, что, может, это и не совсем так, а потому, чтобы зря не оговаривать их, лучше не будем даже вспоминать об этом.

Да, так, значит, у Джека Раферти было два отпрыска, Пэдди и Молли. Ну, чего вы все смеетесь? Я имею в виду сына и дочь. Все

соседи так всегда и считали, что они брат с сестрой, а правда это или нет, кто их знает, сами уж понимаете; так что с Божьей помощью и говорить нам тут не о чем.

Мало ли какие еще безобразия про них рассказывали, даже и повторять тошно. Вот будто и старый Джек и Пэдди, когда ходят, сначала одной ногой шагают вперед, а потом уж только другой, все не как у людей.

А про Молли Роу говорили, что у нее престранная привычка, когда спит, закрывать глаза. Если это и в самом деле так, тем хуже для нее, ведь даже ребенку ясно, что когда закроешь глаза, то ничего ровным счетом не видно.

В общем-то, Молли Роу была девушка что надо: здоровая, рослая, упитанная, а миленькая головка ее горела словно огонь — это из-за огненно-рыжих волос. Потому ее и прозвали Молли Роу, то есть Рыжая. Руки и шея у нее по цвету не уступали волосам. А такого премиленького приплюснутого и красного носа вы уж, наверное, ни у кого не встречали. Да и кулаки — ведь Бог наградил ее еще и кулаками — очень сильно смахивали на большущие брюквы, покрасневшие на солнце.

И — чтобы уж до конца говорить только правду — по нраву она была тоже огонь, как и ее голова, и ничего в этом удивительного нет, ну, горячая, так ведь кто не испытал на себе сердечной теплоты всех Раферти? А так как Бог ничего не дает напрасно, то здоровые и красные кулачищи Молли — если только все, что мы сказали о них, была правда — служили ей не для украшения, а для дела. Во всяком случае, имея в виду ее бойкий характер, можно было не опасаться, что они изнежатся от безделья, и на это уж имелись верные подтверждения.

Ко всему, она еще и косила на один глаз, правда, в некотором роде это даже шло ей. Но ее будущему бедняге мужу, когда бы она завела его, следовало бы на всякий случай вбить себе в голову, что она видит все даже за углом и, уж конечно, раскроет все его темные делишки. Хотя ручаться, что это именно потому, что она косая, я не стану, чтоб не соврать вам.

Ну вот, и с Божьего благословения Молли Роу влюбилась. Так случилось, что по соседству с ней жил врожденный бродяга по прозвищу Гнус Джилспи, который страдал даже еще большей

красотой, чем она сама. Гнус, да хранит нас Всевышний, был, что называется, проклятым пресвитерианцем и не желал признавать сочельник — вот нечестивец-то, — разве что только, как говорится, по старому стилю.

Особенно хорош Гнус был, если разглядывать его в темноте, впрочем, как и сама Молли. Что ж, ведь доподлинно известно, если верить слухам, что именно ночные свидания и предоставили им счастливый случай уединиться от всех людей, чтобы обрести друг друга. А кончилось все тем, что вскоре обе семьи стали уже всерьез подумывать о том, что же делать дальше.

Брат Молли, Пэдди О'Раферти, предложил Гнусу два выхода на выбор. Говорить о них, может, и не стоит, однако один поставил-таки Гнуса в тупик, но, хорошо зная своего противника, Гнус довольно быстро уступил. Так или иначе, свадьбы было не миновать. И вот решили, что в следующее же воскресенье преподобный Сэмюел М'Шатл, пресвитерианский священник, соединит влюбленных.

А надо вам сказать, что за все последнее время это была первая свадьба между проклятым иноверцем и католичкой, ну и, конечно, с обеих сторон посыпались возражения. Если бы не одно обстоятельство, этой свадьбе никогда не бывать. Правда, дядя невесты, старый колдун Гарри Конноли, мог бы успокоить всех недовольных с помощью средства, известного ему одному, но он вовсе не желал, чтобы его племянница выходила замуж за такого парня, а потому всеми силами противился этому браку. Однако все друзья Молли не обращали на него внимания и стояли за свадьбу. И вот, как я уже говорил вам, было назначено воскресенье, которое навсегда бы соединило влюбленную парочку.

Долгожданный день настал, и Молли, как ей и подобало, отправилась слушать мессу, а Гнус — в молитвенный дом. После этого они должны были снова встретиться в доме Джека Раферти, куда после обедни собирался заглянуть и католический священник, отец М'Сорли, чтобы отобедать с ними и составить компанию пресвитеру М'Шатлу, который и должен был соединить молодых.

Дома не осталось никого, кроме старого Джека Раферти и его жены. Ей надо было состряпать обед, потому что, по правде говоря, несмотря ни на что, ожидался пир горой.

Быть может, если бы знать все наперед, этому самому отцу М'Сорли следовало, помимо обедни, совершить еще обряд венчания — ведь друзей Молли все-таки не очень устраивало, как освящает брак пресвитер. Но кто бы стал об этом заботиться: свадьба тут — свадьба там?

И вот что я вам скажу: только миссис Раферти собралась завязать салфетку с большущим пудингом, как в дом вошел разъяренный Гарри Конноли, колдун, и заорал:

— Громом вас разрази, что вы тут делаете?!

— А что такое, Гарри? Что случилось?

— Как что случилось? Ведь солнце-то скрылось совсем, а луна взошла и вон уж куда подскочила! Вот-вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и трижды перекреститесь во имя четырех великомучениц! Вы разве не знаете, как говорит пророчество: «Скорее наполни горшок до краев» (он, наверное, хотел сказать: не переполняйте чаши терпения). Вы что, каждый день видите, как наше светило проваливается в тартарары? Выходите скорее, говорю я вам! Взгляните на солнце и увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

О Господи, тут Джек как бросится к двери, и жена его поскакала, словно двухгодовалая кобылка. Наконец оба очутились за домом, возле перелаза через изгородь, и принялись высматривать, что не так в небе.

— Послушай, Джек, — говорит ему жена, — ты что-нибудь видишь?

— Лопни мои глаза, ничего, — отвечает он. — Разве только солнце, которое скрылось за облаками. Слава Богу, ничего как будто не стряслось.

— А если не стряслось, Джек, что же такое с Гарри, ведь он всегда все знает?

— Боюсь, это все из-за свадьбы, — говорит Джек. — Между нами, не так уж благочестиво со стороны Молли выходить замуж за проклятого иноверца, и если бы только не... Но теперь уж ничего не поделаешь, хотя даже вот само солнце отказывается смотреть на такие дела.

— Ну, уж что до этого, — говорит жена, заморгав глазами, — раз Гнусу подходит наша Молли, то и слава Богу. Только я-то знаю, в чьих

руках будет плетка. И все-таки давай спросим Гарри, что это с солнцем.

Они тут же вернулись в дом и задали Гарри вопрос:

— Гарри, что же такое стряслось? Ведь ты один во всем свете можешь знать, что случилось.

— О! — сказал Гарри и поджал рот в кривой усмешке. — У солнца колики, его всего скрючило, но не обращайтесь внимания. Я только хотел вам сказать, что свадьба будет еще веселее, чем вы думали, вот и все. — И с этими словами он надел шляпу и вышел.

Что ж, после такого ответа оба вздохнули свободно, и, крикнув Гарри, чтобы он возвращался к обеду, Джек уселся со своей трубкой и хорошенько затянулся, а его жена, не теряя времени, завязала салфетку с пудингом и опустила его в горшок вариться.

Какое-то время все так вот и шло, спокойно и гладко. Джек попыхивал своей трубкой, а жена готовила, стряпала, словом, торопилась, как на охоте. Вдруг Джеку — он все еще сидел, как я и сказал, устроившись поудобнее у очага, — почудилось, будто горшок шевелится, словно пританцовывает. Ему это показалось очень странным.

— Кэтти, — сказал он, — что за чертовщина у тебя в этом горшке на огне?

— Обыкновенный пудинг, и больше ничего. А почему ты спрашиваешь?

— Ого, — говорит он, — разве горшок станет ни с того ни с сего танцевать джигу, а? Гром и молния, погляди-ка на него!

Батюшки! И в самом деле горшок скакал вверх, вниз, из стороны в сторону, такую джигу отплясывал, только держись. Но любому было сразу видно, что он танцует не сам по себе, а что-то там внутри заставляет его выписывать подобные кренделя.

— Клянусь дырками моего нового пальто, — закричал Джек, — там кто-то живой, иначе горшок никогда бы не стал так подпрыгивать.

— О Господи, ты, наверно, прав, Джек. Тут дело нечисто, кто-то забрался в горшок. Вот горе-то! Что же нам теперь делать?

И только она это сказала, горшок как подпрыгнет, точно прима-балерина какая-нибудь. И от такого прыжка, который утер бы нос любому учителю танцев, с горшка слетела крышка, из него

собственной персоной выскочил пудинг и ну скакать по комнате, словно горошина на барабане.

Джек стал божиться, Кэтти креститься. Потом Джек закричал, а Кэтти завопила:

— Во имя всего святого, не подходи к нам! Тебя никто не хотел обижать!

Но пудинг направился прямо к Джеку, и тот вскочил сначала на стул, а потом на кухонный стол, чтобы улизнуть от пудинга. Тогда пудинг поскакал к Кэтти, и она во всю глотку стала выкрикивать свои молитвы, а этот ловкий пройдоха пудинг подсакивал и пританцовывал вокруг нее, как будто забавлялся ее испугом.

— Если б только достать мне вилы, — заговорил Джек, — я б ему показал! Я бы всю душу из него вытряс!

— Что ты, что ты! — закричала Кэтти, испугавшись, что в этом деле замешано колдовство. — Давай поговорим с ним по-хорошему. Мало ли, на что еще он способен. Ну, успокойся, — обратилась она к пудингу, — успокойся, миленький. Не трогай честных людей, которые даже не собирались тебя обижать. Ведь это не мы, ей-ей не мы, это старый Гарри Конноли заморозил тебя. Гоняйся за ним, если тебе так уж хочется, а меня, старуху, пожалей. Ну, тише, тише, голубчик, не за что меня так пугать, вот те крест — не за что.

Что ж, пудинг, казалось, внял словам женщины и поскакал от нее опять к Джеку. Но тот, убедившись вслед за женой, что пудинг и впрямь заколдован, а стало быть, разговаривать с ним лучше помягче, решил, подобно жене, обратиться к нему с самыми нежными словами.

— Верьте, ваша честь, — сказал Джек, — моя жена говорит сущую правду. Клянусь здоровьем, мы были бы чрезвычайно благодарны вам, если бы ваша честь немного успокоились. Конечно, мы прекрасно понимаем, не будь вы истинным джентльменом, вы вели бы себя совершенно иначе. Гарри, старый негодник, вот кто вам нужен! Он только-только прошел по этой дороге, и если ваша честь поспешит, вы его вмиг нагоните. Однако, клянусь моим отпрыском, учитель танцев не зря тратил на вас время! Всего хорошего, ваша честь. Гладенькой вам дорожки! Желаю вам не повстречаться со священником или ольдерменом!

Когда Джек кончил, пудинг, казалось, понял его намек и, не торопясь, поскакал к выходу, а так как дом стоял у самой дороги,

пудинг сразу же свернул к мосту по тому самому пути, которым только что прошел старый Гарри.

Само собой, конечно, Джек и Кэтти выбежали следом за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет, а так как день был воскресный, то, само собой, конечно, по дороге шло народу больше, чем обычно. Что верно, то верно. И когда все увидели, как Джек и его жена бегут за пудингом, вскоре, наверное, целая округа увязалась за ними.

— Что случилось, Джек Раферти? Кэтти, да скажите наконец, что все это означает?

— Ах, это все мой праздничный пудинг! — ответила Кэтти. — Его заморозили, и вот теперь он спешит по горячим следам за... — но тут она запнулась, не желая произносить имени своего родного брата, — за тем, кто его заморозил.

Этого оказалось достаточно. Встретив поддержку, Джек снова обрел отвагу и говорит Кэтти:

— Ступай-ка ты назад! И, не мешкая, приготовь новый пудинг, да не хуже того, первого. Кстати, вот и Бриджет, жена Пэдди Скэнлена. Она предлагает тебе варить его у них дома. Ведь на своем очаге тебе придется готовить остальной обед. А сам Пэдди одолжит мне вилы, чтобы преследовать нахального беглеца до тех пор, пока с помощью моих верных соседей я не подколю его.

Все согласились с этим, и Кэтти вернулась готовить новый пудинг. А тем временем Джек и добрая половина всех жителей пустились в погоню за тем, первым, прихватив с собою лопаты, заступы, вилы, косы, цепи и прочие орудия, какие только бывают на свете. Однако пудинг несся вперед, делая почти что шесть ирландских миль в час — неслыханная скорость!

Католики, протестанты, пресвитерианцы — кто только не гнался за ним — и все вооруженные до зубов, как я уже говорил вам. И если б бедняга не так спешил, ему бы плохо пришлось. Но вот он подскочил, и кто-то хотел уже посадить его на вилы, да только пудинг подпрыгнул еще выше, и какой-то проныра, желая отломить от него кусок с другого боку, получил вместо пудинга вилы себе в бок. А Большой Фрэнк Фарелл, мельник из Бэллибул-тина, получил удар в спину, от которого так завопил, что слышно было, наверно, на другом конце прихода. Кто-то отведал острой косы, кто-то тяжелого цепа, а кто и легкой лопаты, от которой искры из глаз посыпались.

— Куда он идет? — спрашивал один. — Клянусь жизнью, он направляется в молитвенный дом на собрание. Да здравствуют пресвитерианцы, если только он свернет на Карнтолу.

— Душу вынуть из него надо, если он протестант, — орали другие. — Если он повернет налево, на блины раскатать его мало! Мы не потерпим у себя протестантских пудингов!

Ей-Богу, добрые соседи вот-вот готовы были из-за этого уже передрасться, как вдруг, на их счастье, пудинг свернул в сторонку и стал спускаться по узенькой боковой тропинке, которая вела прямо к дому методистского проповедника. Ну, тут уж все партии принялись единодушно поносить методистский пудинг.

— Да он вовсе методист! — закричало несколько голосов. — Но все равно, кто бы он ни был, а в методистской церкви ему сегодня не бывать. Вот мы ему сейчас покажем! Вперед, ребята, берись-ка за вилы!

И все очертя голову бросились за пудингом, но не так-то просто было схватить его. Они уж думали, что прижали его к церковной ограде, как пудинг вдруг ускользнул от них, махнул через ограду, прыгнул в реку и стал быстро-быстро уплывать, прямо у них на глазах, легкий, будто скорлупка.

А надо вам сказать, что пониже этого места, вдоль самой воды, по обоим берегам речки висилась ограда владений полковника Брэгшоу. И как только преследователи натолкнулись на такое препятствие, они тут же разошлись по домам, все до одного, и мужчины, и женщины, и даже дети, не переставая, однако, ломать себе голову, что это за пудинг такой, куда он спешит и что у него на уме.

Конечно, если б Джек Раферти и его жена вздумали поделиться с ними своим мнением, что это Гарри Конноли заморозил пудинг — в чем они несколько не сомневались, — бедняге Гарри пришлось бы худо от распаленной страстями толпы. Но у них хватило ума оставить это мнение при себе — ведь старый холостяк Гарри был верным другом семьи Раферти. И вот, само собой, поползли разные толки: одни говорили одно, другие другое; партия католиков утверждала, что пудинг ихний, а партия пресвитерианцев отрицала это и настаивала, что нет, он их веры, и все в таком роде.

А тем временем Кэтти Раферти была уже дома и, боясь опоздать к обеду, быстренько приготовила новый пудинг, точь-в-точь такой же,

как тот, первый, что убежал. Потом отнесла его к соседке, в дом Пэдди Скэнлена, опустила в горшок и поставила на огонь вариться. Она надеялась, что пудинг будет готов вовремя: ведь они ожидали в гости самого пастора, а тот, как истинный европеец, совсем не прочь был отведать добрый кусок теплого пудинга.

Словом, время летело. Гнус и Молли стали мужем и женой, и более влюбленной парочки вы, наверное, не встречали. Друзья, приглашенные на свадьбу, прогуливались перед обедом, разделившись на дружественные маленькие кружки, болтали и смеялись. В центре всеобщего внимания был пудинг; все стремились установить его личность, потому что, говоря по правде, о его приключениях толковал, наверное, уже весь приход.

Обед между тем приближался. Пэдди Скэнлен сидел с женой у огня и, устроившись поудобнее, ждал, когда закипит пудинг. Вдруг к ним врывается взволнованный Гарри Конноли и кричит:

— Громом вас разрази, что вы тут делаете!

— А что такое, Гарри? Что случилось? — спрашивает миссис Скэнлен.

— Как что случилось? Ведь солнце-то скрылось совсем, а луна вон уже куда подскочила! Вот-вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и поглядите на солнце, говорю я вам! Вот увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

— Постой-ка, Гарри, что это у тебя торчит сзади из-под куртки, а?

— Да бегите скорей! — говорит Гарри. — И молитесь, чтоб не было светопреставления, ведь небо уж падает!

Ей-Богу, трудно даже сказать, кто выскочил первым: Пэдди или его жена — так напугал их бледный и дикий вид Гарри и его безумные глаза. Они вышли из дома и принялись искать, что такого особенного в небе. Смотрели туда, смотрели сюда, но так ничего и не высмотрели, кроме яркого солнца, которое преспокойно садилось, как обычно, да ясного неба, на котором не было ни облачка.

Пэдди и его жена тут же повернули со смехом обратно, чтобы распечь как следует Гарри — тот и в самом деле был большой шутник.

— Чтоб тебе пусто было, Гарри... — начали было они.

Но больше ничего не успели сказать, так как в дверях столкнулись с самим Гарри. Он вышел, а за ним следом из-под куртки тянулась

тонкая струйка дыма, словно из печи.

— Гарри, — закричала Бриджет, — клянусь моим счастьем, у тебя горит хвост куртки! Ты ведь сгоришь! Разве не видишь, как из-под нее дым идет!

— Трижды перекрестись, — проговорил Гарри, продолжая идти и даже не оглядываясь, — ибо пророчество говорит: скорее наполни горшок до краев...

Но более ни слова до них не долетело, так как Гарри вдруг начал вести себя как человек, который несет что-то слишком горячее — так, во всяком случае, можно было подумать, глядя на поспешность его движений и на странные гримасы, которые он строил, удаляясь от них.

— Что бы такое он мог унести под полой куртки, черт возьми? — гадал Пэдди.

— Батюшки, а не стянул ли он пудинг? — спохватилась Бриджет. — Ведь за ним водятся и не такие еще делишки.

И оба тут же заглянули в горшок, но пудинг оказался на месте — цел и невредим. Тогда они еще больше удивились: что же такое в конце концов он унес с собой?

Но откуда им было знать, чем был занят Гарри Конноли, пока они глазели на небо!

Так или иначе, а день кончился. Угощение было готово, и уже собралось избранное общество, чтобы отведать его. Пресвитер встретился с методистским проповедником еще по дороге к дому Джека Раферти. В предвкушении еды у него разгорелся дьявольский аппетит. Он прекрасно понимал, что может позволить себе этакую вольность, а потому даже настоял, чтобы методистский проповедник обедал с ним вместе. Что ж, в те времена, слава Богу, священнослужители всех вероисповеданий жили в мире и согласии, не то что теперь, ну да ладно.

И вот обед уже подходил к концу, когда сам Джек Раферти спросил Кэтти про пудинг. И не успел спросить, как пудинг тут же явился, большой и важный, как походная кухня.

— Господа, — обращается ко всем Джек Раферти, — надеюсь, никто из вас не откажется отведать по ломтику пудинга. Я имею в виду, конечно, не того плясуна, который пустился сегодня путешествовать, а его славного добропорядочного близнеца, которого приготовила моя женушка.

— Будь спокоен, Джек, не откажемся! — отвечает пресвитер. — Ты положи-ка вот на эти три тарелки, что у тебя под правой рукой, по хорошему ломтю и пришли сюда, чтоб уважить духовенство, а мы уж постараемся, — продолжал он, посмеиваясь, потому что был большой весельчак и любил поострить, — мы уж постараемся показать всем хороший пример.

— От всего сердца примите мою нижайшую благодарность, господа, — сказал Джек. — Могу поручиться, что в подобных делах вы всегда показывали и, надеюсь, будете показывать нам самый лучший пример. И я только хотел бы иметь более достойное угощение, чтобы предложить его вам. Но мы ведь люди скромные, господа, и, конечно, вам вряд ли удастся найти у нас то, к чему вы привыкли в высшем обществе.

— Лучше яичко сегодня, — начал методистский проповедник, — чем насадка...

«Завтра», — хотел он кончить, но запнулся, потому что, к его великому изумлению, пресвитер вдруг поднялся из-за стола, и не успел проповедник отправить в рот первую ложку пудинга и сказать Джек Робинсон,^[12] как его пресвитерианское преподобие пустился отплясывать превеселую джигу.

В эту самую минуту вбегает в комнату соседский сын и говорит, что к ним идет приходский священник, чтобы поздравить молодых и пожелать им счастья. И только он сообщил эту радостную весть, как священник уже появился среди пирующих. Однако сей святой отец не знал, что и подумать, когда увидел пресвитера, кружащегося по комнате, словно обручальное колечко. Правда, особенно размышлять ему было некогда, потому что не успел он сесть, как тут вскакивает и методистский проповедник и, сделав руки в боки, таким залихватским манером пускается вслед за его пресвитерианским преподобием.

— Джек Раферти, — говорит католический отец (да, между прочим, Джек был его арендатором), — что это все означает? Я просто удивлен!

— И сам не знаю, — говорит Джек. — Отведайте вот лучше этого пудинга, ваше преподобие, чтоб молодым было чем похвастать: мол, сам святой отец угощался у них на свадьбе. А ежели вы не будете, то и никто не станет.

— Ладно уж, ладно, — соглашается священник, — разве чтоб уважить молодых. Только совсем немного, пожалуйста. Однако, Джек, это настоящий разгул, — продолжал он, отправляя себе в рот полную ложку пудинга. — Что же получается, уже все напились?

— Черта с два! — отвечает Джек. — Сдается мне, эти джентльмены успели хватить где-то раньше, хотя дом мой полон вина. Куда-нибудь уже заглянули. А что я могу поделаться...

Но не успел Джек закончить, тут вдруг сам святой отец — а он был человек такой прыткий — как подскочит на целый ярд; и не успел никто глазом моргнуть, как уже все три священнослужителя отплясывали, да так старательно, словно их нанял кто.

Ей-ей, у меня не хватает слов, чтобы описать, что сделалось с добрыми прихожанами, когда они увидели подобные дела. Некоторые давились от смеха, другие отводили в недоумении глаза; большинство считало, что преподобные отцы просто спятили, а все остальные полагали, что они, наверное, прикидываются, как это частенько с ними бывает.

— Вон их! — кричал один. — Можно со стыда сгореть, глядя на таких служителей церкви. Богохульники! Еще совсем рано, а они уже ни на кого не похожи!

— Вот так чертовщина, да что это с ними? — удивлялись другие.

— Можно подумать, их заморозил кто. Святой Моисей, вы только поглядите, какие прыжки выделывает методистский проповедник! А пресвитер-то, пресвитер! Кто бы мог подумать, что он умеет так быстро работать ногами! Ей-Богу, он выкидывает коленца и отбивает чечетку не хуже самого учителя танцев Пэдди Хорегана! Смотрите-ка, и священник туда же! Ах, будь ему неладно, ведь не хочет отстать от этих заводил. Да еще в воскресенье, тьфу! Эй, господа, вы что, шуты разве? Пфф, тогда пожелаем успеха!

Но тем было не до шуток, сами понимаете. Представьте же себе, что они почувствовали, когда вдруг увидели, как и сам старый Джек Раферти тоже пустился вприпрыжку вместе с ними, да еще так лихо начал отплясывать, что даже их за пояс заткнул. Право слово, ни одно зрелище не могло бы сравниться с этим. Со всех сторон только и слышались, что смех да подбадривающие крики, все хлопали в ладоши как безумные.

Ну, а когда Джек Раферти бросил резать пудинг и вышел из-за стола, его место сразу же занял старый Гарри Конноли: для того, конечно, чтобы и дальше посылать по кругу пудинг. И только он сел, в комнату вошел — ну кто бы вы думали? — сам Барни Хартиган, волынщик.

К слову сказать, за ним посылали еще днем, но тогда его не застали дома, а потому он не получил вовремя приглашения и не смог прийти раньше.

— Ба! — удивился Барни. — Раненько вы начали, господа! К чему бы это? Но черт подери, вы не останетесь без музыки, пока есть воздух в моей волынке!

И с этими словами он исполнил для всех «Рыбью джигу», а потом «Поцелуй меня, красотка», — в общем, старался, как мог.

Веселье разгоралось дальше — больше, ведь старый плут Гарри оставался все время у пудинга, и этого забывать не следует! Быть может, он нарочно не спешил обносить пудингом всех сразу. Первой он предложил невесте, и не успели бы вы ахнуть, как она уже отплясывала рядом с методистским проповедником, а тот, чтобы не отстать от нее, так бойко подпрыгнул, что все просто со смеху покатались. Гарри пришлось это по вкусу, и он решил тут же подобрать партнеров и остальным. Не теряя ни секунды, он роздал всем пудинг, и вот, кроме него самого да волынщика, во всем доме не осталось ни одной пары каблуков, которая не отплясывала бы так старательно, как будто от этого зависела сама жизнь.

— Барни, — не удержался Гарри, — попробуй и ты кусочек этого пудинга! Клянусь, ты в жизни не ел такого вкусного пудинга. Ну же, голубчик! Возьми вот хоть столечко. До чего ж хорош!

— Конечно, возьму, — сказал Барни. — Вот еще, от добра отказываться, не на такого напали. Только не тяни, Гарри! Ведь сам знаешь, руки у меня заняты. Разве это дело, оставлять всех без музыки? Все так хорошо под нее пляшут. Вот спасибо, Гарри! И в самом деле, знаменитый пудинг. Ай, батюшки-светы, что это...

Не успел он это выговорить — и вдруг как подскочит вместе со своей волынкой, как кинется в самую гущу танцующих.

— Ура! Вот это веселье, черт возьми! Да здравствуют жители Бэллибултина! А ну, еще разок, ваше преподобие, поверните-ка вашу

даму! Так, на носок, теперь на пятку. Красота! Еще разок! Так! Ура-а-а! Да здравствует Бэллибултин и ясное небо над ним!

Более прискорбного зрелища, чем это, свет еще не видал и, наверное, не увидит. Так я полагаю. Однако худшее их ожидало еще впереди. Когда веселье было в самом разгаре, вдруг посреди танцующих появился — ну кто бы вы думали? — еще один пудинг, такой же проворный и веселенький, как тот, первый! Это было уж слишком. Все, в том числе и священники, конечно, наслышались о странном пудинге, а многие даже видели его и знали уж наверное, что он был заморожен.

Да, так вот, как я сказал, пудинг протиснулся в самую толпу танцующих. Но одного его появления оказалось достаточно: сначала три преподобных отца, приплясывая, поспешили прочь, а за ними и все свадебные гости вприпрыжечку, скорей, скорей, каждый к своему дому. И все продолжали плясать, ни о чем не могли остановиться, хоть убей их.

Ну, право же, разве не грешно было смеяться над тем, как приходский священник приплясывал по дороге к своему дому, а пресвитер и методистский проповедник вприпрыжку скакали в другую сторону.

Словом, все в конце концов доплясали до своего дома и даже не запыхались. Жених с невестой доплясали до кровати. А теперь и мы с вами давайте спляшем.

Только перед тем как сплясать, чтобы уж все было ясно, я хочу рассказать вам, что, когда Гарри пересекал в Бэллибултине мост, что на две мили пониже ограды владений полковника Брэгшоу, он вдруг увидел плывущий по реке пудинг. Что ж, Гарри, конечно, подождал его и, как сумел, вытащил. Пудинг выглядел совершенно свеженьким, сколько вода ни старалась. Гарри спрятал его под полу своей куртки и, как вы уже, наверное, догадались, весьма ловко подсунул его, пока Пэдди Скэнлен и его жена разглядывали небо. А новый пудинг заколдовал так же просто, как и первый — напустил на него колдовские чары, и все тут, — ведь всем хорошо было известно, что этот самый Гарри на короткой ноге с бесами.

Что ж, вот я вам и рассказал про приключения спятившего пудинга из Бэллибултина. А что произошло с ним дальше, я, пожалуй, рассказывать не стану, чтоб не соврать вам.

ВАЛЛИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Из двухтомника «Британские сказки» Эмейбл Уильямс-Эллис, оксфордского издания Гвин Джонса и собрания Джозефа Джекобса

ИЗ ЛЕГЕНД О КОРОЛЕ АРТУРЕ

I. Поиски Олвен

ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ

Так хотел сам король Килис, чтобы жена его была такого же знатного рода, что и он сам. И вот он женился на принцессе Голайсид. Все были довольны и с нетерпением ждали, чтобы у них родились дети. Лучше, если сын, наследник. И сын родился. Его нарекли Килух; он приходился двоюродным братом королю Артуру.

Но королева Голайсид тяжело заболела и, чувствуя, что скоро умрет, позвала к себе мужа, могущественного короля, и сказала:

— Скоро я умру, и ты захочешь снова жениться. И все твои ценности и богатства окажутся в руках новой жены, я это знаю. Так не дай свершиться злему делу — пусть у нашего сына будет все, что ему принадлежит по праву! Исполни только одну мою просьбу, и я спокойно умру.

— С охотой выполню любую твою просьбу! — сказал король.

— Обещай, что не женишься до тех пор, пока на моей могиле не вырастет красный шиповник.

— Обещаю, — сказал король, впрочем, без всякой охоты.

Королева позвала к себе служителя при кладбище и наказала ему так тщательно пропалывать и подметать ее могилу, чтобы ни травинки, ни цветочка не выросло на ней.

С этим она спокойно умерла.

Семь лет служитель беспрекословно выполнял наказ королевы. Напрасно король каждое утро посылал слуг на кладбище — посмотреть, не вырос ли на ее могиле красный шиповник. Увы, всякий раз он получал один ответ: «Нет еще!»

Но вот служитель церкви состарился и обленился. Постепенно он совсем забросил могилу королевы. И однажды, когда король возвращался с охоты домой и проезжал мимо кладбища, он увидел, что на могиле королевы вырос какой-то куст. Он подъехал ближе, оказалось — это шиповник.

Красный шиповник!

И в скором времени король снова женился. Жену он взял опять из знатного рода. Она была вдовой короля Догёда, от которого у нее осталась одна-единственная дочка.

Конечно, все королевские ценности и богатства оказались в руках у новой королевы. Все, кроме одного: королевского сына, Килуха. О нем она и не слыхала, никто не счел нужным поведать ей об этом королевском сокровище. А что в этом такого удивительного?

Но в один прекрасный день, гуляя по королевским угольям, королева набрела на жалкую хижину. Она вошла и увидела у огня сгорбленную старуху. Поговорив о том о сем, королева спросила у нее:

— А что, были у нашего короля дети от прежней королевы?

— Нет, детей не было, — прошамкала старуха.

— Какая я несчастная женщина! — воскликнула королева. — Вышла замуж за человека, у которого даже детей не было!

— Детей не было, а сын есть, — сказала тогда старуха, пожалев королеву. — Принц Килух!

Рассерженная королева поспешила в замок к своему мужу, королю, за ответом.

— Почему вы скрыли от меня принца Килуха? Потому-то и потому-то, сказал король и пообещал больше так не делать.

В тот же день принца Килуха позвали к королеве.

— Какой красивый у меня пасынок! — сказала королева. — И уже не мальчик. Пора тебе подумать о женитьбе. — Тут она поманила к себе свою родную дочку. — А вот и достойная невеста для любого принца!

Но принц покачал головой:

— Я еще слишком молод, чтобы выбирать себе жену. Боюсь, мне придется отказаться от вашей дочки.

Королева ужасно разгневалась и пригрозила:

— Если ты не женишься на моей дочке, я найду на тебя злую судьбу. Вот мое предсказание: если ты не женишься на моей дочке, то и вовсе не женишься, пока не найдешь Олвен, дочь Великана-из-Великанов.

Не успели с уст королевы слететь эти слова, как в сердце принца Килуха зажглась любовь к незнакомой ему Олвен. Он даже изменился в лице, и его отец, король, обеспокоившись, спросил:

— Сын, сын мой, отчего ты краснеешь и бледнеешь, бледнеешь и краснеешь, что с тобой?

— Я краснею и бледнею от предсказания моей мачехи, — ответил Килух. — Как я завоюю сердце юной Олвен, если не знаю даже, где ее найти? Может, вы знаете, отец?

— Увы, нет, мой сын, — отвечал король. — А то, конечно, поведал бы тебе. Я и слыхом не слыхал об этой девушке. Но утешься: у тебя есть двоюродный брат — славный король Артур. Ступай же в Камелот к королю Артуру, позволь ему остричь твои волосы в знак верности и послушания, и тогда он исполнит любую твою просьбу. В присутствии отважных рыцарей и златокудрых жен нашего острова ты расскажешь ему про Олвен и про все остальное.

— Что ж, коли другого не остается, сделаем так, — сказал юный Килух. — Зачем ехать завтра, если можно поехать сегодня. Прощайте!

И, обнявшись с отцом, оказав ему все почести, приличествующие королю, юный Килух покинул отцовский замок и отправился ко двору своего брата Артура.

ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

Под ним был резвый скакун, четырехлеток, с седой гривой, звонкими копытами и золотой уздечкой. Седло блестело золотом и драгоценными камнями. В одной руке — два острых копья с серебряными наконечниками. На поясе — боевой топорик, которым он рассекал ветер быстрее, чем падает в июньский вечер капля росы со стебля наземь. На боку — широкий золотой меч с золотой рукоятью. За плечами — круглый щит с золотым орнаментом и с шишкой из слоновой кости.

Впереди бежали две рыжие с белым брюхом борзые в широких золотых ошейниках, охватывающих шею от плеча до ушей. Они летели перед ним словно белорудые чайки.

Со спины юноши свисал атласный пурпурный плащ; по углам его красовалось четыре золотых яблока, каждое дороже ста коров, не меньше. А чулки из золотых чешуек и стремяна обошлись, наверное, по триста коров каждое.

Конь так плавно стелился по земле, что на голове Килуха ни один волосок не шелохнулся за все время пути от отцовского дома до ворот замка короля Артура в Камелоте. Лишь комья земли летели из-под копыт скакуна, словно черные ласточки над зеленым полем.

Достигнув ворот замка, Килух крикнул:

— Эй, есть тут привратник?

— Есть! Но лучше уходи, откуда пришел! — был грубый ответ.

— Как звать тебя, чтобы я знал и помнил, кто мой обидчик? — рассердился Килух.

— Глулайд Мертвая Хватка, привратник короля Артура в каждый первый день января.

— Раз ты на сегодня королевский привратник, так открывай мне ворота замка!

— Не открою!

— Почему?

— Уже вонзен нож в сочное мясо, налито вино в кубки и полно гостей в замке Артура. Если ты сын законного короля одного из наших владений или мастер, желающий показать свое ремесло, я открою ворота, а нет — уходи! Вон видишь постоялый двор? Там ты найдешь мясо для своих собак и овес для лошадей, а для себя наперченные отбивные, пенистое пиво и подходящих собеседников. Можешь прийти завтра в три часа пополудни, когда откроют ворота замка, чтобы выпустить сегодняшних гостей.

— Это мне не подходит, — сказал Килух. — Лучше отвори ворота, не то я ославлю и короля Артура, и тебя, его привратника. Я издам три таких страшных клича здесь у ворот, что земля от ужаса содрогнется.

— Ори себе на здоровье, — сказал спокойно Глу-лайд Мертвая Хватка, привратник. — Все равно тебе не войти в ворота, пока я не спрошу разрешения у Артура.

И Глулайд вошел в пиршественную залу. Король Артур спросил его:

— Ты с вестями от ворот нашего замка?

— Да, господин. Я прожил уже две трети жизни, ты тоже. Мы были вместе в походах, в сражениях, на охоте и на пирах. И я пойду за тобой до конца, каков бы ни был этот конец. Много красивых мужей мы повидали, мой король, но не такого, какой стоит сейчас у твоих ворот.

— Так впусти его в замок! — сказал Артур. — Ему поднесут вина в золотом кубке и подадут жареного барашка. Какой стыд оставлять на ветру под дождем столь прекрасного мужа! Ты согласен со мною, Кай?

— Клянусь рукою друга, — отвечал Упрямый Кай, что сидел за столом рядом с Артуром, — даже ради столь прекрасного мужа не следует нарушать придворные обычаи и порядки, коли вы спрашиваете моего совета.

— Ты не совсем прав, Кай, — укорил его Артур. — Надо великодушней встречать достойных мужей. Чем больше щедрости мы проявим, тем громче будет наша слава.

И Глулайд пошел отворять ворота.

Не слезая с коня, Килух въехал по ступеням замка прямо в пиршественную залу и опустил поводья перед троном короля Артура.

— Приветствую тебя, мой король и повелитель! — сказал он.

— Я рад тебе! — ответил Артур. — Прошу отведать нашей еды и выслушать певцов, а завтра, когда я кончу раздавать дары, готов служить тебе.

— Благодарю тебя за гостеприимство, но не за тем приехал я к тебе, мой король, — гордо ответил Килух. — А с великой просьбой!

— Скажи — какой! — молвил Артур. — И она будет исполнена, не сомневайся. Разве сомневаешься ты, что ветер сушит, дождь мочит, солнце всходит и заходит, море разливается, а земля простирается? Но только если твоя просьба в согласии с нашей честью!

— Я прошу пострижения! — сказал Килух.

— Твоя просьба исполнится, — пообещал Артур. — Ты делаешься мне все более мил. Чую сердцем, ты мне родня. — И, взяв золотой гребень и ножницы, украшенные серебром, Артур срезал золотые кудри Килуха. — А теперь, — спросил король, — скажи мне, кто ты? — И, услышав ответ, воскликнул: — Так, значит, ты мой двоюродный брат! Любые дары проси у меня, все, что хочешь, я с радостью тебе отдам. И Килух сказал:

— Я прошу в жены Олвен, дочь Великана-из-Великанов. Предсказанием судьбы только ее могу я взять себе в жены. Потому я и пришел к тебе с этой просьбой, выслушай меня в присутствии всех славных рыцарей и нежных дам Британского острова.

И Килух назвал подряд всех славных рыцарей и всех прекрасных дам и королев Британского острова, но если б мы захотели повторять за ним, вы слушали бы нас с вечера и до утра, с утра и до вечера и утомились бы.

Когда он кончил, Артур сказал:

— Отважный принц, я слыхом не слыхал о юной Олвен и ее родителях. Однако без промедления разошлю за ней гонцов во все концы земли.

Трудно сказать, где только ни побывали гонцы короля Артура, но через год они вернулись в Камелот, зная не больше, чем в тот день, когда его покидали.

— И знать не знаем, и не верим, что есть на свете такая девушка, поверь нам, господин, — сказали они.

— Ты слышишь, принц? — спросил Артур.

— Такое слышать я не хочу и не желаю! — ответил Килух. — Все получают от тебя, что просят, один я остаюсь ни с чем. Если я покину твой замок без Олвен, мой господин, обещание твое останется невыполненным и честь твоя пострадает.

Но тут вступил в разговор Кай, сидевший по правую руку от короля Артура.

— Ты неправ, принц, — сказал Кай, — что бранишь Артура. Лучше садись на коня и сам поезжай искать Олвен. Я и мои друзья будем тебе помощниками, и пока ты сам не скажешь, что такой девушки нет на свете, или пока мы ее не отыщем, мы тебя не покинем!

Король Артур его одобрил.

Первым на это дело он и вызвал Кая Упрямого.

Отец Кая сказал однажды о своем сыне: «Если он пошел в меня, у него будет холодное сердце. И сила его будет в упрямстве».

Кай славился тем, что умел сдерживать под водой дыхание целых девять дней и ночей. Раны, какие наносил он врагам, не мог исцелить ни один врачеватель. Когда он хотел, он становился выше самого высокого дерева, а в самый сильный дождь любая вещь, что держал он в руке, оставалась сухой — оттого, что всегда в нем горел огонь гнева. Он был лучшим слугою королю Артуру и первым бойцом в сражении.

Вторым король Артур вызвал Бедуйра Прекрасного. Славен Бедуйр был тем, что, хотя была у него только одна рука, сражался он за троих. Когда он пускал копье, оно с одного раза наносило десять ударов.

Третьим король Артур вызвал Кинтулига.

Кинтулиг был таким же хорошим проводником в чужой незнакомой стране, как в своей родной, и потому все звали его Кинтулиг Проводник.

Четвертым король вызвал Гурира Переводчика. Гурир понимал все языки не только людей, но зверей, птиц и рыб.

Пятым Артур вызвал своего племянника Гавейна, ибо Гавейн Быстрый еще ни разу не возвращался домой, не добившись успеха. Он был первым ходоком и лучшим наездником среди рыцарей короля Артура.

И последним Артур вызвал Мену, который умел говорить заклинания и делать себя и других невидимыми.

И вот, снарядившись, оседлав коней, запасясь едой и оружием, с благословения доброго короля Артура, под воркотню привратника, которая казалась им милее звона серебряных колокольчиков, Килух и его верные рыцари отправились на трудные поиски.

ПОИСКИ ОЛВЕН

Они долго бродили по стране, объездили все леса и пустоши острова, пока наконец не оказались на широкой равнине без конца и без края, на которой стояла огромнейшая крепость.

Но не так-то легко было добраться до этой крепости. Рыцари ехали и скакали весь день, а крепость стояла все так же далеко, где-то там впереди на бескрайней равнине.

И второй день скакали они по равнине, пришпоривая своих коней, но крепость казалась все такой же далекой.

Лишь на третий день они приблизились к крепости настолько, что сумели различить огромное стадо овец, пасшихся на лугу перед стенами крепости. Овец было не счесть, а посреди широкой равнины на зеленом кургане стоял пастух в кожаном платье.

Только главным сторожем стада был не сам пастух, а преогромный мастиф, ростом с девятигодо-валого жеребца. Этот пес славился лютой свирепостью, из пасти его вырывалось такое горячее дыхание, что сжигало дотла все деревья и кусты вокруг. Но он был очень умен, и вдвоем с пастухом они ни разу не потеряли ни одной овцы, ни одного ягненка из всего этого несметного стада.

— Гурир, — сказал Кай, — ты наш переводчик. Пойди перекинься словечком с тем пастухом.

— Ты же знаешь, Кай, — отвечал Гурир, — мой первый долг всюду следовать за тобой.

— Что ж, значит, пойдем вместе, — сказал Кай.

— Да вы не бойтесь... — начал было Мену.

— Нам бояться? — возмутился Кай.

— Ну да, не бойтесь, я скажу заклинание, чтобы мастиф вас не увидел и не учуял.

— Если считаешь нужным, говори, — с презрением молвил Кай, однако в душе был рад-радехонек, что им удастся обмануть страшного

пса.

Час или два шли они через поле, пока не достигли зеленого кургана. Они громко приветствовали пастуха, на что в ответ он только кивнул им.

— Как видно, дела твои идут неплохо, — сказал Кай, показав рукой на несметное стадо овец, сбившихся вокруг зеленого кургана.

— Чтоб у тебя они шли не лучше, — ответил пастух, предоставив Каю и его спутникам самим решать, как толковать такой ответ.

— Чьи же это овцы? — спросил Гавейн Храбрый.

— Откуда вы взялись, такие невежды? — удивился пастух. — Каждый ребенок здесь знает, что это овцы Великана-из-Великанов, а там вон — его крепость!

— Мы так и думали, — нашелся что ответить Гавейн. — А кто ты сам, дружище?

— Я его пастух, Сгилди Быстроногий. Но вы бы не увидели меня здесь в этом жалком платье, если бы не потерпел я урона от Великана-из-Великанов. Теперь скажите: откуда вы? Кто вы такие, что мой пес вас не учуял и не поднял тревогу?

— Мы посланцы короля Артура! — гордо объявил Кай. — И пришли сюда за Олвен, дочкой Великана-из-Великанов.

Пастух так и присвистнул, а мастиф тут же вскочил, услышав свист хозяина.

— О ней и не мечтайте! — воскликнул пастух. — О чем угодно, только не о ней.

— Но почему же? — удивился Килух. — Что плохого в том, что мы хотим увидеть дочку великана —

Олвен?

— Многие приходили сюда за тем же, мой юный друг, однако я еще не видел, чтобы хоть один из них живым ушел отсюда. И жизнь свою здесь оставлял, и Олвен! Однако если глаза мне правду говорят, — приглядевшись к принцу, сказал Сгилди, — ты Килух, сын Килиса и Голайсид, его первой королевы, а значит, мой родной племянник!

И Сгилди сошел с холма, чтобы прижать к сердцу юного героя.

— Ты должен непременно повидать мою жену, твою тетю! Пойдем к нам, она тебе во всем поможет. Только помни: ты должен остерегаться ее родственников объятий, ибо нет сильнее ее женщины на

свете.

— На свете нет женщины, которой я бы испугался! — ответил безрассудный Килух. — Веди нас, пастух!

— Посмотрим, посмотрим, — заметил Сгилди. И, приказав псу стеречь стадо, Сгилди повел посланцев короля Артура к воротам своего полуразрушенного дома.

Услышав шум, жена Сгилди выбежала им навстречу:

— Чую, чую сердцем, — воскликнула она, — идет ко мне кто-то родной и дорогой!

— Вот он, — сказал ее муж, указывая на Кая.

И она бросилась к Каю с распростертыми объятиями. Хорошо, что Кай оказался проворнее и успел подсунуть вместо себя здоровенное полено! В тот же миг полено оказалось на земле, раскрошенное в щепки.

— Послушай, женщина, — сказал ей Кай, — ведь если бы ты не полено, а меня так крепко обняла, никогда бы больше мне не знать ничьих нежных объятий.

И он покачал головой, радуясь и ужасаясь одновременно.

— Полезный урок, — как бы про себя заметил пастух.

Потом он отвел всех в дом и угостил чем Бог послал. А жена пастуха открыла большой каменный сундук, стоявший возле очага, и оттуда вылез красивый светловолосый юноша.

— Это единственный мой сын, оставшийся в живых, — горько посетовала она. — Остальных убил Великан-из-Великанов. Их было двадцать три... Но я боюсь потерять и последнего.

— Отпусти его с нами! — сказал решительный Кай.

И все верные рыцари в один голос крикнули:

— С нами!

А Кай добавил:

— И знай: если суждено ему умереть, то не раньше моей собственной смерти!

Так они сидели, пили и ели, пока женщина не спросила:

— Что же вас привело сюда? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мы пришли сюда за Олвен, прекрасной дочкой Великана-из-Великанов.

— Да ну? — И она присвистнула точно, как ее муж, пастух. — Радуйтесь, что вас из крепости Великана никто не видел, и возвращайтесь, пока все целы-живы, ко двору Артура.

— Не увидев Олвен, мы не уйдем отсюда! — поклялся Кай.

— А увидев, тоже не побежим! — добавил Килух. — Она когда-нибудь приходит сюда, в ваш дом?

— Каждую субботу. Она приходит сюда мыть голову.

— А если послать за ней, она придет сейчас?

Жена пастуха кивнула.

— Поклянитесь, что не обидите ее, тогда я позову, — сказала она.

— Клянемся! — сказали все.

Тут же послали за Олвен, и она пришла — в шелковых алых одеждах, пылавших словно пламя. На шее девушки висело золотое ожерелье, украшенное рубинами и жемчугами. Волосы ее отливали золотом ярче златоцвета, а кожа у нее была белее морской пены. Нежнее лепестков болотной лилии были ее пальцы и ладони, а глаза — яснее соколиных. Грудь и шея — белее лебединой, щеки же — ярче пунцовой наперстянки.

Она вошла в дом и села между Килухом и Сгилди. Тут Килух в первый раз ее увидел, однако ему показалось, что он знает Олвен давным-давно. И он сказал девушке:

— Ты моя давнишняя любовь! Пойдем со мной! Но Олвен покачала головой.

— Нет, это не принесет нам счастья, — сказала она. — Мой отец взял с меня клятву, что я не покину его без его доброго согласия. Есть предсказание, что жить ему только до моей свадьбы. Лучше поступи иначе. Пойди к нему и попроси моей руки. И какое бы задание он ни дал тебе, обещаю исполнить. Когда он получит от тебя что попросит, ты получишь Олвен! А нет, так вряд ли вам теперь уйти отсюда живыми.

Верные рыцари поклялись исполнить все, как она сказала, и с этим Олвен ушла.

Следом за ней поднялись и они. Мену прочел заклинание, и они невидимыми обошли стражу у девяти ворот крепости. Ни один пес на них даже не тьякнул. Они вошли в большой зал замка и громко приветствовали Великана-из-Великанов.

— Да знаете ли вы, — взревел Великан, — куда вы попали?

— Знаем, куда и зачем. Мы пришли за твоей дочкой Олвен, чтобы взять ее в жены Килуху, сыну Килиса.

— Я вас не вижу, — сказал Великан. — Где эти негодяи, мои слуги?

Покорные слуги тут же явились.

— Подоприте вилами мои тяжелые веки, — приказал Великан-из-Великанов, — чтобы я увидел будущего моего зятя, мужа моей дочери Олвен.

Все было исполнено. Вилы длиною с высокие деревья подняли тяжелые веки Великана. Он оглядел всех рыцарей и сказал:

— Приходите завтра. Тогда узнаете мой ответ. Они повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил каменное копьё с отравленным железным наконечником и пустил им вдогонку. Но Бедуйр успел схватить копьё единственной рукой и отправить его обратно. Копьё пронзило Великану колено, самую чашечку.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Как теперь я стану взбираться в гору? Это отравленное железо жжет, словно осиное жало. Будь проклят тот кузнец, что ковал его, а вместе с ним и его наковальня!

Эту ночь рыцари провели в доме Сгилди, а утром, раздевшись, с богатыми гребнями в волосах, торжественно вступили в большой зал замка Великана.

— Великан-из-Великанов, — сказали они, — отдай нам твою дочь Олвен, а взамен возьми выкуп. Иначе смерть тебе и погибель!

— Нет, нет и нет! — взревел он. — Еще живы ее четыре прапрабабушки и четыре прапрадедушки. Без них я не могу ничего решить. Приходите завтра! Тогда узнаете мой ответ.

Рыцари повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил второе свое копьё с отравленным наконечником и пустил им вдогонку. Но Мену на всем лету схватил его и отправил обратно. Копьё пронзило грудь Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Теперь у меня все будет болеть внутри, как же я стану пить и есть? Это отравленное железо жжет, словно змеиное жало. Будь проклят кузнечный горн, в котором его ковали!

И на третий день пришли рыцари в замок Великана.

— Больше не запускай в нас копьём, Великан-из-Великанов! — предупредили они. — Не то узнаешь боль и обиду, встретишь смерть и погибель.

— Куда подевались все мои слуги? — взревел Великан. — Несите скорее вилы, поднимите мои тяжелые веки, чтобы я мог наглядеться на будущего моего зятя.

Все было исполнено. Великан посмотрел на Килуха и опять сказал:

— Приходи завтра! Тогда узнаешь мой ответ.

И рыцари повернули, чтобы уйти, но тут Великан-из-Великанов схватил свое третье копьё и пустил им вдогонку. А Килух на всем лету подхватил его и отправил обратно. Отравленное копьё пронзило глаз Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, мой будущий зять! Уж не думаешь ли ты, что от этого я буду лучше видеть? Теперь я обречен на вечную головную боль, да и глаза, чего доброго, станут на ветру слезиться. Хуже зубов бешеной собаки жжет это отравленное копьё. Будь проклят и кузнец, и его наковальня, и горн, где его ковали!

На четвертый день пришли рыцари в замок снова.

— Где он, что хочет отнять у меня дочь Олвен? — заревел Великан. — Поднимите мои тяжелые веки, я хочу его видеть... Ага, это ты?

— Я, Килух, сын Килиса и Голайсид.

— А ты обещаешь выполнить все мои просьбы? — казал Великан-из-Великанов.

— Обещаю!

— Обещать-то легко! — сказал Великан. — Но знай, ты получишь мою дочь, только когда выполнишь все мои просьбы и задания.

— Назови их! — сказал Килух. — И все они будут исполнены.

— Видишь там чащи лесные? — спросил Килуха Великан-из-Великанов. — Ты должен вырвать с корнем все деревья и сжечь их, а землю вспахать и засеять пшеницей, чтобы можно было вволю напечь хлеба тебе и моей дочке на свадьбу — и все это за один день!

— Для меня сделать такое проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, хлеб к свадьбе будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне золотой рог Лира Свирепого, сына Лириона, чтобы обносить вином гостей на твоей свадьбе.

— Достать рог для меня проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, рог у нас будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне корзину-самобранку Гвидена Длинного, что правит Подводным королевством. Пусть соберутся у нас все люди земли и еще трижды девять, всем хватит еды из этой корзины.

— И корзина у тебя будет, для меня это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, корзина у нас будет, зато другое тебя погубит! Когда я впервые встретил мать Олвен, я посадил девять зернышек льна вон на той равнине, но что с ними случилось, никто не знает. Найди зерна, посади их снова в землю, чтобы они проросли и дали побеги, собери лен и сотки из него белую фату своей невесте на свадьбу.

— Фата у нее будет, это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, фата у нее будет, зато другое тебя погубит! К вашей свадьбе мне должны расчесать бороду, сам видишь — вся она спуталась и стоит колом.

Да только расчесать ее можно не простым гребнем. А спрятан тот гребень меж ушей дикого кабана Турх Труйта.

Да только Турх Труйта не найти тебе, пока не поймаешь двух псов — Анеда и Этлема, что мчатся быстрее ветра и добычи своей еще ни разу не упустили.

Да только не поймать Анеда и Этлема никому, кроме охотника Килдира Дикого, что в девять раз сильнее самого дикого зверя в горах.

Да только не найти тебе охотника Килдира Дикого, пока не найдешь Гвина, сына Низы, которому Бог поручил стеречь демонов Того Света, чтобы спасти Этот Свет от гибели.

Да только если и найдешь ты Турх Труйта, не одолеешь его простым мечом, а только мечом Великана Урнаха.

Да только никому не отнять меч у Великана Урнаха, кроме самого великого короля Артура.

Да только не станет помогать тебе славный король Артур, владыка и правитель нашего острова. Хватает у него дел и без этого.

Теперь скажи, мой будущий зять, не отпала у тебя охота выполнять мои задания?

— На коней! — вместо ответа крикнул своим рыцарям Килух. — Поскачем прямо к моему брату Артуру. Он поможет достать все, что ты хочешь, и я возьму твою дочь Олвен в жены и твою жизнь в придачу!

При этих словах Великан-из-Великанов оттолкнул вилы, чтобы тяжелые веки закрыли ему глаза в знак того, что разговор их окончен, и Килух со своими верными рыцарями покинул его замок.

КОНЕЦ ВЕЛИКАНА-ИЗ-ВЕЛИКАНОВ И СВАДЬБА ОЛВЕН

Нелегко было выполнить все задания Великана-из-Великанов и достать все дары, какие он назвал Килуху. Да только еще труднее рассказать про то, как славному королю Артуру и его рыцарям удалось это сделать.

— Задания все выполнены? — спросил Артур, когда гребень Турх Труйта был наконец в его руках.

— Все!

— Дары все собраны?

— Все!

— Тогда в путь, мой милый брат Килух! — воскликнул славный король. — И ты получишь свою невесту, как обещал я тебе в тот день, когда срезал твои золотые кудри.

И, прихватив с собою драгоценные дары, Килух отправился в путь вместе с Гору, сыном Сгилди, и всеми верными рыцарями, которые желали только зла и мести жестокому Великану-из-Великанов.

— Мы пришли, чтобы расчесать тебе бороду. Ты готов к этому, Великан-из-Великанов?

— Где эти негодяи, мои слуги? — заревел Великан-из-Великанов. — Подоприте вилами мои веки, чтобы я увидел все дары и сокровища, какие я потребовал с моего зятя, будь он трижды проклят!

Все ему показали и расчесали гребнем Турх Труйта бороду, и Килух спросил:

— Ты доволен?

— Доволен!

— Теперь Олвен моя?

— Твоя! Да только была бы на то моя воля, ты бы ее не получил. Благодарю за все своего двоюродного брата короля Артура! И забирай мою дочку Олвен и мою жизнь в придачу!

Тут Гору, сын Сгилди, схватил Великана-из-Великанов за волосы и оттащил на зеленый курган и там отрубил ему голову, отомстив этим за своих загубленных братьев.

В тот же день Килух женился на Олвен, дочери Великана-из-Великанов.

Так сбылось предсказание злой мачехи принца Килуха.

II. Как Тристан нашел Изольду

После охоты на кабана Турх Труйта и прочих важных событий на острове Британском настали мир и покой. Король Артур отдыхал от славных подвигов и ратных дел, когда до него дошла весть, что Тристан, сын Тралуха, и Изольда — Лебединая Шея, жена Марка, сына

Майрхьона, убежали на Север, в дубовые рощи Келидонские, как какие-нибудь безродные изгнанники.

Вместо крыши над головой у них густые ветви деревьев, вместо мягкой постели — зеленые листья. На завтрак, на обед и на ужин у них дичь лесная, а винный погреб — прозрачный ручей. Но нет для них ничего дороже их нежной любви, и год им кажется неделей, а неделя — вечным летом.

Следом за вестниками Марк и сам поспешил к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Мой господин, — сказал Марк королю, — мне неизвестно, на чьей ты стороне, но вспомни, что я тебе ближе по родству, чем Тристан, ибо я сын твоей сестры, а следовательно, твой родной племянник. И стало быть, мне, а не ему пристало ждать от тебя помощи. Я оскорблен и требую отмщения! Выполни свой долг, мой повелитель!

— Это нетрудно сделать! — сказал король Артур. — Однако следует помнить, что Тристан — один из трех самых славных героев нашего острова.

— Мой господин, — возразил Марк, — этот позор пятнает не только мою честь, но и твою. Тристан — твой рыцарь, так неужто ты хочешь, чтобы все говорили, будто он выказывает тебе пренебрежение?

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал Артур. В тот же день он созвал своих рыцарей, и они поскакали вместе с Марком на Север. Темной ночью они окружили со всех четырех сторон дубовые Келидонские рощи.

Тристан сладко спал, обнимая свою Изольду, и ничего не слышал. А Изольда, как все женщины, была беспокойней и услышала лязг оружия и шепот бойцов, прятавшихся за каждым кустом, за каждым деревом. Она так задрожала в объятиях Тристана, что он проснулся.

Проснулся и спросил:

— Моя милая госпожа, отчего ты дрожишь, ведь я рядом с тобой?

— Не за себя я боюсь, — отвечала Изольда, — но за тебя. Я слышу голоса со всех сторон. Наверное, эти люди пришли, чтобы тебя погубить.

— Разве ты не знаешь, моя госпожа, — громко сказал Тристан, — что судьбой предначертана смерть всякому, кто прольет хоть каплю

моей крови? А кроме того, среди этих людей много моих верных друзей — и честный Кай, и свирепый Бедуйр, и обходительный Гвалхмай, и мои названные братья, которые, как и я, служат нашему королю Артуру.

И Тристан с нежной заботой спрятал Изольду в дупле старого дуба, а вечнозеленые листья плюща, падуба и растущего рядом тиса надежно укрыли ее от чужих глаз. Потом он взял в руки свой молнии подобный меч, надел на спину щит, подобный тяжелой грозовой туче, и кинулся туда, откуда громче раздавались голоса и лязг оружия.

Ветви раздвинулись, и перед Тристаном предстал сам Марк, окруженный своими рыцарями.

— Дстойный муж, — сказал ему Тристан, — мы, кажется, с тобою в ссоре. Бери свой меч, и мы сейчас решим, кто прав, кто виноват.

Не тут-то было. Марк кликнул своих людей и велел им схватить Тристана, связать и доставить ко двору короля Артура. Но рыцари возмутились.

— Позор на наши бороды, — сказали они, — если мы станем биться за господина, который сам отказался от битвы!

И они отпустили Тристана с миром. И опять пришел Марк к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Что ж, — сказал Артур, — я так и думал, что это случится. Остается одно: насрать на Тристана наших лучших арфистов, чтобы смягчить его сердце. А следом отправить к нему поэтов и менестрелей, чтобы от их похвал и славословий Тристан сменил гнев на милость. Вот тогда мы с ним и поговорим.

Так и сделали.

Когда чудесные звуки арфы наполнили Кели-донские рощи, и смолкли птицы, и замерли деревья, заслушавшись, сердце Тристана смягчилось.

Он кликнул музыкантов и щедро наградил их золотом и серебром.

Следом за арфами Тристан услышал прекраснейших поэтов и менестрелей. Их песни и слова пленили Тристана и Изольду.

Тристан снял с шеи золотую цепь, украшенную рубинами и жемчугами, и подарил ее главному певцу-поэту, а остальных щедро наградил золотом и серебром.

Так был укрощен его гнев, так пробудились в нем восторг и восхищение. И тогда пред ним предстал Гвалхмай с посланием от короля Артура.

Речи Гвалхмайя были столь обходительны, что Тристан им внял и поехал следом за Гвалхмайем ко двору короля.

Тристан и Марк поклялись хранить мир, пока справедливый королевский суд не рассудит их — так повелел король Артур.

Но сначала Артур с каждым из них завел беседу, чтобы спросить, не откажется ли тот или другой от леди Изольды по своей воле. Нет, ни тот, ни другой отказываться не хотели.

И тогда король Артур сказал им свое последнее слово:

— Пока зеленеют на деревьях листья, Изольда будет принадлежать одному из вас, а когда опадут листья — другому. Первым выбирать будет Марк, сын Майрхьона!

— Благодарю тебя, господин мой, — обрадовался Марк. — Выбрать нетрудно!

И он сказал, что пусть Изольда будет ему женой, когда нет листьев на деревьях: ведь зимой время тянется дольше, дни короче, зато ночи длинней.

Король Артур поехал со своими рыцарями в Келидонские рощи и сообщил Изольде свое решение и выбор Марка.

— Мой господин и повелитель! — воскликнула Изольда. — Благослови Господь твой справедливый суд!

— Как так? — удивился король. В ответ Изольда пропела:

Три дерева в нашем растут лесу:
Плющ, падуб и красный тис.
Листвы не теряют они зимой —
Теперь Тристан навсегда будет мой!

Вот как Марк потерял, а Тристан нашел свою Изольду.

Дева Озера
(Легенда)

Давно-давно жил в горном Уэльсе юноша, сын вдовы. Как-то раз погнал он коров и овец своей матушки вниз к озеру, где росла высокая и сочная трава. Правда, день выдался неудачный. Вершины гор с утра окутались густым туманом. Но когда он спустился к самому озеру, все вдруг озарилось ярким светом. Однако, приглядевшись внимательнее, юноша увидел, что это не солнце осветило все вокруг, а прекрасная дева, что сидела посреди озера на маленьком островке и расчесывала свои золотые волосы. Ее золотое платье так и сверкало, так и горело, разбрасывая вокруг яркие лучи.

Не подумав, что он делает, юноша вытащил из кармана ломоть черствого ячменного хлеба с сыром, который мать дала ему с собой на обед, и протянул его прекрасной деве, окликнув ее при этом. Дева обернулась, увидела его, поднялась и, словно по мягкой траве, пошла к нему прямо по воде.

Подойдя к самому берегу, она внимательно оглядела хлеб и сыр, которые он ей протягивал, и сказала, покачав головой:

— Черств твой хлеб, слишком черств! Таким хлебом тебе не накормить меня.

Юноша все продолжал протягивать к ней руку с хлебом, но дева уже исчезла.

Вернувшись домой, он все рассказал матери и добавил, что умрет от горя, если не сделает прекрасную деву своей женой. И на другой день мать дала ему в дорогу совсем мягкий, только что испеченный хлеб с сыром — ведь черствый ячменный хлеб девушке не понравился, так, может быть, этот ей покажется лучше?

Юноша долго ждал на берегу, не спуская глаз с озера. И наконец, словно опять заиграло яркое солнце, появилась на озере прекрасная дева с золотыми волосами и озарила все вокруг ярким светом.

На этот раз она показалась юноше еще прекраснее.

Он протянул ей хлеб с сыром, и позвал ее, и сказал, что хочет на ней жениться и умрет, если она отвергнет его любовь. Дева подошла к нему и внимательно оглядела, что было у него в руках, но, покачав головой, тихо сказала:

— Не пропечен твой хлеб! Не пойду я за тебя! И сколько юноша ни просил, ни умолял, она опять исчезла. Он вернулся домой таким несчастным, что сразу бросился на кровать и не хотел вставать. Но когда мать спросила его, что случилось, он все ей рассказал.

И вот матушка раздула пожарче огонь в очаге и на этот раз уж испекла не черствую ячменную лепешку и не сырой хлеб, а хрустящую, пышную булку.

На другой день юноша опять погнал стадо к озеру. Долго ждал он у озера, опершись о палку. Все утро светило солнце, но воды озера оставались спокойны. Прошел день. Когда же начало смеркаться, юноша совсем приуныл. Он уж не надеялся увидеть опять свою прекрасную деву.

Грустный и печальный, он собрал всех коров и овец, чтобы гнать их назад домой, и бросил последний прощальный взгляд на озеро, как вдруг, к своему великому удивлению, увидел на воде — нет, не прекрасную деву, а прекрасных черных, гладких коров, которые, словно по мягкой траве, шли прямо по озеру.

Он так и застыл на месте: не могли коровы прийти сюда одни! Наверное, вслед за ними появится и их прекрасная хозяйка.

И вот появилась дева озера, на этот раз еще прекрасней, чем раньше. Юноша сам пошел ей навстречу и протянул хрустящую, пышную булку с сыром. Она взяла булку и, когда юноша снова попросил ее стать его женой, сказала, что согласна, но должна спросить разрешения у своего отца.

Юноша очень обрадовался, но прекрасная дева тут же исчезла. Он не знал, что же ему делать, и звал ее, и хотел даже прыгнуть в воду, чтобы искать ее на дне озера. Однако не успел он ступить в воду, как из озера появилась его прекрасная дева, на этот раз вместе с величественным старцем.

— Если ты обещаешь быть добрым и верным мужем моей дочери, — сказал он, — я согласен отдать ее тебе в жены. И даже дам тебе хорошее приданое. Ты получишь столько коров и столько овец, сколько она сумеет насчитать зараз, не переводя дыхания. Но помни: если ты будешь несправедлив к ней или если ты, пусть даже случайно, заденешь ее чем-нибудь железным, она вернется в родное озеро. И все коровы и овцы уйдут следом за ней.

Юноша с радостью на все согласился. И старик соединил их руки.

— А теперь пора подумать о приданом, — сказал старик и велел дочке считать, не переводя дыхания.

— Раз, два, три, четыре, пять... раз, два, три, четыре, пять... — начала она считать и успела так насчитать семь раз.

И тут же из озера появилось тридцать пять тонкорунных овец.

Во второй раз дева озера насчитала пятнадцать. И тут же из озера вышло четырнадцать черных, гладких коров и один белолобый красавец бык.

Все стадо послушно вышло на берег и последовало за юношей и его невестой к его дому. Молодые жили очень счастливо. Ни у кого во всем Уэльсе не было такого сладкого молока и такого вкусного масла, какое давали их волшебные коровы. А что до овец, то вряд ли у кого-нибудь была лучшая шерсть для пряжи, чем у них. Так что можете сами догадаться, как осторожен был муж, когда держал в руках что-нибудь из железа, чтобы — не дай Бог! — не коснуться им нечаянно своей любимой жены.

Шли годы; у них родилось три сына. Сыновья выросли и стали юношами, столь же умными, сколь красивыми. К тому времени отец превратился уже в седого, сгорбленного старика. Но он не горевал, ведь у него было три удачных сына, которые помогали ему во всем, и их ферма с волшебными коровами и овцами по-прежнему процветала.

А прекрасная мать трех сыновей, его жена, оставалась все такой же молодой и красивой, какой была когда-то давно-давно, когда он впервые уви дел ее.

И вот однажды была объявлена большая ярмарка, на которую со всех концов страны сгоняли на продажу скот. Оставив трех сыновей дома следить за фермой, муж и жена решили тоже отпра виться туда. Они вышли вместе из дому и подня лись в горы, чтобы поймать там двух пони — на них они бы скорее добрались до ярмарки.

А надо вам сказать, что пони паслись как раз на том склоне горы, который спускался к самому озеру, где когда-то юноша увидел прекрасную деву озера.

Жена, словно молодая девушка, легко взбежала по склону горы и сразу поймала за гриву одного пони. Но держать пони за гриву было неудобно, и она крикнула своему старику мужу, чтобы он кинул ей повод.

И муж, не думая, что делает, кинул ей вместе повода уздечку. Ах, какая беда — одной железно! скобой уздечка задела ее по руке! Жена грустно поглядела на него и отвернулась. Не сказав мужу ни слова, она отпустила пони и запела тихим печальным голосом:

Милые мои Чернушки,
Пеструшки, Веснушки,
Вострушки,
И ты, Белолобый,
Седой, удалой,
Домой! Домой! Домой!

Поднялся ветер, небо пожелтело, загремел гром. Но она все пела:

И вы, мои белые,
И вы, мои серые,
Бросайте теплые хлевы
И спешите за мной
Домой! Домой! Домой!

Коровы, которые были привязаны в стойлах, вышли из коровника и спустились вниз к озеру. И четыре серых быка вместе с плугами спустились к воде. И овцы с ягнятами тоже сбежались к озеру.

А через миг на берегу не осталось ни стада, ни прекрасной жены — все скрылись в водах озера.

Муж вернулся домой, плача горькими слезами. Он позвал своих сыновей и рассказал им, что случилось. До этого дня юноши не знали, кем была их прекрасная мать, и, когда они услышали всю историю, они как могли принялись утешать отца.

— Не печалься, дорогой отец, — говорили они. — Вот увидишь, наша матушка нас не оставит.

Они и сами верили в это, а потому каждый вечер все трое спускались к берегу озера и ждали. Много-много вечеров... Но воды озера оставались спокойны, лишь легкий ветерок иногда вызывал на них мелкую рябь.

И вот однажды ночью, когда светила полная луна, а три брата, как всегда, сидели на берегу озера, она всплыла наверх — такая же прекрасная, как когда-то, когда была Девой Озера.

Она вышла на берег, приблизилась к своим сыновьям, нежно поздоровалась с ними и сказала, что любит их по-прежнему. И попросила их хорошенько запомнить все, что она им сейчас скажет, и тогда очень скоро они прославятся и станут великими людьми.

Она повела их за собой по берегу озера и дальше в горы, показала им все целебные травы и сказала, как они называются и какие болезни вылечивают. И очанку, которая помогает больным глазам, и пиретрум — от злой лихорадки, и подорожник — залечивать раны, и много других трав. Она сказала, когда какую траву собирать, как их смешивать и варить и какие при этом говорить заклинания.

Все трое внимательно слушали ее и постарались все запомнить. И правда, очень скоро они стали самыми мудрыми и прославленными врачами во всем Уэльсе. А когда состарились, передали свое искусство сыновьям и внукам.

Долгие годы, не одну сотню лет, из близка и далека приходили больные к их детям, внукам и правнукам, чтобы они излечили их болезни с помощью искусства, которому научила своих сыновей прекрасная Дева Озера.

Солнце Лланфабона (Легенда)

В доброе старое время Лланавонская церковь славилась своим большим серебряным колоколом, звон которого разносился по всей стране. Однако милее всех этот перезвон был лопоухим жителям Лланфабона. И они задумали украсть или, как они сами потом говорили, одолжить у своих добрых соседей лланавонцев их серебряный голос радости и печали.

А проделать это надо было за одну ночь, не то при первых же лучах солнца глазастые жители Лланавона их бы заметили и пустились бы в погоню.

И вот глухой ночью лопоухие, косолапые лланфабонцы прокрались в Лланавон, сняли с колокольни большой колокол — только сначала обмотали его звонкий язык бархатом, обложили соломой да сверху еще обернули его красными фланелевыми рубашками, какие надевают на ночь все мужчины в Уэльсе, — и отправились с драгоценной ношей к себе, в родной Лланфабон.

Они шли тихо-тихо, лишь постукивали о камни их деревянные башмаки да тяжелые посохи, из-под которых летели в темноту яркие искры. Все хранили молчание, и колокол, само собой, тоже.

Но как раз когда они переходили вброд речку Таф, из-за туч выплыла полная луна, и с перепугу лопоухие, косолапые лланфабонцы приняли ее за солнце. Руки у них задрожали, они выронили колокол, и он потонул в реке. Так никто больше и не услышал звонкий голос большого серебряного колокола из Лланавона.

Потом уж лопоухим, косолапым, горбоносым лланфабонцам пришлось во всем признаться своим соседям.

Вот с тех пор глазастые жители Лланавона и называют луну солнцем Лланфабона.

Добрая душа

Давным-давно жил-был старичок — добрая душа. Жил он со своей женой, тоже доброй старушкой, в маленьком белом домике неподалеку от Сноудона.

Каждый вечер, после ужина, старичок брал помойное ведро с очистками, и стоило ему сделать каких-нибудь десять шагов — и вот он уже у каменной ограды своего сада. Хоп! И все очистки за оградой

— и луковая шелуха, и картофельная кожура, и морковная ботва, и все такое прочее.

А на другое утро приходила соседская свинья и все съедала, хрюкая от удовольствия.

У доброго старичка душа радовалась, глядя на нее. Что и говорить, он и в самом деле был добрый старик.

И вот как-то вечером, как раз когда только-только выплыла луна, старичок, по своему обыкновению, вышел в сад. Десять шагов — и он уже был у своей ограды. Но только он хотел вылить помойное ведро за ограду, как вдруг заметил, что рядом стоит кто-то. Какой-то незнакомец, которого прежде добрый старик в глаза не видывал. Чудной такой, маленький человечек. Одет во все зеленое, только жилет ярко-красный. Фасон его платья был тоже какой-то чудной — старик в жизни своей такого не видел. К тому же еще незнакомец сильно косил. Но больше всего старичка удивили его огромные-преогромные ступни.

— О горе мне, горе! — сказал странный незнакомец. — Неужели это так и будет продолжаться каждый вечер? — И он указал на помойное ведро.

Старик удивился:

— А что такое? Я всю жизнь так делаю, каждый Божий вечер!

— В том-то и беда, что каждый вечер! — сказал странный незнакомец и так тяжело вздохнул, что доброму старичку стало его жалко.

— Разве кому-нибудь от этого плохо? — спросил он.

— Хуже некуда! — сказал незнакомец.

— Но только не соседской свинье! — возразил горячо добрый старик. — Она очень любит очистки — и луковую шелуху, и картофельную кожуру, и морковную ботву, и все такое прочее — и каждое утро приходит сюда за ними.

— Все это мне прекрасно известно, — сказал странный незнакомец и опять тяжело вздохнул. — Послушайте, — продолжал он, — а не хотите ли вы встать мне на ноги?

— Встать вам на ноги? — удивился еще больше старик. — Чем же это вам поможет?

— А вот и поможет! Тогда я сумею показать вам, в чем беда.

— Ну что ж, попробую, — говорит старичок, ведь он был добрая душа.

«Слава Богу, — подумал он, — что у этого косоглазого чудака такие огромные ступни! На них, пожалуй, действительно можно встать».

И вот, держась за каменную ограду, добрый старик встал чудному незнакомцу на ноги и глянул через ограду — как раз туда, куда каждый вечер вот уже тридцать лет своей жизни выливал помойное ведро. И — о чудо! Словно он глянул сквозь землю, будто то была не твердая земля, а чистая, прозрачная вода, и увидел там — нет, вы только представьте себе! — маленький белый домик, точь-в-точь как его собственный. Но Бог ты мой, какой он был грязный! Вся его крыша была залита помоями, луковая шелуха засорила каминную трубу, на ступеньках валялась картофельная кожура, в чистом ведре с водой плавала морковная ботва и все такое прочее.

— Вот беда! — сказал старичок. — Ну кто бы мог подумать!

— Да, и все эти очистки через каминную трубу попадают к нам в комнату, — сказал незнакомец, чуть не плача. — И так тридцать лет! У моей жены прямо сердце разрывается от горя, что она не может навести чистоту в нашем доме.

— Вот напасть! — воскликнул старичок. — Что же делать?

— Придумай что-нибудь!

— Что-нибудь да придумаю. Но что?

— Даю тебе день сроку! Завтра я приду к тебе за ответом, а сейчас сойди-ка с моих ног!

Не успел добрый старичок сделать несколько шагов, как и белый домик, и большеногий чудной незнакомец исчезли, будто их и не было.

Когда старик вернулся домой, жена спросила его, что это он так загулялся при луне. Он все рассказал ей.

— Ах ты, батюшки! — воскликнула добрая старушка. — Ну и досталось бедняжке — чистить да мыть свой дом каждый Божий день целых тридцать лет подряд!

Почти всю ночь просидели старик со старушкой у камина. Если они и спали, то совсем малость — все думали да гадали, как им быть.

А наутро, как рассвело, оба поспешили к ограде и заглянули через нее. Но ничего такого не увидели — ни странного, большеногого человечка, ни маленького беленького домика. Только соседскую свинью. Она рыла пяточком землю, да все напрасно — ни луковой

шелухи, ни картофельных очисток, ни морковной ботвы — ничего на земле не было. Старичку ее так жалко стало!

И когда настал вечер и показалась луна, он пошел к ограде. Станный человечек — вы уж, верно, догадались, что это был домовый, из тех самых домовых, что охраняют чистоту в доме, — да, так странный человечек уже ждал его там.

— Ну, ты придумал что-нибудь? — спросил он, после того как они вежливо поздоровались.

— Придумал! — сказал добрый старичок.

— А твоя жена одобрила, что ты придумал?

— Одобрила! — сказал старичок.

— Так что же ты придумал?

— Перенесу дверь нашего дома на другую сторону!

Так он и сделал.

Позвал столяра, мистера Уилльямса, и каменщика, мистера Билла Дэвиса — сам-то он уже стар был, чтобы справиться с такой работенкой, — заплатил им не скупясь, и они перенесли дверь его дома на другую сторону. И каждый вечер, после ужина, старичок — добрая душа брал помойное ведро, и стоило ему сделать каких-нибудь десять шагов — вот он уже у ограды своего сада. Хоп! И все очистки за оградой.

За оградой, да только с другой стороны!

С тех пор, наверное, и повелось, что дверь у валлийцев не на ту сторону.

Да, а старичок-то, между прочим, внакладе не остался. С мистером Уилльямсом, столяром, и с Биллом Дэвисом, каменщиком, он расплатился честь честью. И все равно получилось так, что ни гроша он не потратил.

— Как же так? — спросите вы.

А так, что каждую субботу, лишь только темнело, добрый старичок и его жена, тоже добрая старушка, находили под своей дверью старинную серебряную монету.

Лопата земли

На самой границе горного Уэльса жил некогда старый злой великан. И уж не знаю почему, но он просто терпеть не мог мэра и всех жителей города Шрусбери. Долго он ломал себе голову, как бы им посильнее досадить, и наконец не придумал ничего лучше, как бросить полную лопату земли в реку Северн, чтобы ее запрудить.

«Ха, ха! — думал великан Рёкин (так его звали — вполне приличное имя для старого и злого великана). — Пусть речка выйдет из берегов и затопит весь город вместе с мэром и всеми жителями. Весь-весь!»

И вот это низкое создание в один прекрасный день отправилось в город Шрусбери с полной лопатой земли.

Не знаю уж, как так случилось, но по дороге он заблудился и пришел не к Шрусбери, а к Веллингтону. Уже вечерело, и великану хотелось скорей добраться до места, потому что ноша была тяжелая и он совсем из сил выбился.

Совсем недалеко от города великан встретил сапожника с большим мешком на спине, в котором были старые башмаки да сапоги. Этот сапожник возвращался домой в Веллингтон, где была его лавка, а

шел он из Шрусбери, где и набрал все эти башмаки и сапоги для починки.

— Послушай! — окликнул его великан Рёкин. — Далеко еще до Шрусбери?

— До Шрусбери? — переспросил сапожник, запрокидывая голову и глядя вверх. Выше, выше, пока где-то уже совсем высоко он наконец не разглядел то, что было великановой головой, и она ему совсем не понравилась. Поэтому вместо ответа он спросил: — А что тебе там нужно, я имею в виду Шрусбери?

— Видишь эту лопату земли? — спрашивает великан, и при этом голос его задрожал от злобы. — Я собираюсь бросить ее в Северн, чтобы река вышла из берегов и затопила весь Шрусбери: и мэра, и жителей, всех-всех!

Сапожнику такая затея пришлась не по душе.

«Ничего себе — затопить Шрусбери! — подумал он. — Вместе с мэром и всеми жителями. Ну нет, не выйдет!»

Так он подумал. Но на самом-то деле что мог поделать какой-то ничтожный сапожник с настоящим великаном?

Он опустил на землю мешок, поскреб в затылке и говорит:

— Так, значит, Шрусбери? До него еще порядком! Сегодня тебе туда никак не добраться. Да и завтра, пожалуй, тоже.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает великан.

— Да я как раз иду из Шрусбери, — говорит сапожник и развязывает при этом свой мешок, чтобы великан увидел, что у него там. — Это очень далеко, поверь мне. Видишь, сколько башмаков и сапог я износил, пока шел оттуда?

— О горе мне! — вздохнул великан, и от его вздоха даже горы задрожали. — Тогда лучше я не пойду туда. Я и так совсем из сил выбился. Чтобы еще хоть немного тащить эту тяжеленную лопату с землей, нет уж!

— Если б немного! — подхватил сапожник. — Но туда еще идти и идти!

— Раз так, — говорит великан, — тогда мне, пожалуй, умнее всего сбросить эту землю прямо здесь и вернуться домой.

Сапожник промолчал: он боялся, как бы великан не разгадал его хитрость. Но великан так устал, да и вообще-то был глуповат, что ничего даже на заподозрил. Он опрокинул лопату с землей на том

месте, где стоял, вычистил о край лопаты свои сапоги и зашагал прочь в валлийские горы. И больше о нем в Шрусбери не было ни слуху ни духу.

А если вы не верите, что все так и случилось, ступайте по дороге из Шрусбери в Веллингтон и, не доходя до города, сами увидите на том месте, где великан опрокинул лопату земли, высокий холм, который так и называется Рёкин, а рядом холмик поменьше — из той земли, которую великан счистил со своих сапог.

notes

Примечания

1

Шанахи — бродячий сказитель и музыкант в Ирландии.

Банши — так называют в Ирландии духов в образе женщины, стоны которых предвещают смерть.

3

Соверен — золотая монета в один фунт стерлингов.

4

Эйре — одно из названий Ирландии.

Перевод Р. Кушнирова.

Перевод Р. Кушнирова.

7

Глупыш — морская птица.

Потин — ирландский самогон.

9

Пак — дух в облике животного.

Банши — в ирландской мифологии дух, стоны которого предвещают смерть.

Лох — по-ирландски озеро.

12

То есть не успел и глазом моргнуть.

zlibrary

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.se

singlelogin.re

go-to-zlibrary.se

single-login.ru

[Official Telegram channel](#)

[Z-Access](#)

<https://wikipedia.org/wiki/Z-Library>